

БРАТЯ БУТЯКОВЫ

ПЕРЕПИСКА

ТОМ I

Александр Булгаков

**Братья Булгаковы. Том
1. Письма 1802–1820 гг.**

«Издательство Захаров»

2010

УДК 82-6
ББК 84Р1-4

Булгаков А. Я.

Братья Булгаковы. Том 1. Письма 1802–1820 гг. /
А. Я. Булгаков — «Издательство Захаров», 2010

ISBN 978-5-8159-0947-2

Текст взят из репринтного издания книги: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. I. – М.: «ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ», 1999. – (Русская историческая библиотека).

УДК 82-6
ББК 84Р1-4

ISBN 978-5-8159-0947-2

© Булгаков А. Я., 2010
© Издательство Захаров, 2010

Содержание

Александр и Константин Булгаковы	5
Воспоминание о Булгаковых	7
1802 год	11
1803 год	17
1804 год	28
1805 год	38
1806 год	54
1807 год	60
1808 год	65
1809 год	85
1810 год	103
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Братья Булгаковы. Том 1

Переписка. Письма 1802–1820 гг

Александр и Константин Булгаковы

Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863) – сенатор, московский почт-директор, старший сын известного дипломата, действительного тайного советника Якова Ивановича Булгакова и француженки Екатерины Любимовны Эмбер; родился 15 ноября 1781 года в Константинополе, где отец его был тогда чрезвычайным посланником; в 1790 году вместе с братом получил фамилию и герб Булгаковых. Воспитывался в Петербургской немецкой школе Св. Петра. Записанный с 1789 года сержантом в Преображенский полк, в 1796 году поступил юнкером в Коллегию иностранных дел. С 1802 года состоял при миссии в Неаполе и Палермо, в 1809 году, чтобы жить в Москве вместе с отцом, причислился к Московскому архиву иностранных дел; в 1812 году назначен чиновником для особых поручений к графу Ростопчину, чью особую любовь и доверие сумел заслужить; в этой должности он состоял и при преемнике Ростопчина графе Тормасове. Произведенный в 1819 году в действительные статские советники и пожалованный в 1826 году в камергеры, А.Я.Булгаков продолжал числиться при архиве, пока в 1832 году не был назначен московским почт-директором, к большому удовольствию москвичей и чиновников почтового ведомства, еще живо помнивших всеми искренне любимого его брата, К.Я.Булгакова, положившего немало сил на устройство Московского почтамта. Сам мастер писать письма, страстный любитель новостей, А.Я.Булгаков имел теперь в своем распоряжении богатый материал для удовлетворения этой своей слабости. По выражению князя Вяземского, он «купался и плавал в письмах, как осетр в реке». Поэтому для него большим ударом стало перемещение в 1856 году с должности почт-директора в Сенат, и спустя семь лет, в 1863 году, он умер в Дрездене.

Сын француженки, уроженец юга, Булгаков по внешности и темпераменту напоминал южанина, по убеждениям же и вкусам был вполне русским человеком. Не имея глубокого ума, считался образованнейшим человеком своего времени, был приятен в обществе, умел хорошо подмечать слабости людей и искусно их передразнивать. Мастер рассказывать, А.Я.Булгаков любил чтение и сам был не чужд литературы, хоть и без особенного успеха. Был дружен со многими выдающимися людьми своего времени – Вяземским, Тургеневым, Закревским, Воронцовым, пользовался благоволением государя Николая Павловича и великого князя Михаила Павловича, которого умел развлекать в Москве своими остроумными рассказами. Человек общительный, Александр Яковлевич имел обширный круг знакомств; часто получая от брата петербургские новости, Булгаков являлся в Москве как бы живой газетой и любил первый сообщить какое-нибудь приятное известие. В его обширной переписке, по словам князя Вяземского, отразились «весь быт, все движение государственное и общежительное, события, слухи, дела и сплетни, учреждения и лица, с верностью и живостью».

Константин Яковлевич Булгаков (1782–1835) – петербургский почт-директор и управляющий почтовым департаментом, родился в Константинополе 31 декабря 1782 года. Учился вместе со старшим братом А.Я.Булгаковым в Петербургской немецкой школе Св. Петра и в 1797 году поступил в Архив иностранных дел в Москве. В 1802 году причислен к посольству в Вене и заслужил расположение как князя А.Б.Куракина, так и графа Разумовского, доверивших Булгакову секретные дела. В 1807 году сопровождал Поццоди-Борго в Архипелаг, а в 1810–1812 годах состоял правителем дипломатической канцелярии главнокомандующих Молдавской армией графа Каменского и Кутузова. Оба полюбили способного, всегда бодрого и

веселого Булгакова, и первый в своем завещании поручал его покровительству государя, а второй любил говорить: «Когда вижу Булгакова, у меня сердце радуется». Посланный в Константинополь адмиралом Чичаговым, Булгаков блестяще исполнил поручение, достигнув ратификации султаном мирного договора.

В 1813 году К.Я.Булгаков управлял Гродненской губернией, затем состоял при князе П.М.Волконском и графе Нессельроде, а в день вступления русских войск в Париж находился при Александре I, и ему поручено было принимать прошения; затем сопровождал государя в Лондон и графа Нессельроде на Венский конгресс. В 1816 году незадолго перед тем женившийся на дочери валахского вестиярия румынке Марии Константиновне Варлам Булгаков отказался от места посланника в Дании и был назначен московским почт-директором. В Москве он заслужил всеобщую любовь: почтовые чиновники, провожая его, благодарили за заботы об их нуждах и «всевозможные благодеяния», которые он «возвышал искренним и всегда ободряющим обращением, благосклонными и с отеческой нежностью соединенными наставлениями». В 1819 году К.Я.Булгаков был переведен на ту же должность в Петербург, в 1821 году награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, в 1826 году произведен в тайные советники, в 1832 году получил Белого Орла. Булгаков умер от удара 29 октября 1835 года, всего пятидесяти трех лет от роду, и похоронен в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Он сделал много полезного в почтовом деле: ускорил движение корреспонденции, впервые устроил городскую почту, уменьшил таксу, ввел дилижансы, экстра-почту, заключил конвенцию с Пруссией и пр. Государи Александр I и Николай I, императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна выражали ему свое благоволение. Благодаря своим личным качествам, Булгаков пользовался общей симпатией. Живой и общительный, он и внешнею напоминал старшего брата, но его нравственные правила и убеждения были чище, его сердечность глубже, его доброта чужда своекорыстных соображений. Он был всем доступен и со всеми вежлив, особенно с подчиненными; его готовность помочь всякому была общеизвестна, и он являлся, по словам Вяземского, «средоточием, к которому стекались повсеместные просьбы». К.Я.Булгаков обладал «особенной ловкостью» убеждать людей холодных и недоступных, и его ходатайства достигали цели. Он никогда ничего не просил для себя и никому никогда не отказывал сам, так что почти все считали себя в долгу перед ним.

В доме его собиралось множество гостей, и эти собрания были «биржей животрепещущих новостей», но сам Булгаков был надежным хранителем известных ему тайн. Устраивая у себя благотворительные вечера и лотереи, он любил сам отыскивать бедных и оказывать им помощь. Его обширная переписка, изданная в «Русском Архиве», является богатой и интересной хроникой русского общества начала XIX века и дает обильный материал для положительной характеристики самого писавшего.

Текст взят из репринтного издания книги: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. I. – М.: «ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ», 1999. – (Русская историческая библиотека).

Воспоминание о Булгаковых

Александр Яковлевич Булгаков, хотя, собственно, и не принадлежал ни к «Арзамасу», ни к литературной деятельности нашей, был, тем не менее, общим нашим приятелем – то есть Жуковского, Тургенева, Дашкова, моим и других. Он был, так сказать, членом-корреспондентом нашего кружка. В печати известен он некоторыми статьями, более биографическими и полу- или бегло-историческими, но в нем, при хорошем образовании и любви к чтению, не было ни призвания литературного, ни авторского дарования. Впрочем, что касается до некоторых его печатных статей, то и тут надобно сделать оговорку. Дружба дружбой, а правда правдой. Он не всегда держался правила «не мудрствовать лукаво», увлекался своим воображением и живостью впечатлений и сочувствий. Помню, между прочим, статью его, где-то напечатанную, в которой он будто записал слова Карамзина, сказанные в кабинете графа Ростопчина за несколько дней до вступления французов в Москву. Сущность рассказа, вероятно, отчасти и справедлива, но много придал он Карамзину и своего собственного витийства. Карамзин ни до войны 1812 года, ни при начале ее не был за войну. Он полагал, что мы недостаточно для нее приготовлены: опасался ее последствий – при настойчивости, властолюбии, военных дарованиях и счастье Наполеона. Он знал, что Наполеон поведет на нас всю Европу и что она от него не отстанет, покуда он будет в силе и счастья. Он был того мнения, что некоторыми дипломатическими уступками можно и должно стараться отвратить, хоть на время, наступающую грозу. Патриотизм его был не патриотизмом запальчивых газетчиков: патриотизм его имел охранительные свойства историка.

Собственно литературой Булгакова была его обширная переписка. В этом отношении он поистине был писатель, и писатель плодотворный и замечательный. Вольтер оставил по себе многие тома писем своих: они занимают не последнее место в авторской деятельности и славе его; они пережили многие его трагедии и другие произведения. Разумеется, не сравнивая одного с другим, можно предполагать, что едва ли не столько же томов писем можно было бы собрать и после Булгакова. Нет сомнения, что и они, собранные воедино, могли бы послужить историческим или, по крайней мере, общежительным справочным словарем для изучения современной ему эпохи, или, правильнее, современных эпох, ибо, по долголетию своему, пережил он многие. Кроме нас, вышепоименованных, был он в постоянной переписке со многими лицами, занимавшими более или менее почетные места в нашей государственной и официальной среде. Назовем, между прочими, графа Ростопчина, князя Михаила Семеновича Воронцова, графа Закревского. Вероятно, можно было бы причислить к ним и Дмитрия Павловича Татищева, графа Нессельроде, графа Каподистрию и других. Но важнейшее место в этой переписке должна, без сомнения, занимать переписка с братом его Константином Яковлевичем. Она постоянно продолжалась в течение многих лет. Оба брата долго были почт-директорами, один – в Петербурге, другой – в Москве. Следовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости постороннего глаза. Весь быт, все движение государственное и общежительное, события и слухи, дела и сплетни, учреждения и лица – все это, с верностью и живостью, должно было выразить себя в этих письмах, в этой стенографической и животрепещущей истории текущего дня. Судя по некоторым оттенкам, собственным характеру и обычаям братьев и отличавшим одного от другого, несмотря на их тесную родственную и дружескую связь, можно угадать, что письма Константина Яковлевича, при всем своем журнальном разнообразии, были сдержаннее писем брата. Константин Яковлевич был вообще характера более степенного. Положение его в обществе было тверже и определеннее положения брата. Вероятно, некоторые из приятельских отношений к лицам, стоящим на высших ступенях государственной деятельности, перешли к последнему, так сказать, по родству, хотя и от младшего брата к старшему. К.Я.Булгаков смолodu шел по дипломатической

части и бывал в военное время агентом Министерства иностранных дел при главных квартирах действующих армий. Это сблизило его с графом Нессельроде, графом Каподистрией, князем Петром Михайловичем Волконским и другими сподвижниками царствования Александра I. Умственные и служебные способности его, нрав общительный, скромность, к тому же прекрасная наружность, всегда привлекающая сочувствие, снискали ему общее благорасположение, которое впоследствии на опыте умел он обратить в уважение и доверенность. Император Александр особенно отличал его и, вероятно, имел на виду и готовил для определения на один из высших дипломатических заграничных постов. Говорили, что государь очень неохотно и с трудом, по окончании Венского конгресса, согласился на просьбу его о назначении на открывавшееся тогда почт-директорское место в Москве. Но незадолго перед тем Булгаков женился и желал для себя более спокойной служебной оседлости. Московским старожилам памятно его директорство, всем доступное – подчиненным и лицам посторонним, для всех вежливое и услужливое; памятен и гостеприимный дом его, в котором запросто собирались приятели и лучшее общество. С перемещением его из Москвы в Петербург, на таковую же должность, круг его служебной деятельности и общежительных отношений еще более расширился. Бильярд (оба брата были большие охотники и мастера в этой игре) был два раза в неделю, по вечерам, нейтральным средоточием, куда стекались все звания и все возрасты: министры, дипломаты русские и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директора департаментов, начальники отделений и многие другие, не принадлежащие никаким отделениям. Разумеется, тут была и биржа всех животрепещущих новостей, как заграничных, так и доморожденных. В другие дни, менее многолюдные, дом также был открыт для приятелей и коротких знакомых. Тогда еще более было непринуждения во взаимных отношениях и разговоре. Тут и князь П.М.Волконский, вообще мало обходительный и разговорчивый, распоясывался и при немногих слушателях делился своими разнообразными и полными исторического интереса воспоминаниями. Тут, между прочим, рассказывал он нам, в продолжение целого вечера, многие замечательные подробности о походах императора

Александра, или воспоминания свои о преимущественно анекдотическом царствовании императора Павла.

Собираясь говорить об одном брате, я разговорился о другом, но это не отступление, а, скорее, самое последовательное и логическое вводное предложение. Тем, которые были знакомы с обоими братьями и знали их тесную связь, оно не покажется неуместным.

Александр Яковлевич – уроженец константинопольский и чуть не обыватель Семибашенного замка, в котором отец его довольно долго пробыл в заточении, – провел годы молодости своей в Неаполе, состоя на службе при посланнике нашем Татищеве. Он носил отпечаток и места рождения своего, и пребывания в Неаполе. По многому видно было, что солнце на утре жизни долго его пропекало. В нем были необыкновенные для нашего северного сложения живость и подвижность. Он вынес из Неаполя неаполитанский темперамент, который сохранился до глубокой старости и начал в нем остывать только года за два до кончины его, следовавшей на 82-м году его жизни. Игра лица, движения рук, комические ухватки и замашки, вся эта южная обстановка и представительность были в нем как будто врожденными свойствами. От него так и несло шумом и движением Кияи и близостью Везувия. Он всегда, с жаром и даже умилением, мало свойственным его характеру, вспоминал о своем Неаполе и принадлежал ему каким-то родственным чувством. И немудрено! Там протекли лучшие годы его молодости. Молодость впечатлительна, а в старости мы признательны ей и ею гордимся, как разорившийся богач прежним обилием своим, пышностью и роскошью. Он хорошо знал итальянский язык и литературу его. В разговоры свои любил он вмешивать итальянские прибаутки. Впрочем, вместе с этой заморской и южною прививкой, он был настоящий, коренной русский и по чувствам своим, и по мнениям. От его сочувствий и сотрудничества не отказался бы и современник его, наш приятель Сергей Николаевич Глинка, русский первого разбора и

основатель «Русского вестника». И ум Булгакова имел настоящие русские свойства: он ловко умел подмечать и схватывать разные смешные стороны и выражения встречающихся лиц. Он мастерски рассказывал и передразнивал. Беседа с ним была часто живое театральное представление. Тут опять сливались и выпукло друг другу помогали две натуры: русская и итальянская. Часто потешались мы этими сценическими выходками. Разумеется, Жуковский сочувствовал им с особенным пристрастием и добродушным хохотом. Булгаков вынес из Италии еще другое свойство, которое также способствовало ему быть занимательным собеседником: он живо и глубоко проникнут был музыкальным чувством. Музыка он не обучался и, следовательно, не был музыкальным педантом. Любил Чимарозе и Моцарта, немецкую, итальянскую и даже французскую музыку, в хороших и первостепенных ее представителях. Самоучкой, по слуху, по чутью, разыгрывал он на клавикордах целые оперы. Когда основалась Итальянская опера в Москве предприятием и иждивением частных лиц – князя Юсупова, князя Юрия Владимировича Долгорукова, Степана Степановича Апраксина, князя Дмитрия Владимировича Голицына и других любителей, – Булгаков более всех наслаждался этим приобретением: оно перенесло его в счастливые годы молодости. Впрочем, имело оно, несомненно, изящное и полезное влияние и на все московское общество.

...После Неаполя едва ли не лучшее время жизни Булгакова было время его почт-директорства. Тут был он также совершенно в своей стихии. Он получал письма, писал письма, отправлял письма: словом сказать, купался и плавал в письмах, как осетр в Оке. Московские барыни закидывали его любезными записочками с просьбой переслать прилагаемое письмо или выписать что-нибудь из Петербурга или Парижа... Булгаков недаром долго жил в Неаполе и усвоил себе качества *cavaliero servente* и услужливого *sicizбея*. Теперь, за истечением многих законных давностей, можно признаться, без нарушения скромности, что он всегда, более или менее, был *inamorato*. Казенные интересы почтового ведомства могли немножко страдать от его любезностей, но зато почт-директор был любимец прекрасного пола.

В одном письме своем Жуковский говорит ему: «Ты создан быть почт-директором дружбы и великой Русской империи». В том же отношении, в другом письме, Жуковский, со своим гениальным шутовством, очень забавно определил письмоводительное свойство Булгакова: «Ты рожден гусем, т. е. все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без усталости писать с утра до вечера очень любезные письма».

Но наконец бедного гуся, Жуковским прославленного, ощипали. Когда уволили его из почтового ведомства с назначением в Сенат, он был как громом поражен. Живое помню, как пришел он ко мне с этим известием: на нем лица не было. Я подумал: Бог знает, что за несчастье случилось с ним. Убежден, что сенаторство, то есть отсутствие почтовой деятельности, имело прискорбное влияние на последние годы жизни его и ее сократило. До того времени бодро нес он свою старость. Сложения худощавого, поджарый, всегда державшийся прямо, отличающийся стройной талией черкеса, необыкновенной живостью в движениях и речи, – он вдруг осунулся телом и духом. Таким находил я его, когда в последнее время приезжал в Москву. Мы и тогда часто виделись, но беседы были уже не те. Я видел пред собою только тень прежнего Булгакова, темное предание о живой старине. После и того уже не было. Бедный Булгаков, уже переживший себя, окончательно умер в Дрездене у младшего сына своего.

В один из последних приездов моих в Москву уже не нашел я и старшего сына его Константина. Разбитый недугом и параличом и в последние годы жизни казавшийся стариком в виду молодого отца своего, он обыкновенно угощал меня артистическим вечером. Тут слушал я стихи Алмазова, комические рассказы Садовского и самого хозяина, которого прозвал я Скароном; а сам себя называл он скромным Скароном. На этих вечерах, уже хриплым голосом, но еще с большим одушевлением, распевал он романсы приятеля своего Глинки. По наследству от отца имел он также отличный дар передразнивания: представлял, в лицах и в голосе, известных певцов итальянских и русских. Особенно умел он схватить приемы пения нашего незабвен-

ного Виельгорского и картавое произношение его. Вот также была богатая русская натура: это второе поколение Булгаковых. Музыкант в душе, но также самоучка, остроумный, без пригтовительного образования, хорошо владеющий карандашом, особенно в карикатуре, – он был исполнен дарований, не усовершенствованных прилежанием и наукой. Все это погубила преждевременно жизнь слишком беззаботная и невоздержанная. Он тоже был особенной и оригинальной личностью в московской жизни. Все это переходит в разряд темных преданий.

Все близкое и знакомое мне в Москве год от года исчезает. Москва все более и более становится для меня Помпеей. Для отыскивания жизни, то есть того, что было жизнью для меня, я не могу ограничиваться одною внешностью: я должен делать разыскания в глубине почвы, давно уже залитой лавою минувшего.

П. А. Вяземский, 1868.

Текст взят из книги: Князь Петр Андреевич Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. VII. – СПб., 1882.

1802 год

Александр. Неаполь, 19 мая 1802 года

Радуюсь, что ты в Вену едешь; право, завидный город. Я был там только шесть дней, и этого довольно было, чтобы прельстить меня. Удовольствия там бесчисленны, множество можно найти упражнений, нет тех опасных искушений, которые здесь ежеминутно встречаются.

Очень тебе рекомендую Рибопьера: на редкость добрый, вежливый и услужливый малый; я пишу к нему и рекомендую тебя. Васильчиков тоже хороший малый. Анстет, твой второй шеф, преприятногo нрава, веселого и не имеет чванства, на которое место его дает ему несколько право. Кудрявский, мне кажется, педант, но я не даю это за истину: не водился с ним и не успел его апрофондировать. Не давай ему, ради Бога, брат, над собой верх, до чего он охотник. Не бери работу от него (которую не имеет права давать) без приказа на то Анстета. С самого начала поставь себя на ногу человека несколько значащего; всем уж там известно, кто ты, и ты увидишь, что не будут тебя мешать с Кудрявским и Волынским. Там не скажут, что ты спесив, а скажут, что умеешь хорошо себя вести. Дружись с Рибопьером; с ним будешь выезжать: это уж даст в городе хорошее мнение о тебе, а первый шаг – главное.

Впрочем, дабы не делать мои советы слишком пространными, потребуй оных при приезде твоём у Рибопьера моим именем; он весьма хорошего нрава и рад, конечно, будет иметь еще товарища, кроме Васильчикова, благовоспитанного и не повесу; впрочем, в сем последнем я уверен, что и вперед таким не будешь. Помни советы батюшки, любезный брат, не огорчай его; я знаю, что говорить тебе это – лишнее, но, любя тебя, я их напоминаю тебе и позволяю тебе, прошу тебя даже – то же мне повторять.

Представь себе, сколь бы было мучительно для нас, когда воротимся в Москву, вместо его восторгов и объятий слышать упрёки, и еще справедливые? Нет, этого не будет никогда: мы слишком хорошо знаем друг друга, чтоб не быть в том уверенными.

Это письмо доставит тебе Лубяновский. Третьего дня приехал сюда наш кавалер посольства, статский советник Леонтьев, который служил сперва в конной гвардии, теперь помещен к нам; он женат на Пестелыпиной сестре. Он привез мне письмо от Лубяновского, который пишет из Флоренции, что едет в Россию и отвезет туда мои письма.

Я приехал сюда тому ровно месяц, живу в доме нашего министра Италинского, – прередко честный, добрый, умный человек. Имею у него стол, завтрак и все возможные выгоды. Дай Бог тебе такого начальника.

Много хорошего здесь, местоположение совсем Буюкдерское; я вижу Везувий из своих окон. Я всякий день обедаю, ужинаю, езжу в театр, прогуливаюсь, езжу за город – все с князем Гагариным, который прелюбезнейший человек; хотел, чтобы я у него жил и проч. Княгиня редкая женщина¹; я думаю, что скоро поклонюсь низко Москве и стану жертвы приносить Неаполю.

Я был только в двух театрах, а их здесь шесть, и шесть трупп, и часто случается, что играют во всех шести вдруг. Князь дал мне навсегда место в своей ложе.

Александр. Неаполь, 27 мая 1802 года

¹ Предмет рыцарской страсти императора Павла. Ее прекрасный портрет был у князя Б.Лобанова. Супруг ее, князь Павел Гаврилович, перед тем был нашим министром в Турине и уехал оттуда, потому что французы завладели Пьемонтом. (Здесь и далее все примечания – как в тексте в прямых скобках, так и в сносках – принадлежат первому издателю этой переписки Петру Бартеневу. – «Захаров».)

Вся Князева (Гагарина) компания, в которой и я место занимаю, едет на сих днях в Пестум смотреть достопамятные остатки древних греков. Завтра будем карабкаться на самую вершину Везувия. Мало оное делают; говорят, от большого жару, который лазанье делает мучительным; притом же есть одно место, в котором вязнешь по колено, – вроде мелкого песку или, лучше сказать, пыли, из лавы составленной. Впрочем, большая половина дороги делается на осле. Я даже положил с князем, Пиниевым братом и графом Бальменом [Александром Антоновичем], который в Князевой миссии (большой востряк), спуститься в кратер или отверстие, из которого выходили пламя, камни и проч. в последнее извержение.

Не успел я сюда приехать, а уж много работы, потому что я один только: ни Пиния, ни Свечина нет. Правда, что последнего и считать нельзя. Вот что мне сказал Италинский: «Я действительно хочу обременить вас всею российской и французскою перепискою, а господин Пиний будет ведаться с итальянским языком». Я очень этому рад и готов всей душою работать.

В Вене надобно тебе быть, покуда не займешь места Волынского, следующего непременно тебе, ежели сей как-нибудь отбудет; ибо Волынский вострит уши на какое-либо консульское место в Италии и говорил мне, что, ежели женится выгодно, пойдет в отставку. Старайся заранее заставить всех желать видеть тебя на месте Волынского, которого, не знаю за что, не очень любят.

Александр. Неаполь, 1 июня 1802 года

Обедаю по почтовым дням, а еще в другие дни, когда заблагорассудится или если Гагарина нет дома, у своего министра, прочие все дни от утра до вечера всякий Божий день у князя Гагарина. Там подлинно приятно провожу время: ем, пью хорошо, играю в бостон, ежели хочу, езжу с ними в театр, гулять и проч. Кстати сказать, князь, по желанию своему и просьбе, уже не министр, а при прежней генерал-адъютантской должности; на его место тайный советник и сенатор Лизакевич. Все в Сардинской миссии плачут о потере столь хорошего начальника. Он пробудет здесь еще несколько месяцев, а потом поедет в Россию к своему месту.

Хорошо сделал батюшка, что раздумал продавать деревни, ежели может, и избежав сие, заплатить долг; впрочем, все его распоряжения не могут не быть благоразумны. Я писал тому две почты к маменьке, с прошлою также; досадно, ежели она их не получала.

С Фавстом не знаю, что делается: пишет престранное мне письмо, где говорит, что недостойн быть моим другом, ибо я его превышаю разумом, дарованием; что я буду большим человеком и стану его презирать, яко окончившего уже свою карьеру и бесполезного своему отечеству, и другие подобные пустяки. В другом письме пишет, что посвятил себя уединению, честности и добродетели, что станет заниматься природою и делать добро.

Третьего дня король приехал из Сицилии на «Архимеде», большом военном корабле, при пушечной пальбе, и имел торжественный въезд в город при крике и восклицании народном. Множество настроено храмов, ворот, амфитеатр пребольшой и прекрасный и проч., все сие было ночью иллюминировано; все войска были под ружьем. Праздник был очень хороший, продолжался вчера и сегодня.

Александр. Неаполь, 15 июля 1802 года

Министр меня любит и ласкает; знакомых я не имею, кроме графини Скавронской и князя Гагарина, у которого я с утра до вечера. О княгине я тебе говорить не стану, ибо довольно уж ее расхваливал во всех письмах, которые к тебе писал. Ты будешь иметь счастье ее видеть, ежели поедут, возвращаясь в Россию, через Вену, что, однако ж, очень сомнительно. Князь думает ехать отсюда через месяц или полтора; не утерплю, поеду провожать до Рима, где выпрошу позволение пожить с ними месяц.

Нового здесь не слышно ничего. По данной в Пьемонте французским губернатором Журданом прокламации, край сей присоединен к Французской республике, и имения тех, кото-

рые в течение двух месяцев туда не явятся, будут конфискованы. Бонапарт оправдывает поведение свое отречением короля Сардинского от престола своего, хотя он и назначил себе преемника. В Константинополе большой мятеж, и султан, говорят, удушен. Визирь заступил его место. Королева Неаполитанская, за которою отправлен в Триест корабль, еще не прибыла сюда.

Александр. Неаполь, 12 августа 1802 года

Граф Италинский получил копию с указа о назначении его в Царьград, куда думает ехать на английском фрегате с графом Друмондом через месяц. По сию пору не знаем, кто будет на его место. Говорят, Бибиков, и говорят у Скавронской, что Дмитрий Павлович Татищев; ни один ни другой после графа Италинского меня не обрадует. Сему последнему определено на заведение дома и проезд 5000 рублей с курсом.

Александр. Неаполь, 26 августа 1802 года

Бонапарт ассигновал, говорят, королю Сардинскому 2 миллиона ливров в год. Его величество поедет в Вену, другие говорят – в Сардинию, третьи – в Венецию. Пишут сюда, что Панин воротился в Россию из Швеции, оттого что король не хотел его иметь в своем государстве и выслал генерала к границе для объявления ему того.

Александр. Неаполь, 2 сентября 1802 года

На сих днях прибыла сюда испанская эскадра со 120-пушечным военным кораблем, имеющим отвезти здешнего наследного принца в Испанию, для восприятия там супружества с принцессою Испанскою. Он же корабль отвезет туда принцессу Неапольскую Марию-Антуанетту, невесту принца Астурийского. Город наполнен теперь испанцами всех цветов и величины.

Третьего дня было здесь поутру в третьем часу маленькое землетрясение, то есть легонький толчок, а ночью видно было лунное затмение; $\frac{1}{5}$ луны только была видна, прочее все покрыто, так что из прекрасного месячного времени сделалась темная ночь. Мы смотрели сие с Князева балкона.

Намедни за столом у князя была престранная история между Карповым и Бальменом, в которой сей последний кругом виноват. Князь запретил ему вход к себе, покуда не попросит прощения у Карпова. Карпов требовал сатисфакции; не получив ее от Бальмена, просился в отставку и хотел ехать в Петербург, с сожалением объявил князю, что не может у него бывать, будучи обижен в его доме. Послали к нему Дубри, который ни в чем не успел. К вечеру пошел я; все, что я мог сделать, было уговорить Карпова быть к князю. Мы вместе пошли, и князь упрямил его не делать, как говорится, огласки и забыть все. Он наконец согласился, но не думаю, чтобы он сие так оставил, когда князь уедет, и Бальмену будет худо.

Имеем известие, что наши войска прибыли уже в Корфу и что граф Моцениго было принят с большой пышностью; вот и все. Юрасов женится на мамзель Лицыной [Дарье Петровне, князя Петра Алексеевича Голицына дочери].

Александр. Неаполь, 16 сентября 1802 года

Вообрази, что Немировский, тот, коего я при здешнем посольстве занял место, в Корфу, скоро по приезде своем, застрелился из двух пистолетов, оставив Моцениге письмо, в котором между прочим говорит: «Прощайте, господин граф. Надеюсь снова вас увидеть там, куда приведут вас обстоятельства вашей экспедиции на Корфу: на Елисейских Полях или в аду, и проч. Передайте мои комплименты всем моим друзьям и просите их не жалеть обо мне, ибо с этой минуты я делаюсь счастливейшим человеком Земли». Моцениго в большом затруднении

теперь, не имея секретаря. Требуется у графа Италинского Пиния, который, однако же, послан не будет.

Александр. Неаполь, 30 сентября 1802 года

Ты говоришь мне проситься с Италинским. Признаюсь, что мне бы приятно сие было; но соседство твое и частая переписка, притом надежда, что батюшка сюда будет, сильно меня привязывают к Неаполю. Император позволил князю [то есть князю Павлу Гавриловичу Гагарину, женатому на княжне А. П. Лопухиной] ввезти в Россию с собою что хочет и освободил от всякого осмотра.

Ты, может быть, знаешь, что наш советник посольства Павел Свечин² по именному указу отрешен от всех дел. Рассуди, что он, дабы иметь свою жену, переменил закон и обвенчался по католическому обряду. Весьма меня удивило слышать, что Тургенев³ танцевать хочет учиться, – у него одна нога другой короче, и скажи ему, что он более похож на иноходца, нежели на танцовщика. Василий Львович⁴ развелся с Капочкою за то, что она брюхата, но, видно, не маленьким поэтом. Вот что называется быть глупцом. Пусть плод чужой, но зато слава наша. Князю пишут, что в Летнем саду кто-то выстрелил из пистолета и ранил гвардейского офицера в руку. Государь обещал 5000 рублей тому, кто найдет виноватого⁵.

Александр. Неаполь, 12 октября 1802 года

Курьер, который должен был здесь долго пробыть, вместо того отправляется завтра в угодность королеве, чтобы избавить ее от посылки своего курьера в Петербург. Он тебе сие письмо вручит. С ним посылаю я посылку к Приклонскому для доставления ее к батюшке; состоит она в табакерках из лавы, той мозаики, которую ты у меня видел. Княгине посылаю нитку пурпурины на шею, то же – Анне и Ал. Петровне, тетушке – черепаховую табакерку, а князю Сергею Ивановичу – из лавы. Александру Васильевичу – струны, маменьке – табакерку черепаховую с прекрасным золотым медальончиком, а Фавсту – ту булабочку с птичкой, которую ты также видел у меня; вот и все.

Ежели будешь писать, то сделаешь пакет разный; впрочем, ежели тебе угодно, можешь распечатать мои и положить свои туда, только не расстрой моего расположения. Ты найдешь курьера готовым исполнить все твои комиссии и взять все пакеты, которые ему дашь.

Граф Италинский уже укладываться начинает. Он писал к одному английскому адмиралу, командующему в Средиземном море, испрашивая у него для переезда своего фрегата. Он, верно, оный получит и, будучи готов, тотчас уедет, оставив Леонтьева поверенным в делах. Я как собака работал эти два дня.

Александр. Неаполь, 20 октября 1802 года

Радуюсь, что ваша Вена наполняется русскими, а сюда даже бешеная собака из России не забегает. Очень мне грустно видеть, что так мало своей братии, но что делать? Хорошо, что есть еще приятели, которые утешают своими письмами. Удивляюсь, что Ланской оставил столь хорошее место, но кого Париж с ума не сводит? Я думаю (не прогневайся!), что ежели бы пришлось послать из Вены курьера в Париж, то вся Венская миссия перебилась бы и перепарапалась за сие счастье.

Тургенев, несмотря на свою флегму и на дружбу к тебе и Грише, выставил бы свои кулаки. Не худо, ежели бы удалось тебе это; тогда бы только оставалось тебе видеть Лондон.

² Этот Свечин, Павел Сергеевич, был сделан итальянским графом Свечиным-Гальяни.

³ Андрей Иванович, служивший в Вене; оказывается, что и он, как и брат его Николай, был коротконог.

⁴ Пушкин. Его супруга Капитолина Михайловна, урожденная Вышеславцева, вышла потом замуж за Ивана Акимовича Мальцева.

⁵ Известный мнимый заговор, устроенный семеновским офицером Шубиным.

Александр. Неаполь, 8 ноября 1802 года

Как может Тургенев думать волочиться за танцовщицею? Он не умеет танцевать сам, следственно, не может ей делать комплиментов в рассуждении ее искусства, дабы не заставить ее смеяться, назвав падеде, который она, может быть, прелестно сделает, кадрилию, шассе – алагреком, паграв – пируэтом и блистательное название менуэт аларен (по пристрастию своему к немцам) аллемандом и проч. Впрочем, скажи ему, чтобы он вытянул нос свой, ибо женщины не любят маленькие носы: они делают по оным заключения свои, а притом – выросла ли у него борода с тех пор, что мы расстались? Не иметь оной также худой знак.

Третьего дня прибыл сюда английский 36-пушечный фрегат, который повезет Италинского в Царьград. Он думает в сию субботу, то есть через 5–6 дней отправиться; очень позывает меня перейти к миссии его, но этого нельзя вдруг сделать. Спишусь о сем с батюшкой. Он говорит, что не будет иметь никого, знающего по-русски, ибо половина миссии едет с Тамарою назад в Россию, а ты знаешь, что он всю переписку производит на русском языке. Пиниево туда назначение что-то плохо идет. Леонтьев остается поверенным в делах. Он прелюбезный человек, смирен, добр, чувствителен, услужлив; жена его также.

Ты знаешь, что вся Татаринова миссия поехала к Лизакевичу, к должности в Рим, и давно даже. Бальмен не рассудил за благо то же сделать и, не имея ни позволения, ни хорошего претекста, остался здесь, говоря, что ему в Риме скучно будет. Я думаю, что долги его задержали, и он бы чисто пропал без щедрого князя, который помог ему деньгами; но к чему это служит? Все издержано уже, и теперь я не знаю, куда он прибегнет. Я не знаю, как Лизакевич терпит его самовластие и поведение против всякого порядка службы.

На сих днях поехал отсюда в Петербург бывший наш советник Свечин. Ежели увидишь его в Вене, советую поволочиться за женой, которая недурна. Приехал англичанин с известием, что Этну рвет огнем, камнями, золою и проч. Я хочу завтра идти на Везувий, откуда иной раз чуть видно какое-то красное пятнышко, к которому я бы не желал подойти близко.

Александр. Неаполь, 18 ноября 1802 года

На прошлой неделе приехал сюда титулярный советник Рихтер, причисленный к нашей миссии, сверх комплекта. Он, мне кажется, очень смирный и хороший малый, хорошо очень воспитан и приехал теперь из Парижа, от которого, однако ж, с ума не сошел. Мы с ним уже несколько познакомились, и я возил его к Скавронской. У нее был недавно бал, и завтра также. То, что ты мне говоришь о Тургеневе, довольно меня удивляет; мне кажется, что он не для того создан, чтобы куры строить, и комплименты его должны быть слишком учены и высокопарящи. Но кого не развяжет проклятая любовь?

Сейчас едет Италинский; я провожу его до фрегата, на оном с ним отобедаю и пожелаю ему весьма искренно счастливую дорогу. Король, после прощальной аудиенции, пожаловал ему табакерку со своим портретом, осыпанным бриллиантами, в 6000 дукатов по крайней мере. Королева написала к нему преласковое прощальное письмо.

Александр. Неаполь, 2 декабря 1802 года

Ничего не может быть приятнее, как любить и быть любимым. Моя пословица теперь: избыток счастья – это избыток любви. Подлинно не могу не смеяться, воображая себе Тургенева влюбленным, которого я не иначе видал, как с длинною косою, с полно-открытым лбом, с двенадцатью пуговицами у колен на штанах и пристрашными пряжками разного фасона и проч.; но чего не делает любовь? Косу он, верно, отрезал и дал своей любезной, ежели не залогом нежности своей, то по крайней мере на парик. Что касается до пуговиц, то он видел, верно, сам неудобство их...

Мой поклон Ланскому, а Тутолминим почтение. Право, будете вы умницы, ежели будете сюда, то есть Гришак⁶ с тобою; то-то повеселимся, особливо ежели будет батюшка с тобою, я от сей мысли одной в восторге; вообрази себе, что ежели будет батюшка, то и Фавст с ним, а я Фавста, несмотря на то, что он шельма ленивая, люблю всей душою. Рибопьерша идет замуж, но за кого – ты не пишешь. Для Комаровского я сделаю все, что от меня зависит, ибо ты этого требуешь, и заплачу ему за дружбу его к тебе. Волынскому мой поклон, или лучше скажи ему: *гегорстер динер*⁷, чтоб вспомнил он, как мы весело проводили время в Вене.

У нас здесь все идет по-старому; все веселятся, кроме меня. У графини Скавронской каждая среда бал, а в субботу концерт; я там был только один раз. Боюсь, чтоб не дошло до милых ушей, что я веселюсь так скоро после разлуки, и чтоб не подумала, что я ее уже забыл; пожалуй, уверяй ежеминутно, что я только об ней думаю, об ней тебе пишу целые страницы, и право, делал бы оное в самом деле, ежели бы не боялся докучать тебе. Теперь затевают у графини светский театр. Много здесь очень англичан и англичанок, все это бывает у графини. Между первыми знаешь кто? Те лорды, которые во время коронации бывали на всех балах и которых звали всюду кучею; ты помнишь их тонкие, длинные и смешные косы, и как они прыгали, хлопая пальцами, держа руки кверху? Лорд Гринхэм тотчас меня узнал, обрадовался мне, и он всем говорит о Москве с восхищением. Ты помнишь Мотекса, англичанина, который был влюблен в Масальскую и с утра до вечера у нее сидел, не говоря ни слова? Так вот, он тоже здесь. Мне очень их приятно видеть всех, а все оттого, что были мы вместе в России.

Приехал сюда титулярный советник Рихтер, который у нас сверх штата, хороший мальчик и мягкий; между нами, Лобанова им завладела. Я с нею как можно подальше, ибо она не терпит княгиню, и ей досадно, что я по сю пору ей верен. С нею племянница ее Арцыбашева, которая, можно сказать, как говаривал Илья Дмитрия (учитель) Фавсту: «Ох, ты птица!» Я получил недавно от Гагариных прекрасный подарок из Рима: печать, на которой вырезан славно Амур на колеснице, запряженной львом и ослом.

⁶ Вероятно, это князь Григорий Иванович Гагарин, впоследствии наш посланник в Риме и Мюнхене.

⁷ То есть покорный слуга.

1803 год

Александр Клагенфурт, 16 апреля 1803 года

В Сен-Вейте какая встреча! Бедный русский солдат без ноги, которую у него оторвало в Швейцарии; его ведут в Вену, а оттуда он будет стараться дойти до своей отчизны. Я ему дал денег и записочку к тебе, так, когда явится, не оставь его; более ничего тебе не говорю, прочее он сам тебе расскажет. Приключения с нами, как ты видишь, часто, часто случаются. Мы здесь думаем кое-что поесть; Антоша [итальянец, камердинер А.Я.Булгакова] в том настоит не от того, что есть хочется, но влюбился в немочку, от которой получил уже славного трюха, но сие его не обескураживает. Я свою собачку назвал «бибишкой», и она от меня ни на шаг не отходит. При всей моей грусти не могу я не смеяться, глядя на Антошу; жаль, что нет здесь Гришака: он был лопнул со смеху.

Александр Венеция, 18 апреля 1803 года

Здравствуй, любезный брат. Я теперь на площади Св. Марка в кофейне «Конкордия», и покуда не дадут нам позавтракать, напишу тебе все, что успею и что на ум придет.

Я, правду сказать, и не думал быть в Венеции, но, приехав в Местре и узнав, что только час езды сюда, не утерпел не посмотреть чудного сего города. Другого имени, по моему мнению, он не заслуживает. Еще более нечистоты, чем в Неаполе. Дорогой все, слава Богу, шло хорошо, только около Понтиебы не везде были лошади. У Антония проказы с курьером, которые очень меня веселят. Последний спал, выставив из коляски ноги, и потерял сапог. Антоний тоже так раз заснул, что упал совсем с козел. Нищие не дают мне покоя, мешают к тебе писать. Получил ли ты мои два письма, из Фриула и Клагенфурта? Я теперь еду день и ночь; в Риме хочется помешкать ради самого города, ради Карпова и некоторых покупок. Куда теперь спешить, и бог знает, буду ли иметь удобнейший случай видеть лучшие города Италии. Гагарины, я думаю, уже уехали; поминали ли они меня, говорила ли княгиня обо мне? Я очень нетерпеливо жду писем твоих, но бог знает, когда дождусь удовольствия сего.

Александр Рим, 16 апреля 1803 года

Приезжаю сюда, стал у Карпова; сей в тот же день получил от канцлера письмо, уведомляющее его о назначении его к неапольскому посту и что вслед за сим присылают его инструкции, аккредитование и проч. Карпов просил меня подождать до следующей почты, по которой ожидал обещанные бумаги, и два дня после хотел ехать в Неаполь и меня с собою взять. Я на это согласился, тем более, что Кассини не было в Риме, и он приезжает только в почтовые дни, а как ты знаешь, я имел от графа письмо к нему, которое не хотел поверить чужим рукам.

Почта пришла, Карпов ничего не получил, и я завтра дуну в Неаполь; о всем вышеописанном уведомил я Леонтьева по прошедшей почте. Всякий день обедаю я у Лизакевича, это бонвиван и большой хлебосол. По утрам бегаю смотреть, что есть примечательного, после обеда гуляю пешком в вилле Боргезе или по Корсо. Вечеру в театре, который только что изряден. Нигде не видал я таких лихих женщин, как здесь. У меня чуть не дошло до авантюрки с дамою, которую всего два раза видел в театре. Вчера вечером возил меня Лизакевич к Торлони, это дало мне представление о здешних собраниях. Играют в карты, занимаются любовью, и ничего более, и не думают блистать остроумием, как в некоторых городах. Здесь нашел я Бальмена. Он принужден был Неаполь оставить, разгласив везде, что Актонова жена в него влюблена, что хочет с мужем развестись, чтоб выйти за него, и проч. Он это узнал; брат министра публично Бальмена стал ругать и упрекать ему дерзость его. Бальмен от всего отперся. Это много шума наделало.

Леонтьев, боясь, чтобы с Бальменом не было чего дурного, заплатил его долги и послал его к Лизакевичу. Здесь он начал делать всякие проказы, ходил в незнакомые дома, плакал, говорил, что его хотят убить, просил паспорт, чтоб уехать бог знает куда, и проч. Он совсем не тот стал: томен, печален, ни слова не говорит, со всем тем потолстел. Лизакевич хотел дать ему комнату у себя; он отказался, а нанять чем не имеет; все это на него похоже, но он жалок. Он писал в Петербург и просится назад к матери. Это и было бы лучше всего для него.

Долгоруков, брат генерал-адъютанта, зовет меня с собою в Неаполь; но он едет только через 4 дня, а мне мешкать более нельзя, я еду. Здесь тоже говорят о войне, но неопределенно.

Александр. Неаполь, 5 мая 1803 года

Здесь был я принят от всех с восклицаниями. Леонтьева так забылась, что хотела меня обнять. Он удивился, что я не более пробыл в Риме. Ежели бы я это мог предвидеть, то остался бы там еще с неделю и приехал бы сюда с Карповым или с Долгоруковым. Старая Скавронская также очень мне обрадовалась. Жаль, что милые и добрые Леонтьевы едут скоро, то есть через месяц. Пожалуй, сделай им тысячу учтивостей в Вене; у них ангельские сердца. Кстати сказать, ты можешь готовить посылочку батюшке с ними: они с радостью возьмут это на себя. Я ему тоже кое-что pošлю.

Ты не можешь поверить, с каким равнодушием я увидел Неаполь; но как скоро приблизился к Chiaie и увидел Ла Гран Бретанья, равнодушие сделалось печалью: вспомнил, кто там жила, вспомнил Вену, тебя и заплакал. Мне теперь кажется, что я в Вену совсем не ездил и год как тебя не видал. Неаполь очень будет скучен, когда уедут отсюда Леонтьевы, но еще скучнее будет ехать в Палермо, что не замедлит случиться, ежели разразится война. Нашему Фердинанду худо будет, ежели, как говорят, Бонапарт хочет его принудить заплатить папе все недоимки. Это составит важную сумму, а где ее взять? – банк здешний обанкротился. Зурло, директор или, лучше, министр финансов, судится, а между тем сидит в Кастель дель Уово. Многие банкиры, например Торлоний, имевшие суммы в банке, очень от того пострадали.

Приехав сюда, нашел я пять твоих писем, которые здесь лежали и ждали меня. В одном из них Волынского стихи, а в другом, что лучше, – батюшкино письмо № 28, которое я полагал потерянным. Я не отвечаю на письма сии: они старше Адама. Пожалуй, вперед навещай меня почаще. Я счастлив, когда читаю что-нибудь тобою и батюшкою написанное давно, а кольми паче письмо свежее; меня не надобно просить к тебе писать, и ты на меня жаловаться не можешь.

Здесь узнал я Бальменову историю подробнее. Вбил себе в голову, что миледи Актон от него с ума сходит, что хочет мужа оставить, а с ним бежать, но не довольствовался думать то: по всему городу стал разглашать. Отец ее на одном балу начал ему мыть голову при всем собрании, как он смел это выдумать, тогда как миледи даже почти не говорит с ним; он струсил и от всего отперся, но со всем тем все продолжал проказы свои; наконец дошло до того, что генерал Актон был принужден стараться, чтобы Бальмена отдалили, и Леонтьев, заплатив его долги, послал его к Лизакевичу. Что же? Оттуда вздумай он написать к генералу Актону, которому говорит: «Не принуждайте мучиться два любящие сердца; вы слишком стары, чтобы уметь любить свою жену; откажитесь от нее и уступите ее мне; составьте ее и мое счастье...» – и проч.

Один сумасшедший может писать такие чудеса, но Бальмен в полном разуме, и это увеличивает мое удивление. Он же малый умный, и кто-нибудь, верно, ему наговорил, и теперь доискиваются, но безуспешно. Мать миледи писала Бальмену письмо, в котором божилась все забыть и с ним помириться, ежели он скажет, кто его уверил, что миледи его любит, или что дало ему повод думать это; но все старания были тщетны. Он сделал в Риме общее покаяние, как те, которые в монастырь идут; обещался, кроме того, не грешить, также не смеяться даже, не жадничать, не садиться при старших себя и проч. Он стал как ягненок и почти не говорит: всю неделю не мог я добиться трех слов от него. О чудак!

Со здешним Пинием я немного в церемониях; что делать, ежели человек не по сердцу? Рихтер болен лихорадкою. Здесь есть некто молодой человек Петерсон, премилый малый; жаль, что не пришит к миссии нашей. Вот еще будет Долгоруков. Какая молодежь! Здесь еще у нас молодой принц Мекленбург-Стрелицкий, брат королевы Пруссии, молодой человек, прекрасный лицом, очень вежливый и хорошо воспитанный. Я вчера с ним познакомился; жаль, что едет в Палермо, но на малое время, и опять сюда воротится. Вот все здешние новости. Не много, как видишь. Мне Леонтьев сказал, что на сих днях едет курьер через Вену в Петербург, и я пишу сие письмо заранее; что сделано, то сделано, а у меня есть с десяток писем на совести.

Александр. Неаполь, 9 мая 1803 года

У нас теперь пропасть дела, и я все то делаю, что не успеет Леонтьев. Какие редко добрые люди он и она! Я всякий день обедаю у них или у принцессы Филипстальской, с которой они в одном доме живут. Вся наша шайка там собирается, то есть Леонтьевы, принцесса, Рихтер, Петерсон (милый малый и давно здесь путешествующий), я и некоторые другие: мы смеемся, болтаем, музицируем, играем в карты, читаем и проч. В четверг король дает в Фаворите бал для принца Мекленбург-Стрелицкого, – молодой учтивый и преблаговоспитанный человек. Он брат королевы Пруссии; ежели она на него похожа, то хороша.

Александр. Неаполь, 15 мая 1803 года

На балу все были во фраках, и очень весело. Король сидел очень задумчив и печален в греческом уборе; дама упала и заголилась, он начал хлопать, встал с места, закричал что-то по-неаполитански, смеялся и целый вечер был весел. Он такой, кажется, добрый; не дивлюсь, что народ его так любит. Между нами сказано, он едет в Палермо: но мы, как говорят, остаемся при наследном принце, который, купно с министерством, будет иметь пребывание здесь.

Вчера чуть не убили герцогиню Авеллино в Толедо; ее кучер чуть не задавил мальчика, только чур! Кучера стащили с козел, лакеи вступились за кучера. Шум. Госпожа выглянула из окошка, чтобы только посмотреть, что делается; один лазаронец ударил ее дубиною по голове, но не до смерти, да тем дело и кончилось. Экий народ! Намедни один солдат расквасил другому голову камнем у самого моего балкона. Вот наши приятные неапольские вести, а в Вене немца, пожалуй, хоть в грязь столкни, только не ругай: ни слова не скажет, разве только «да», «нет».

Александр. Неаполь, 17 мая 1803 года

Приехал Долгоруков, брат генерал-адъютанта, с которым я еще в Риме познакомился. Он едет через месяц отсюда в Сицилию и Мальту. Также здесь венский красавец, от которого, ты говорил, что... кажется, пахнет, то есть Буш.

Ни один русский более к Скавронской не ходит; вшивый один эмигрант, буффон графинин (но между нами это останется), сделал грубую невежливость Леонтьевой; муж пошел на другой день к старухе просить, чтобы она или ему отказала от дома или заставила его просить прощения. Скавронская ни туда ни сюда; говорит, что не хочет входить в это. Леонтьев ей поклонился и уверил, что его ноги более не будет у нее. Мы все, узнав, что она променяла вшивого французишку (Ладвез) на жену своего поверенного в делах, одним словом, иностранца на русского, не признаем ее за единоземку и более к ней не ходим. Сим лишилась она компании человек в 10, и те, которые ходят к ней, все ее обвиняют, и старуха не знает, как бы поладить дело.

Александр. Неаполь, 19 мая 1803 года

Прошу тебя, ради дружбы твоей, более себя поберегать. Кутай себя хорошенько, когда выходишь; заведи малину и пей ее вместо чаю; ты знаешь, как это хорошо для груди. Но чтобы

письмо не походило на тетушкино, перестану говорить о лекарствах, только повторяю просьбу быть осторожнее.

Знаешь ли ты, что без твоего тулупа я бы пропал, и до самого почти Неаполя он мне очень был нужен, особенно ночью. Курьер ставит за тебя свечи перед мадоннами и очень тебя благодарит. Письмо к Леонтьевой от княгини отдано после зрелых размышлений; боялся ошибиться, но выходит, что так. Комаровского здесь нет и не бывало, а маркизшу ожидаю. Я так околдован венскими театрами, что сюда ни в один идти не хочется; на клавикордах только и играю, что пьесы из ваших опер и балетов. Теперь лафа у нас, и я сам хочу приняться за украшение наших мундиров, и для того отложил сегодня ехать во дворец, где большой публичный стол, это значит, что король будет есть один за столом, в присутствии всех тех, кто захочет прийти и убедиться, что царственные особы так же едят в рот кладут, как все другие люди. Вообрази себе, что за 30 миль от Неаполя Барбарески взяли американский фрегат со всеми, которые на нем были, между прочими один мой знакомый, г-н Шмидт. Разбойники сии, очевидно, усиливаются, а смелость их – еще более. Фрегат 18 часов защищался.

Теперь нет сомнения, что будет война. Витворт уехал из Парижа, а Андреоси тоже оставляет Лондон. Сей разрыв произошел от некоторых новых требований Англии. Приехал курьер в Париж, который привез медиацию [акт посредничества] нашего императора. Следовательно, надобно иметь Палермо в перспективе. В этом нет никакого зла: желаю видеть Сицилию, Этну, перед которой Везувий ребенок, и притом охотно побываю еще раз на море, и ежели поедем, то в большой компании. Это будет прелестно.

Александр. Неаполь, 5 июня 1803 года

Я устал смертельно. Рассуди: обедал у английского поверенного в делах, английской королевы рождение, сели обедать в 7 часов, а встали в полночь. Я не мог вытерпеть и после десерта уехал, извиняясь, что почтовый день. Пили без ума, пели «Боже, спаси короля», а также во здравие нашего императора. Другой раз не так скоро меня заманят на английский обед. Все говорили только по-английски, который я не разумею. К счастью, сидел возле меня Буш, а то бы язык отнялся.

Один швед, который там обедал, уморил нас. Он прикидывался удальцом и пытался пить более, нежели англичане, кои всякую минуту заставляли его пить, находя беспрестанно различные поводы: то здоровье Карла II, то Густава Адольфа, Кристины и проч.; после у него спрашивают, любит ли он литературу. «Я? – говорит он. – До безумия». – «Ну так, значит, надо пить за здоровье манускриптов, кои развертывают в Портичи». – «Отлично», = ис тем проглотил стакан шампанского. Надобно было видеть рожу его, есть с чего лопнуть со смеха.

Война между Англией и Францией тебе, должно быть, известна. Почти в виду Неаполя крейсирует английский флот, состоящий из одиннадцати линейных кораблей и нескольких фрегатов под командою адмирала Пикертона. Английский поверенный в делах сказывал мне, что через три недели будет сюда Нельсон из Гибралтара с несколькими фрегатами и что уповательно возьмет главное начальство над флотом. Говорят, что англичане уже взяли три судна генуэзские, а сегодня слышал я, что их фрегат почти из здешнего порта увел французское судно, купеческое, нагруженное маслом. Двор здесь и, говорят, переезжает в Каstellамаре, загородный дом и городок в заливе Неапольском, который виден с моего балкона.

Александр. Неаполь, 9 июня 1803 года

Козловский, видно, все тот же: начал в твоём письме фразу и не кончил. Рим, верно, одушевит пиитические его восторги. Я заведу с ним переписку. Ему будет, верно, хорошо у

Лизакевича, который бонвиван, любит, чтоб у него хорошо кушали; посуды, полюбит ли Козловского, который не заставляет себя дважды просить об этом⁸.

Александр. Неаполь, 21 июня 1803 года

Мы скоро ждем сюда из Рима графиню Воронцову [Ирину Ивановну, урожденную Измайлову]; совсем не знаю, кто такая, едет из Парижа и вдова. Я слышал, что Пиний едет к родне в Пизу, но не слышал ничего о данном ему на то позволении. Французы, говорят, сожгли уж в Абруццо деревню, коей мужики не хотели им дать съестные припасы, корм лошадям и проч.

Александр. Неаполь, 7 июля 1803 года

О Козловском Карпов хорошо говорит: его голова – это библиотека в беспорядке; он стал страшный педант, а в Риме о ином не говорит, как о Вестфальском мире.

Третьего сего месяца Леонтьевы выехали из Неаполя. Я с ними ехал до Моллоди-Гаета; там стали мы в Кастеллоне у принца Гессен-Филипстальского (мужа нашей К.), главнокомандующего Гаекой и всей провинцией. Мой фаворит принц Мекленбург-Стрелицкий также там нашелся; у нас был чудесный обед, а ввечеру бал превеселый. Славные были девушки, одна особливо – с черными глазами, к которой я притрунился: за ужином сидел возле нее и отбил ее от ее воздыхателя, одного офицера из гарнизона Гаеты. Что удивительно, все там хорошо танцуют. На другой день видел бани и могилу Цицерона. Князь сам сел на козлы, посадил нас с Рихтером в коляску и повез в Гаету, где видел я фортификации и тюрьмы, в коих более пятисот колодников; большая часть разбойники.

Александр. Неаполь, 14 июля 1803 года

Мне пишут, что Козловский бежит по развалинам, удивляется и кричит: «Чогт знает, как это сравно!» А Бальмен сделался богомольцем: только и дела, что ходит по церквам, на последние деньги покупает мадонны чудотворные и посылает в Петербург к матери. Теперь начались здесь ужины на улицах в Санта-Лючия, и множество бывает людей; но так как там очень воняет устрицами и рыбою, то я не очень часто бываю. Брат Долгорукова (который здесь) знает о дуэли и очень огорчен, однако же он не считает своего брата дурным. Здесь есть игроки в шары. Я в первый раз видел это вчера. Король там был, хлопал, кричал и смеялся. Мяч упал как раз на нос какому-то серьезному и важному парикю, из которого, то есть не из парика, но из носу, пошла кровь. Жара у нас так велика, что можно выходить только к вечеру. С.Крузе скоро едет. Она намерена накормила Лихтенштейна оплеухами и драла его за волосы, а на другой день поехала с ним в Сорренто на два дня. Весело смотреть, как итальянки над ним смеются: иначе не ходит, как в мальтийском [мундире] с двумя эполетами, большим галстуком и шляпою.

Александр. Неаполь, 16 июля 1803 года

В Риме сестра Воронцовой, прекрасная Голицына; скоро ждем ее сюда. Мы вместо Скаврнской бываем теперь часто все у Воронцовой, которая очень любезна. Скаврнская, однако же, очень склонна на мир, и сим дело и окончится. Один дом, куда можно ходить: неприятно в оном не бывать.

Прошу тебя сообщать все новости, которые узнаешь; мы с Карповым страстно любим политику, и теперь у нас ничего нет нового, и вот отчего я и Анстету не пишу. Карапузный Антонио очень благодарит за память твою.

⁸ Князь И.Б.Козловский впоследствии поселился в Лондоне, потому что там в трактирах подают целое блюдо, и плата за него все одна, сколько бы ни было съедено.

Карпов всякий день велит тебе писать поклон; вчера пили мы твой чай за твое здоровье. Не знаю, чем наполнить письма; прочти мое к батюшке, может быть, что найдешь, что тебе забыл сказать. Гришака-волокиту целую, а писать некогда, нечего. У нас на сих днях новый балет. Чемпилле, первая танцовщица, так мне мила, как Тургеневу Черути; она не хочет танцевать, и дельно: импресарио хотел, чтобы она в балете упала с моста сажен 8 вышины и повесилась волосами за дерево, покуда любовник придет ее освободить. Какой скот! Я его разругал.

Александр. Неаполь, 11 августа 1803 года

С Карповым я уже живу, и ты это должен знать по письмам моим. Выгоды, впрочем, нет для меня большой, то есть для кармана: платим все пополам, я не хочу быть в тягость доброму Петру Ивановичу, который человек сам небогатый. Григорию, верно, не любо будет съехать с княжеской квартиры и перейти в 3-й этаж, особливо ради прекрасной горничной. Экое счастье поповичам! Кто бы думал в запачканном архиве найти прекрасную Анну с алмазами? Вот каково быть проворным. Уж не поднес ли он наши переводы, то есть твой «Слава Негоциатору», а мои «Негоциации» и проч. Мальцевым?

Ты заставил меня смеяться. Ты учишься фехтовать, – это дело; а я взял уже уроков десяток рисования и пристращиваюсь к оному; хотел было утаить это от тебя, но к чему? Опять глупые сюрпризы. Однако ж батюшке не писал о том, и ты, пожалуй, не говори ему о сем ничего; ежели научусь, спишу сам с моего окна виды для него и тебя. Я сам очень нетерпелив знать, что значат слова батюшкины: «О мне помнят, слава Богу, в Петербурге». Жду от тебя описания путешествия в Пешт. Гришак вместе с тобою? Да что он не пишет, шутит, что ль?

У вас жара, а у нас третий день буря. Третьего дня была страшная гроза; молния упала на «Архимед», здешний военный первый корабль, и зажгла оный. Бог хотел, чтобы не было ни крошки пороху на корабле, а то, ежели бы загорелось, взорвало бы все 2000 судов, стоящих в порту. Стоило бы извержения господина Везувия; молнией убило одного матроса на английском военном судне 74-пушечном, у коего сгорела средняя мачта. В тот же день, кажется, сижу я, пишу спокойно; вдруг маленький удар землетрясения так меня испугал, что перо из рук выпало; оное было чувствительно только в малой части Неаполя, около Санта-Лючии.

Ежели ты такой охотник до политических новостей, как я, то узнаешь оные от Анстета. В Калабрии революция, взбунтовался народ и не хочет платить новые наложенные на них подати; сунулись было 50 солдат их усмирить, но народ ударил в набат, многих солдат убил, других взял в плен, а прочих разогнал. Вчера послано туда три гренадерские роты, 2 пушки, 50 человек конницы, с нужною артиллерией. Калабрийцы народ прехрабрый, и ежели захотят сделать сопротивление, то выйдет дело весьма серьезное. Французы, которые там, верно, их поощряют; их войско, говорят, будет умножено до тридцати тысяч и займет даже Неаполь.

Александр. Неаполь, 18 августа 1803 года

Ты правду говорил о человеке Козловского. Он пишет Карпову: «Пожалуйста, пошлите моего человека в Одессу, посадите его хоть в бочку с сельдями». Карпов ему отвечал: «Когда случай представится, я вам о сем сообщу, и тогда присылайте мне вашего орангутанга, я велю его упаковать и отправлю». Козловский болен, и его старик ему совершенно бесполезен; надобно и можно было это предвидеть.

Прилагаю печатный лист о бомбардировании Алжира англичанами; прочтя, отдай Анстету. Испанский посол сказывал мне, что его правительство дало повеление всем своим портам принять и учинить все нужные пособия русскому флоту, идущему из Черного моря и состоящему из одиннадцати линейных кораблей и шести фрегатов.

Александр. Неаполь, 6 сентября 1803 года

Не знаю, за что, но очень люблю венгерцев, а теперь еще более, узнав, как они оплакивают ангела усопшего, Александру Павловну. Смерть нашего дорогого Андрея нас ужасно тронула. Кто бы это подумал? Вот третий день, что образ его беспрестанно в моих глазах; куда ни пойду – в театр, гулять, – везде он со мною, и я ничем не могу прогнать печальных мыслей. Ты ничуть не как педант говоришь: конечно, нельзя собою располагать, Бог один знает, сколько всякому жить. Но кто бы подумал, что милый наш Тургенев в Вене навеки с нами простился? Жаль, брат, очень, очень. Бедный его брат Александр, который так его любит! Каково ему? Каково Андрею умереть не в руках родителей, не обнять их хоть в последний раз? Это мучительно; мой Антоний даже как шальной целый день ходил и плакал. Как и от чего умер он? Дай Бог ему царства небесного и лучшего жребия на том свете.

Полно говорить о сем несчастий, и Боже нас избави от того самих. Ежели, как ты говоришь, состоится перемена, то не Разумовского ли посадят? Тогда держи ухо востро, не мирись с ним менее как на 5000; в самом деле, он тогда тебе будет полезен, и я ранжирую себя умильно под твою высокую протекцию.

Пришедший сюда корабль из Туниса привез известие, что Барбарески с двенадцатью большими судами от двадцати четырех до тридцати шести пушек и нужным войском собираются в сем месяце сделать высадку и нападение на Сицилию и Калабрию. Бомбардирование англичанами Алжира не подтверждается и, видно, вздор. Я хожу теперь во многие неаполитанские дома, даже позволяю себе иной раз строить куры, к двум вдруг адресовался, и они чуть меня по одиночке не прибили за плутовство.

Александр. Неаполь, 13 сентября 1803 года

На сих днях приехала сюда княгиня Голицына, то есть красавица сестра Воронцовой, которая здесь с месяц или более пробудет. Голицына прекрасна: черные волосы, черные брови и черные глаза, зубы диковинные, рот, осанка прекрасны, хотя и дурно держится, только нос нехорош; одевается, говорит, смотрит – все странно и не так, как другие. Весь Неаполь о ней говорит: она похожа на принцессу моей души; все здешние красавицы от нее упали и приуныли; за всеми ними волочится Лихтенштейн, и жалко смотреть, как над ним смеются, а он не чувствует. Он добрый малый, впрочем, не много думает об себе; ты знаешь, как он говорит носом и смешно; намерен в театре из одного этажа в другой начал не знаю что-то кричать; все обернулись, чтоб видеть это чудо. Он едет с Долгоруковым (редкий малый) и одним французом, очень любезным, месье Декурром, известным в революции под именем Мезонфора, в Сицилию; хотят только видеть чудо св. Януария, а потом отправятся.

Александр. Неаполь, 19 сентября 1803 года

Сегодня праздник св. Януария и делается чудо, разжижение крови св. Януария. Но беда, когда в какую-нибудь партию входят женщины. Уговорились все ехать посмотреть это чудо. Я в Гран Бретанья явился в 8 часов: Воронцова спит, Голицына спит. Покуда встали, покуда славно позавтракали у последней, время прошло, и мы в церковь приехали, чудо сделано, кусок отверделой крови святого сам собою растаял и наполнил склянку, в которой сия кровь сохраняется, и лазаронцы, бабы и проч. гладили святого, называя его красавчиком, умницею и проч. Полагают, что св. Януарий объявил, что будет делать чудо восемь дней сряду, дабы восстановить свой кредит, который св. Антоний поколебал. Ежели правда, то завтра пойду посмотреть эту церемонию, о которой так много везде говорят.

Александр. Неаполь, 3 октября 1803 года

Козловский проказит в Риме; не имея, что писать, расскажу анекдот один, с ним приключившийся. Собрание у папы. Все туда съезжаются; Козловский в шелковых чулках идет также

по улицам с двумя лакеями⁹, – иначе он из ворот своих не выходит, говоря: один – чтоб обо мне объявлять, другой – чтобы чистить мне туфли, – приходит во дворец, входит в комнату, множество людей, видит одного кардинала, думает, что папа, подходит к нему, целует его руку, говоря: «vostra sanita» вместо «santita». Все «ха-ха-ха!» Один француз говорит ему: «Сударь, это не папа». – «А кто же?» – «Это кардинал». – «Где же папа?» – «Дальше, сударь, но его не видно». – «Выдающиеся иностранцы всегда всюду имеют доступ», – отвечает Козловский и идет далее, входит в комнату папы, сам себя рекомендует. Папа его обласкал и много с ним говорил. Козловский, говорят, ночи не спал от радости. Теперь объявил всем, что начал писать римскую историю. «Я показал план ее, – говорит он, – моему другу Шатобриану, который от него в восхищении». Шатобриан – сочинитель книги «Гений христианства» и при французской миссии в Риме.

Александр. Неаполь, 11 октября 1803 года

Бонапарт хочет мир творить, а между тем везде разбойничает: приказал, чтобы первого португальского министра не только сменили, а выгнали в 24 часа из Лиссабона, что и учинено; то же требует, чтобы учинили и с принцем де ла Паче в Испании, и, верно, исполнят. Много раз уж требовано отдаление Актона (Карпов его называет думным дьяком), и, может быть, возобновятся требования. Его величество очень печален с некоторого времени; намерен на балу не смеяться и рано изволил ретироваться. В субботу именины вашей императрицы [Марии Терезии Сицилийской], и здесь опять бал в Фаворите. Наши, русские, будут: надеюсь, что будет веселее прошедшего.

Александр. Неаполь, 1 ноября 1803 года

Княгиня Голицына потащила меня с собою в малое ее путешествие вокруг Неаполя, которое продолжалось 8 дней. Мы начали городком Кастелламаре, потом были в Сорренто, где ели славных телят, Ввело, где гробница Филангьери, писателя новых времен; в Сорренто видели дом Тассо; в Капри прожили мы три дня. Сей остров наполнен древностями, и недавно вырыли множество комнат Тибериева дворца, в землю зарытого; 23 грота, один другого чудеснее, заслуживают также внимания любопытных. Княгиня покупает паркет, найденный в одном древнем здании, он сделан из мраморов разного цвета, мозаикою. Из Капри пустились в Искию (остров), где дурное время и буря продержали нас три дня; потом видели Прочиду, Кар-де-Мизене и порт, Неронову тюрьму, Писсина амирабиле и проч., одним словом, все, что заключается примечательного в Байском заливе и городе Пуццولي.

С женщиною, как Голицына, такой вояж не мог не быть приятен. Нас было только трое: она, Рихтер и я, и мы время провели преславно, ели плотно, лазили по горам, спали крепко, по вечерам обыкновенно читали дон Метастазия. В Капри чуть я над своею головою не напроказил. Вообрази, что в темноте, не видя, что за мною нет ни перил, ни забора, а вместо того пропасть, начал я пятить осла моего назад; он осадил, я – еще, и до того, что задние ноги его поскользнулись. Он потерял равновесие, и я с моим ослом совсем упал вниз, по крайней мере сажени четыре, по счастью – в сад не на дерево, не на камень, но на мягкую нововспаханную землю, так что ни малейшего вреда себе не причинил. Княгиня видела кувырколлегию и упала в обморок. Я, упав, только очень испугался, но, собрав тотчас силы, дабы успокоить всех, которые по темноте не могли знать, что со мною делается, побежал наверх; никто поверить не мог, как я цел остался; подлинно, Бог хотел меня спасти от неминуемого несчастья. Дома нашел я, что рука оцараплена и левая нога несколько ушиблена, но на другой день почти и следов не было. Надобно было видеть суету всех: кто кричит, что надобно мне кровь пустить, кто пластырь советует, кто спирт, но, слава Богу, без всего обошелся, зато набрался ума для

⁹ И по дням и часам их нанимает: из чего, не знаю. – Прим. А.Я.Булгакова.

передо и осторожности. Приезжаю в Пуццолы, мой Антоний на берегу почти плачет: ему сказали в Неаполе, и все почти говорили, что я плечо себе изломал; его привязанность ко мне меня, право, тронула.

История Маркова в Париже с господином Наполеоном вам, верно, известна, и вам, я чаю, прислали дерзкий бюллетень, в котором все сие описано фальшивыми и мерзкими красками. Какие-то будут сего следствия? Мы бы сим господам отвечали как должно, ежели бы знали, откуда подлинно прислано. Я думаю, что Марков, будучи умен, женирует тамошнее министерство, и что хотят избавиться от него; один он нос подымает, все его товарищи не иное что, как твари первого консула.

Третьего дня приехал сюда майор Энгельгардт; он говорит, что был в Вене, когда был великий князь Константин Павлович, и что тебя видел много раз; он путешествовал с князем Борисом Степановичем Куракиным. Их разбили воры между Болоньей и Флоренцией в горах, 14 человек на них напали; человек Энгельгардта выстрелил из двух пистолетов и за то был убит пулею, которая пролетела чрез все туловище, самого же барина прикатали до полусмерти. У Куракина отняли на 40 000, у Энгельгардта – 9000, – вот что он мне сам сказал; ежели солгал, то и я. Куракин теперь во Флоренции, шьет себе рубахи и платье, ибо все было отнято. Какова земелька? Какова наша Италия?

Всеми, сказанному Энгельгардтом, я не верю, и он час от часу делается подозрительнее. Рассуди: только что приехал, сегодня уже едет опять в Рим. Зачем же сюда приезжал? Просил денег у Карпова, сей отказал натурально; говорит, что он кавалер Св. Георгия 2-го класса (каково?), что адъютант государя, что путешествует по его приказанию и на его счет. Сегодня вызывал меня почти на поединок, жаловался Карпову на меня, что я сомневаюсь в том, что он говорит. Я ему повторил, еще раз повторил ясно при Карпове, что он не может иметь Георгия 2-го класса и, верно, не имеет. Он говорит Карпову: «Господин Булгаков вчера со мною грубо разговаривал». Карпов: «Сударь, я вчера был все время со всеми вами, как же я сего не слышал?» Энгельгардт: «Вы тогда выходили». Я перебил речь, говоря: «Господин Энгельгардт, ежели я вам вчера сказал вещи неприятные, вы должны, как честный человек, прежде всего не отвечать мне в том же тоне и не приходить сегодня жаловаться на меня». Он сбился, отвечал: «Да нет, вчера, конечно, это было пустяки; но вы сказали, что я авантюрист, и мне об этом донесли». – «Кто?» – «Не могу вам этого сказать». – «Нет, сударь, вы должны это сказать, я этого требую», – сказал Карпов. Энгельгардт тут видел, что плохо дело, и сослался на слугу одного курляндца, барона Ропы, который вчера уехал, – говоря, что он это ему открыл.

Теперь я спрашиваю, какого барыша мог ждать от сего доноса человек? Меня замарать не мог он и не имел прибыли, зная, что все откроется и падет на его спину; какой же интерес имел он подслужиться Энгельгардту, которого сроду и в глаза не знает? Стало быть, все ложь; но поведение Энгельгардта не может поместиться ни в чьей голове. Приехал сюда, зачем – сам не знает, только что приехал, на другой день почти едет, и говорит, что хочет драться с бароном Ропом, потому что он виноват, а не я, который известен ему по моей фамилии, честности и проч. Не чепуха ли это все? Если бы тебе рассказать все его слова, не было бы конца.

Говорит, что приехал из Парижа, – Воронцова два года там жила и не слыхала о нем. Говорит, что 20 раз был у Бонапарта, который его ласкал очень, и что сие было помещено в газетах даже. Отец его, говорит, генерал-губернатор в Полоцке; мы показали ему в календаре, что Полоцк уездный город. Слава Богу, что мы избавляемся от такого сокровища. Я тебя обо всем предупреждаю: неравно поедет он в Вену. Он толст, мал ростом, лицо большое, рябое, говорит дурно по-французски и по-русски не очень хорошо. Я сейчас послал ему записку, требуя решительный ответ, кто именно сказал – камердинер или лакей Ропы, потому что последний остался здесь, в Неаполе, будучи его местным лакеем. Энгельгардт велел мне сказать, что сам прежде отъезда ко мне будет, и, верно, вместо того сегодня ночью улизнет. Теперь поехал

к нашему агенту Манзо просить денег. Сию минуту узнал, что он уехал, и неизвестно – куда. Вот и конец комедии.

Александр. Неаполь, 8 ноября 1803 года

Мой поединок с Энгельгардтом кончился тем, что он, видно, спятя и труся Карпова, улизнул. Прочти всю историю в моем письме к батюшке; я не хотел умолчать, ибо могло бы до него дойти, и он, видя, что я все сие умалчиваю, подумал бы, что есть что-нибудь для меня неприятное. Видно, Кассини почувствовал свою ошибку, что он взял теперь в Риме Энгельгардта под караул; теперь откроется, что он за человек.

В Риме Хитров, путешествующий по комиссии императора, и сюда будет.

Александр. Неаполь, 13 ноября 1803 года

Новая моя квартира возле дома, где жил французский посол, возле Гран Бретанья, где ты бывал у Гагариных, на противоположном берегу Позилипа, то есть мы Вилла Реале видим не в ширину, как Гагарины, но во всю длину; понимаешь ли? Местоположение славное, воздух чист. У Карпова три комнаты, у меня две, обе на улицу и море, две комнаты общие, у людей также свои; одним словом, живем мы, как цари, и занимаем весь этаж; но зато я плачу 25 дукатов, а Карпов – 45. Мой кабинет славный, уютен, и всякий угол чем-нибудь да занят: две полки книг, стол для письма, бюро с платьем, канапе для гостей, большие вольтеровы кресла, подаренные принцессой Гессенской и в кои кидаюсь, чтобы читать или спать иной раз под вечер. В другой комнате сплю, фортепianiрую, чешусь и проч.

Жаль Долгорукова, генерал-адъютанта. Брат его, бывший здесь, князь Михайло Петрович, любил его очень и часто ко мне из Флоренции пишет. Предобрый малый! В последнем письме говорит мне между прочим: «Вы говорите мне о г-не Энгельгардте; как мне досадно, милый мой, что вы не угостили его хорошенькою палкою. Этот чудак представлялся мне князем Куракиным, морским офицером и кавалером креста Св. Георгия, беспрестанно говорил о своем дяде, князе Александре Куракине; да это просто-напросто мошенник». Вот подтверждение, что Энгельгардт плут; жаль подлинно, что я его не приколотил; впрочем, не было за что! Слышу, что Кассини его прижал в Риме, видя, что сделал глупость, дав ему паспорт.

Слухам о мире верить не надобно, нет сомнения, что десант состоится. Посол французский говорил мне вчера, что ждет с нетерпением курьера из Парижа. Прислание сюда главного французского генерала Монришара из ганноверской армии заставляет думать, что войска их, сие королевство занимающие, имеют какое-либо важное препоручение; но нельзя угадать, что это. Полагать не можно покушения на Сицилию, разве на Морею. Двор довольно беспокоится, войска сии переменили свои позиции в Пулии, и все их жены отправлены в северную часть Италии. Мадам Сен-Сир даже тоже оставила мужа и в Риме сказала одной приятельнице, что уехала поскорее из Неаполитанских областей, не дожидаясь там свалки. Это останется между нами; скажи, однако ж, сие Анстету, которому, может быть, написать не успею. Известно заподлинно, что в Тулоне готова к выходу эскадра, 9 военных кораблей, фрегат и проч. с народом; может быть, сия эскадра имеет какую-нибудь связь со здешними войсками.

Кассини мне пишет, что сюда в Рим будут: мать 1-го консула, Иосиф, ее сын, со вдовою мадам Леклерк, идущую замуж за принца Боргезе. Анекдот: ты знаешь, что в Риме Канова работает статую Бонапарта, представляющую его нагого с земным шаром в одной руке и шпагою в другой. Покойный лорд Бристоль, придя к Канове и рассматривая статую (тогда много говорили о десанте), сказал скульптору: «Мой милый Канова, я сделаю вам два замечания: сей земной шар, который положили вы в руку, слишком мал, чтобы содержать Англию, и потом вы сделали Бонапарту слишком маленькую задницу для человека, побывавшего в Египте и Италии».

Сегодня был у Скавронской по случаю свадьбы мамзель Жермини (ее фаворитки) с одним морским офицером, месье Превилем.

Александр. Неаполь, 6 декабря 1803 года

Ты знаешь, что здесь Протасова [камер-фрейлина Екатерины II, графиня Анна Степановна], особа пречванная; в претензии, что мы все, русские, не ходим к ней на поклон; говорит: эти господа любили графиню Воронцову и Голицыну, а меня не жалуют; беспрестанно напоминает, что была в милости Екатерины II. «Мое имя всем известно», – есть конец всех ее песен, жалуется на Ханыкова из Дрездена и проч. Племянницы не хороши и ни рыба ни мясо. Один итальянец нас очень насмешил намердн, говорит: «Это приехала мадам Прокачьев с двумя племянницами». Ты знаешь, что по-итальянски «прокачье» – большая фура для перевоза тяжелой почты, а Протасова претолстая баба и дурна лицом. Вчера Скавронская давала ей бал, довольно было весело.

1804 год

Александр. Неаполь, 3 января 1804 года

На Кассини все русские в Риме жалуются. Он допустил по прихотям кардинала Феша посадить в Сен-Анж господина дю Вернега, натурализованного русским и пользующегося пенсией от нас, ни за что ни про что, за то, что Вернет был прежде агентом дюка дю Берри, от коего найдены у него старые письма. Папа послал курьера в Петербург. Смотря по тому, как сие дело представят и как примут у нас, это может иметь худые следствия. Известно, что Кассини слепо предан римскому правлению, дабы держаться на своем посту. Он довольно это доказал в деле, которое имел с Карповым в Риме.

Люсьен Бонапарт впал в немилость к своему брату, от коего получил повеление выехать из Франции и вояжировать по Италии. Первый консул и Фешом недоволен и пришлет ему наставника.

Александр. Неаполь, 20 февраля 1804 года

Панины очень милостивы ко мне. Двор принял их отменно хорошо, сегодня обедали у королевы; но все это, мне кажется, по расчету. Мне все советуют перейти в Вену; зачем бы нет? Но больно бы мне было иметь над тобою в чем-нибудь выгоды и отнять у тебя следующее твое награждение, хотя и знаю, что по любви нашей все у нас общее и счастье одного составляет счастье другого. Доходцы бы наши, слив вместе, составили почетный ревеню, с которым славно бы можно жить. Не хотелось бы мне, однако, потерять 400, выслуженные не протекцией, но службою; вот пятый год, что мы бьемся. Что делать? Придет воли Божией час...

Я два года один здесь все делаю, а другой, лежа на боку, тысячи более получает. Свечину дали 1000 рублей пенсии.

Я за этого скота здесь работал; теперь ему пенсия за то, что закон переменял. Бог с ним, оставим важные мои претензии; батюшка нам часто говорил, что в наши лета не был тем, чем мы, а ты знаешь, нам далеко тягаться; счастливы бы были хоть душою с ним равняться, ежели не умом. Я нечувствительно из письма сделал процесс и предиду; впрочем, что ж? Великий пост кстати!

Александр. Неаполь, 27 февраля 1804 года

У нас здесь знаешь кто? Тот принчик Мекленбургский, которого мы часто в Москве у Пушкиных видали, который мазурку танцевал и проч. Не знаю, откуда взялась пристрастная дружба ко мне, но не отстает. Сегодня приехал сюда князь Боргезе, что женат на Бонапартше, один: жена в Риме осталась. Вся морская неапольская сила скоро выйдет в Сицилию для всякого случая, для защиты от Барбаресков или других неприятелей, кои могли покушаться на Сицилию. Вся эскадра будет состоять из одного 50-пушечного корабля, четырех фрегатов и четырех корветов. Командование дано графу Турну, управляющему морским департаментом. К находящимся здесь французским войскам прибавляется еще сот до четырех и довольно артиллерии; она уж в марше к Пулии и третьего дня ночевала в Капуе. Это немало беспокоит двор, коего издержки и боязнь сим умножаются. Надобно ожидать какую-либо экспедицию, ибо войска французские в сем королевстве запасаются сухарями и другими провизиями.

Александр. Неаполь, 6 марта 1804 года

Иду к Панину: что-то писать дать хотел. Спасибо за все новости, тобою сообщаемые; я сдал списочек оным, который дал Панину. Предупреждаю тебя и Анстета, что Актон дней через пять отправляет курьера в Петербург; но как сие отправление может замешкаться, то

успеете вы, может быть, кое-что приуготовить к проезду его через Вену. Сюда приехал курьер из Парижа, привез преболюшой пакет к Карпову от Убри; что ж вышло? Чепцы для графини Паниной!

В Париже делается большая кутерьма. Приехавший туда скрытно Пишегрю был схвачен. Открыт заговор, в котором замешан Моро и проч.

Я должен быть сегодня на русском обеде у Скавронской и на концерте, который дается для Паниных княгиней Караманики. Я только что окончил труды свои для Панина; он мне диктовал несколько писем, удалось заслужить его апробацию; теперь за Карпова работу примусь.

Александр. Неаполь, 12 марта 1804 года

Часто бываю у Паниных, и граф заставлял меня часто у себя работать, писал несколько писем под его диктовку по-французски, он был доволен мною и очень ласков; ежели всегда таков, то счастьем бы почел быть его подчиненным; кажется, хорошо к нам расположен, говорит часто о батюшке, тебе и проч. Он думает быть в Страстную неделю в Риме. Не худо заставить им себя заметить: пригодится всегда, может вспомнить и сделать счастье нашего брата. Графа здесь очень угощали, король, королева и бояры. На той неделе едет он с королем на охоту.

Александр. Неаполь, 27 марта 1804 года

Скоро будет сюда Пален, бывший при Парижской миссии и путешествующий теперь. Он во Флоренции. Вернегово дело не так много шума произвело в Петербурге, как многие думали. Государь требует доказательств вины его, подавшей повод к его заключению в крепости Св. Ангела. Кассини отвертелся счастливо в сем деле. Все думают, что неминуемая участь английского короля произведет великую перемену в делах Европы¹⁰.

Александр. Неаполь, 2 апреля 1804 года

Страстная неделя здесь как карнавал: весь город на улицах и бегают по церквям; ни одной кареты не видать, потому что запрещены; даже королева и вся фамилия пехтурою дули все в черном платье. Двор препровожаем всеми придворными чиновниками и офицерами всех полков, гвардейского полку отряд наперед и сзади и играет печальный марш в миноре. Здесь Святая неделя совсем не так торжественна, как у нас, где всякий камень, кажется, радуется.

Александр. Неаполь, 10 апреля 1804 года

Часто ли бываешь у Голицыной? Не правда ли, что она немного на княгиню Гагарину похожа? Я не мог никак к ней привязаться: она слишком необыкновенна, и ее тронуть можно только вещьми и поступками чрезвычайными. Я полагаю, что ее сердце холодно и нечувствительно, а голова немного в беспорядке, или, лучше, как говорят, экзальтирована, но хороша, умна и любезна, отчаянная особа. Воронцова – женщина, достойная почтения всех; сын ее предобренький мальчик. Письмо к нему отдай Голицыной, ежели думаешь, что Воронцова не будет в Вену. Это письмо о ящиках, кои графиня Воронцова здесь оставила и кои г-н Карпов отправил в Петербург с Панделли.

Вчера выпустили здесь тревогу, что французы идут в Неаполь; это совсем неосновательно, равно как и вести, что в Корфу прибыли новые от нас войска; мы о сем никакого сведения не имели еще. Удивительно, что пришедшее из Занта в 6 дней судно то же подтверждает. Двор сей год совсем не едет в Казерту. Здесь все говорят, что у вас война с французами, кои потребовали высылку из Германии всех эмигрантов.

¹⁰ Король Георг III прожил после того еще 16 лет.

Александр. Неаполь, 24 апреля 1804 года

У меня все идет помаленьку, но я также любезничаю с полячкой, у которой бедный муж очень болен, а с нею я всякий день гуляю в саду, который от нас очень близко и где никто нас не видит; но из сего не делай заключений: я бы сам сказал.

Напрасно ты не бываешь у Голицыной; я очень тебя ей рекомендовал и предупредил, что ты немного дик вначале; она тебя уже здесь знала по портрету твоему, коим всякий день утешаюсь. Мы с нею были довольно дружны, и я никогда не забуду поездку нашу в Капри, Искию и проч. Напомни ей мою кувырколлегию, скучного г-на Хитрова, устрицы, которые препарировал, нерешимость, ехать ли в Неаполь назад по страшной непогоде, чтение Метастазия, поездку на ослах и проч. Все сие воспоминаю с восхищением. Ни о ком мы столь не сожалели, как о Голицыной и Воронцовой.

Александр. Неаполь, 1 мая 1804 года

Здесь глазная боль неизбежна из-за ужасного солнца, белой мостовой, домов и неба. Я ничем никогда не лечусь; пробуду в комнате, где нет большого света, – тотчас в два дня все проходит.

Сто раз спасибо, что посылают нам Татищева, а Пинию пишут противное, а что Куракина опять на старое место – это вздор! То-то бы хорошо, кабы Панина. Скавронская очень обрадовалась, узнав, что ее посылка в Дрезден дошла, и велела тебя поблагодарить и пригласила сегодня к себе на бал; это очень некстати: почтовый день, и дела очень много. Ты не поверишь, как мы заняты: всякую почту получаем пакеты от двора с предписаниями. Император оказал милость всем грекам: здесь будет построена православная греческая церковь. По сие время была все униатская, зависевшая от папы, и служба шла по-гречески. Мы построим церковь во имя св. Александра, тогда-то пойдет у нас богомолье, говенье и проч.; тогда-то, нагрешив в Вене, приезжай спасаться в Неаполь к нам.

Александр. Неаполь, 7 мая 1804 года

Воронцова милая и добрая женщина; она, может быть, первая, которая заставила себя здесь любить иностранцев и итальянок, ибо у первых дурацкий манер с последними не знаясь, и ты знаешь, что Скавронская их не принимает.

Сходство наше, должно быть, велико, ибо Никольский, поляк, долго бывший в Вене, в прошлый карнавал, увидев меня у Скавронской на балу, спросил, давно ли я из Вены приехал, приняв меня за тебя. Странная фигура! Помнишь ли ты его? Каково делает па д'экозез! Наскажи пропасть учтивостей от меня Воронцовой, а Ванише¹¹ буду писать; все итальянки по ней плачут.

Сюда прибыл на днях английский 80-пушечный корабль «Кент», на оном двое русских мичманов, кои волонтерами служат. Всех наших, русских, у Нельсона с семнадцать и разделены по два на каждом судне. Сии два предобрые малые, Меллер и Авинов. Я, узнав, тотчас поехал к ним на корабль, и они отменно мне обрадовались; послезавтра с нами обедают.

Актон прервал всякое сношение с французским послом вот по какому поводу. Алькье требовал арестования всех англичан здесь; генерал отказал, говоря, что то же бы сделал, ежели бы английский посол Эллиот потребовал арестования французов, и что англичане не учинили ничего противного неапольскому правительству. Посол упрекал генерала в его преданности к Англии и проч. Наконец оба очень разгорячились, и Актон объявил, что более не будет с ним трактовать, что его угрозы пожаловаться первому консулу он не боится, и проч. Алькье в сердцах послал нарочного в Портичи к королю с жалобами; но его величество отвечал, что

¹¹ То есть сыну графини Ирины Ивановны, тогда еще просто графу Ивану Илларионовичу Воронцову, позднее принявшему имя графа Воронцова-Дашкова.

он не принимает нот от министров чужестранных и с оными не трактует, а что есть у него на это министр иностранных дел. Посол отправил немедленно курьера в Париж с жалобами, и ответ им, как и здешним двором, ожидается с нетерпением. Между тем выбран Мишру для конференции с французским послом. Сие дело может иметь важные следствия. Акто́н, надо думать, слетит; но люблю за то, что много показал духу, будучи министром кавалка¹² земли, тогда как великие державы ползают перед Бонапартием. Я бы все это не написал, ежели бы не удобная оказия, и это останется между нами.

Несчастный кавалер Вернет, давно уж заключенный в Риме в крепость Св. Ангела, 2-го сего месяца был папою предан французам; смерть неизбежная есть его перспектива. Несмотря на столь дерзкий поступок, Кассини ездил после того к папскому министру Гонзальви, имел с ним конференцию, даже был у папы, и только 6-го должен был выехать из Рима, а может быть, и еще там. Его слабое поведение в начале сего дела есть причиною гибели несчастного Верне́га; ты знаешь, что он русский подданный.

Люсьен Бонапарт прибыл в Рим; он, говорят, с братом в ссоре, ибо хотел противиться и уговаривал его не расстреливать дюка д'Энгиена. Консул в ссоре с женою по той же причине. Много говорят здесь, что король едет в Сицилию; ежели последует министерство, то и нам придется туда ехать, но все это еще не верно, и дай Бог, чтоб это не сбылось: переписка наша много пострадает от сего.

Александр. Неаполь, 13 мая 1804 года

Меллер и Авинов, находящиеся на английском корабле волонтерами, добрые малые; я их везде таскаю; теперь повезу по театрам, будем ездить гулять верхом и проч. Я очень им рад; только 10 месяцев, что они из России; можешь представить, сколько вопросов им делаю о всем.

Теперь Акто́н потребовал быть уволенным от конференции с чужестранными министрами, и полученною третьего дня от министерства нотою дано дипломатическому корпусу знать, что кавалер Мишру определен директором департамента иностранных дел и что к нему должно адресоваться по всем делам между Неаполем и другими державами. Сим отдалением генерала Актона, я думаю, хотели предупредить французов, которые, верно, потребуют, чтоб Акто́н был отрешен от дел. Двор с великим нетерпением ожидает возвращения курьера, посланного в Париж. Алькье, как говорят, также писал, прося отзыва своего отсюда.

Кассини едет, говорят, в Триест, где будет ждать повелений двора; теперь он в Ливорно. В прочем вестей у нас никаких нет. Все, что о Франции говорят, давно должно быть вам известно.

Прекрасная погода наконец началась у нас. Эллиот едет в загородный дом в Портичи, где мы будем отменно веселиться. Дня на два буду туда забираться. Поутру будем ездить верхом, потом купаться, там плотно есть, один алагер после обеда, там опять гулять; ввечеру партия в вист – веселее нельзя провести дня. Поеду в субботу, останусь воскресенье, а понедельник рано опять в Неаполь. Эти прогулки мы проделаем с дамами. Кабы ты видел, какие дети прекрасные у Эллиота, такие настоящие англomаны. Один похож на нашего императора.

Александр. Неаполь, 22 мая 1804 года

У нас здесь большие тучи начинают накапливаться. Акто́н с последней конференции, которую имел с французским послом, так разгорячился, что, встав со стула, показал ему, *где Бог и где двери*. Алькье взбешен от этого и ждет из Парижа ответа на жалобы свои; подробности ссоры тебе я описал уже. Сию минуту нам говорят, что вышел королевский указ, коим Акто́н, ради слабости здоровья и в уважение столь часто повторенной им просьбы, отставлен от всех дел совершенно, и за примерную его и долголетнюю службу пожалованы земли в Сицилии, приносящие 30 000 дукатов годового дохода. Генерал, видно, предвидел (и резонно), что Бона-

¹² Кавалка, по словарю Даля, – комок (земли или навозу).

парт потребует его отдаления, как то сделал с первым министром в Португалии, и для того почел за нужное его предупредить.

Неаполитанский военный 74-пушечный корабль готов и стоит на рейде. Генерал Актон на оном отправляется в Палермо. Вот что весь город говорит: отдаление Актона сделает во всем величайшую перемену. Курьер, которого ждут из Парижа, решит некоторым образом судьбу здешнего королевства. Посол уже теперь очень досадительные употребляет выражения: говорит, что имеет от Бонапарта повеление объявить королю войну, ежели он не согласится на некоторые требования, и особливо на отдаление Актона. Ежели курьер привезет печальные известия, король, вероятно, удалится в Сицилию, оставив королеву здесь или наследного принца.

Александр. Неаполь, 7 июня 1804 года

Вручитель сего письма есть месье Борель, секретарь нашего здесь агента коммерции г-на Манзо, по коего делам он едет в Петербург. Сия хорошая оказия доставляет мне случай вольно с тобою говорить. После Актонова отдаления здесь начинает заводится каша: французы господствуют, и число их в сей столице каждый день умножается. Королева всем теперь ворочает, и нет сомнения, что она главною причиною падения Актона, коего сила и кредит у короля возбуждали ее ревность; она тем более теперь командует, что король ни во что входить не хочет и никогда в столице не бывает. Того и гляди, что уедет в Сицилию, оставив всю фамилию здесь и министерство.

Ежели мы поссоримся с Бонапартом, то худо Неаполю. Он только и поддерживал себя нашим покровительством и в случае разрыва сделается первой жертвою Франции. Кажется, к тому дело начинает клониться. Посол их очень грубо здесь начинает обходиться, требовать некоторые важные крепости, яко Капую, Гаету и проч., уменьшение войск здешних, даже запрещает, чтобы были учения и маневры. В случае несчастья, не знаю, куда Карпов удалится; я уверен, что в Корфу не поедет, а я все силы употребляю убедить его ехать в Вену; ежели не захочет жить в Триесте, я к тебе приеду, но всего вероятнее, что поедет в Петербург. Этого, пожалуй, не говори никому; мы от этого не так-то далеко, но верно никто себе того не воображает. Сицилия не уцелеет также, и ежели французы займут Неаполь, то англичане не отстанут и тотчас завладеют Сицилией, где жители их любят отменно и примут без малейшего сопротивления.

Каков тебе кажется новый император? Мне кажется, я бы решился скорее поцеловать жену русского мужика, чем сказать Бонапарту: ваше величество. Что за народ эти французы! Пропливали кровь более десяти лет, чтоб основать вольность свою, а теперь будут оную лить за чужестранца, бог знает откуда пришедшего и заставившего дать себе самодержавную власть, потерянную законным королем на эшафоте. Это, право, непонятно. Французы унижают род человеческий. Но г-н Бонапарт поторопился слишком; боюсь, что это ему шею сломит: фанатики еще не истреблены во Франции.

Александр. Неаполь, 8 июня 1804 года

Вручитель сего письма поляк Лозинский – наш подданный, взятый французами в плен в Италии и бежавший от них теперь. Мы хотели его отправить в Корфу; но, к его несчастью, был он бог знает за что изувечен одним неаполитанским солдатом на всю свою жизнь. Ты знаешь, что неаполитанцы очень храбры против тех, которые без всякой обороны. Борель из человеколюбия взял его с собою, дабы доставить в Каменец-Подольск, где его отец и вся родня. Ежели он Бореля оставит в Вене, то постарайся доставить ему способ попасть как-нибудь в свою отчизну. Жаль сего бедного, несчастного. Рассуди, что мы по сю пору не можем добиться наказания виновного. Лозинский сам расскажет тебе подробно все свое приключение несчастное.

Александр. Неаполь, 9 июня 1804 года

Королева вчера прислала просить Карпова отправить, не теряя времени, курьера в Петербург, а как у нас большая часть экспедиции была готова, то и согласились на просьбу ее. Я одиннадцать часов не выходил из канцелярии, всю эту ночь прописал: хотя устал как собака, не хочу, чтобы Артемьев явился к тебе с пустыми руками; он у нас стоял во все время, что был в Неаполе, и расскажет тебе, что мы делаем, как веселимся и как скучаем. Не знаю, что приспичило так королеве: то и дело отправляет теперь курьеров.

По случаю беспрестанных грабежей курьеров французами, кои отнимают у них депеши, послали мы фельдъегеря морем до Триеста. Французский посол объявил Бонапартово императорство и ждет новых кредитивов. Здешний двор признает сей новый титул и на днях сих отправит курьера в Париж с новыми кредитивными письмами и инструкциями к своему послу. Что скажет ваш император [Франц II]? Господство французов начинает здесь несколько чувствоваться, и надобно думать, что скоро потребуют, чтобы неапольские порты были англичанам заперты. Им уже делают маленькие шиканы. Казначею их, платившему здесь пенсии различным эмигрантам и проч., внушено выехать из Неаполя, и он удалился. Находящемуся здесь английскому военному кораблю не хотели было давать нужных для пропитания провизий и тому подобное. На ссору французского здесь посла с Актоном первый консул сказал: «Что это сия маленькая, ничтожная держава забрала себе в голову? Но теперь не время о сем говорить», – и подлинно знают, что он никогда не велел требовать удаления Актона и что все угрозы объявить войну и проч. французским послом выдуманы для лучшего успеха в намерении его опрокинуть Актона, что и удалось. Ежели неосновательные слухи о восстановлении сего министра не оправдаются, то можно полагать, что король поедет в Сицилию.

Александр. Неаполь, 14 июня 1804 года

Карпов все болен и очень еще слаб, смесь всяких болезней, между прочим и Гришина; но чур молчать! Он даже не может подписываться, так рука трясется, и теперь я пишу от себя к Чарторыжскому и веду именем Карпова все прочие переписки. Оно так, ничего. Прошу ко мне относиться с почтением, забыть, что я ваш братец, и помнить, что я полномочный и чрезвычайный канцелярский служитель.

Александр. Неаполь, 3 июля 1804 года

Король намерен аплодировать Боле и сим переклонил на его сторону малую часть упрямцев, коим он не нравился. Он танцевал па-де-де с Тарабатони и делал Зефира бесподобно. Между тем здесь не все бесподобно. На той неделе мальчик восемнадцати лет зарезал родного брата и отца. Я хотел идти смотреть, как будут его вешать, но ужаснулся одною мыслию видеть такого изверга. Другой, с ним повешенный, зарезал в самой тюрьме двух человек. Каков наш Неаполь? Невероятно, до какой степени дошли здесь пороки и развращение. В Риме папа принужден был в Св. Петре велеть ставить во всех углах часовых, ибо в Страстную неделю, когда церковь иллюминирована одним только огненным крестом, поставленным в середине, по углам римлянки со своими кавалерами-*servente* делали спокойно свои дела.

Александр. Неаполь, 7 июля 1804 года

Знаешь, в котором часу я лег спать? В четыре часа утра. Вчера был бал на английском корабле и, может быть, теперь еще продолжается. Я поехал оттуда в половине четвертого, когда все садились ужинать. Там были все неаполитанские содержанки, и любо было смотреть, как английские мичманы их дергали и на свой манер настраивали. Корабль так был славно убран, что походил совершенно на галерею лучшего дворца, тем более, что не было качки. Завтра капитан звал к себе множество обедать, и мы на его 80-пушечном корабле поедем кататься

вокруг Капри, и ежели попадется француз, то и сражение дадим. Капитан покажет нам все маневры и проч. Он очень любезен и попросту, без затей.

Александр. Неаполь, 12 июля 1804 года

Правду ты говоришь, что Неаполь мерзкая земля, и лучше, кабы от нее отвязаться как-нибудь. Нет сомнения, что, ежели случится ехать курьером, непременно поеду морем до Триеста и сяду на корабль в Манфредонии; но неуповательно, чтоб меня послали. Я так привык теперь к главноначальству, что не знаю, как после исправлять подьяческую должность. С тобою могу я говорить откровенно. Я уверен, что моими донесениями будут довольны: теперешние обстоятельства делают их интересными и полезными для нас. Мне незачем спешить; принимаюсь день заранее и хорошенько всякую фразу обдумываю, прежде чем ее написать. Сегодня пошло донесение в цифрах. Карпов все еще в постели и, покуда не можно ему будет сидеть за столом, сказал, что все оставит на моих руках: это продолжится, я думаю, недели две-три. Любезного Тургенева жду с нетерпением, но без слез нельзя мне будет его обнять: какую мы потерю сделали в бесценном нашем Андрее! Помнишь, как мы, бывало, в Вене проводили вместе вечера, как он иной раз сердился, тогда как сердце его, кроме добра, никому ничего не желало; жаль мне очень бедного Андрея.

Я так теперь стеснен, что не могу взять к себе Александра, но ежели найду новую квартиру, какую мне хочется, то непременно к себе его втащу. Кланяйся ему много от меня. Помнишь, как Андрей дьяконом певал¹³? Все сии воспоминания очень грустны. Мой поклон al bambino, al picco-lino, так называли принчика Мекленбургского в Риме. Каков тебе кажется другой Стрелицкий? Всякое сухое дерево здесь приводило его в восхищение, всем восхищался; такой сладенький! Мы всякий день вместе бывали.

Александр. Неаполь, 7 августа 1804 года

Самозванец писал к папе длинное письмо, приглашая его в Париж для коронования. Папа согласен на это под тремя кондициями: 1) что католическая религия будет единственной и главенствующей во Франции; 2) что он должен быть признан первыми европейскими державами; 3) что он подчинится клятве, делавшейся другими императорами предыдущим папам, а именно клятве Карла Великого, копию коей папа ему посылает. Все боятся, ежели папа поедет в Париж, что ему назад не воротиться: легко стать может, что Бонапарт, из благодарности за коронование, отымет у папы Рим и даст ему Авиньон столицей; от него всего ждать можно.

Александр. Неаполь, 9 августа 1804 года

Я сделал большое дурачество; спешу уведомить тебя, покуда Бароцци тебе не напишет, что Везувий меня проглотил. На той неделе был я с Паленом на самом верху горы и спускался даже несколько вниз. Ах, боже мой, какая картина! Ты себе вообразить не можешь. Совершенный ад! Каменный дождь, шум престрашный, подземельная стрельба, живое представление ада; в середине большая дыра, в нем кипят камни, лава, земля и проч. Теперь в Везувии пять отверстий, из двух выходит огонь и проч., а из прочих зола, коей все окружности горы покрыты.

Мы почти шесть часов тащились на гору, были там с четверть часа; но, видя, что ветер переменяется и дым горячий идет на нас, да притом почувствовав сильное подземельное потрясение, пустились бежать назад и в 3½ минуты сделали дорогу, которую вверх лазили. Нашему дурачеству многие последовали, но теперь опасность сделалась велика, и мало ходят на Везувий. Я слышал, что один англичанин там без вести пропал, будучи немного с похмелья.

¹³ Братья Тургеневы с детства приучены были к церковной службе. Адриан Федорович Гомзяков, их товарищ по университетскому пансиону, вспоминал, бывало, как мать Тургеневых Екатерина Семеновна в университетской церкви дирала их за уши при малейшей небрежности в стоянии на молитве.

Я не могу тебе изобразить то, что видел; но это вечно останется в моей памяти. Полагают, что скоро потечет лава.

Будучи на Везувии, я взял там кусок раскаленного камня, выкинутого из нового кратера; чичероне с щипцами принес его до кареты, и шесть часов после камень был тепл. Я сохранил это как памятник дурачества моей молодости.

Александр. Неаполь, 14 августа 1804 года

Я долго старался извинить моего доносчика, полагая, что он за меня принял Карпова или Рихтера (кои русские; а здесь наших имен не знают и называют нас «синьоры московиты»); но Рихтер давно уехал, а о Карпове кто не знает, что он поверенный в делах, да притом и не моих лет. Оба они шибко играли и много проиграли. Итак, тут недоумения нет, и меня точно назвать хотели: ибо другого нет русского ни при миссии, ни в городе. Я того не скрываю, что играю, это правда. Как у Руфано всякий вечер *conversazioni*, где съезжаются молодые дамы из лучшего общества, бывая там довольно часто, не всегда можешь обойтись без игры; но разница играть, как я и некоторые старухи, или другие, разоряющие себя. Сверх того, Бог – мой свидетель, что в банк я только два раза играл, раз выиграл восемь пиастров, а другой – шесть или около того проиграл; из этого ты можешь судить, какую я сильную игру веду.

Но положим, что, играя и по малой, я наделал пропасть долгов: честь моя и боязнь, чтоб не дошло это до батюшки или тебя, заставили бы меня употребить все зависящие от меня средства для уплаты долга. 1) Я бы распродал все, что имею не необходимого, клавикуорды, часы и проч., 2) я бы какою-нибудь хитрою выдумкою или под видом другой надобности выманил бы у батюшки деньги, 3) я бы прибегнул к Карпову, коего дружба ко мне бесконечна; любя сам игру и имея пречувствительное сердце, он бы легко вошел в мое несчастное состояние и избавил бы меня от поругательства и бесчестия, ежели не как друга своего, то как русского, служащего при его миссии, 4) я бы не тратил так деньги на пустяки, не посылал бы в Москву и другие места гостинцы. Наконец, сошлись на мое к тебе письмо под № 75 или 76, не помню, в коем не только прошу тебя из присланных батюшкою денег послать маменьке 60 рублей, и даже удержать для себя, ежели имеешь в том нужду, остальные деньги, кои не были мне очень надобны в эту минуту. Эти доказательства, кажется, основательны; да притом, как могу я скрыть от тебя что бы то ни было? Разве твоя душа мне не известна? Не уверен ли я, что от тебя, кроме утешения, хорошего совета и помощи, и ничего ждать не могу? В человеке, доброе сердце имеющем, всякий дурной поступок производит раскаяние, а раскаяние приятно сообщать искреннему другу; кто же мой первый друг, ежели не ты? Твое письмо меня тронуло до бесконечности.

Бароцци, ежели бы не был дурак, получил бы от меня пресоленное письмо, над которым бы попотел; но я тем довольствуюсь: прервать с ним всякое сношение, яко с человеком, думающим, что дружба доказывается одними только ябедами. Но ежели узнаю имя того, который обо мне Бароцци говорил, не спущу так, верно, и потребую у него сатисфакцию за оклеветание и за то, что хотел рассеять раздор в семье, столь согласной, как наша. Я батюшке буду о сем писать.

Александр. Неаполь, 16 августа 1804 года

Мы с Дамасом ладим; были вместе с принцессою Патерио на Везувии, то есть я в другой раз сделал это дурачество. Дамас взял с собою плащи, сюртуки, фуфайки, дабы не простудиться наверху. Чудак! Но спасибо, что посадил меня с нею, а сам сел в другую карету. Возвратясь, поужинали мы у «Отшельника», и я объелся до невозможности; было около пятидесяти человек всего, 5 или 6 разных обществ. У меня успех: молодая Монтелеона, вышедшая недавно замуж за Сан-Марко (графа), вздумала в меня влюбиться, и мы в театре, и где ни встретимся, смотрим друг на друга как голубки.

Александр. Неаполь, 24 августа 1804 года

Я понимаю, что у вас теперь, должно быть, недосуг, ибо теперь везде дела много. Мне все кажется, что и посольша к нам не будет, ежели заварится на сем свете каша, а в сем случае Италия непременно сделается котлом или, лучше сказать, горшком. На вас великую все полагали надежду и очень теперь скорбят, что вы признали Бонапарта.

В прочем нового здесь ничего нет. Ожидаем с неописанным нетерпением курьера из Парижа, с известием, какой дан Убри ответ на последнее предложение нашего государя, и проч.

Я тебе уже описал проказы нашего Везувия. С 30 августа (ввечеру) начала течь лава; она делает милю в день, ибо идет очень тихо; со всем тем надобно полагать, что завтра или послезавтра она загородит дорогу в Портичи и, кажется, в море. Я ездил ее смотреть, приблизился так близко, что мог ее тростью трогать. Кажется, что не лава течет, но целая часть Везувия, с самой вершины донизу. Она множество наделала зла, покрыла множество огородов и садов, кои отважились быть на дороге.

Александр. Неаполь, 30 августа 1804 года

Я в большой тоске. Мою прекрасную Costanza муж-собака увозит в Палермо. Ты не пове-ришь, как она мила и как меня любит. Вчера в ложе плакала все время. Я имел с нею свидание; но как муж не отставал ни на пядь, я не мог много с нею говорить, но мы взаимно изъяснили нашу страсть многим другим, кроме слов. Она немного похожа на княгиню Елизавету Васильевну [княгиню Голицыну, двоюродную сестру братьев Булгаковых]; не так хороша, как она, но милее. Мне смертельно ее жаль, и я с досады брошу всех женщин на время, ежели не навсегда.

Я сижу в партере; как кончился па-де-де, захопал кто-то тихонько около меня, оглянулся, вижу: это моя крошка, и улыбаясь смотрит на меня. Вот этикие вздоры делают меня счастливым надолго. Самое сладкое чувство есть любовь взаимная между двумя особами, какого бы полу или звания они ни были. Правду говорит не помню кто: любовь для добрых то же, что ненависть для злых. Прости, иду спать, мочи нет, хочется; уж час пополуночи. Я обедал на английском корабле и от множества здравий почти пьян. Пили за короля Георга, нашего императора, за отъезд Убри из Парижа и проч. и проч., а ты знаешь, что я не хват на питье: болит немного голова.

Спасибо, что послал исправно пакет мой к Чарторыжскому, но еще более благодарю за все то, что ты мне говоришь о поездке твоей в Москву. Это меня несказанно радует: мне кажется, будто я сам еду туда, когда ты едешь. Обойми за меня нашего неоцененного татулю.

Александр. Неаполь, 4 октября 1804 года

Папа как ни отбояривался, но теперь решился к отъезду и 3 ноября отправляется во Францию для коронования самозванца, который прислал к нему своего адъютанта Кафарелли, дабы понудить его святейшество скорее решиться на сей опасный прыжок. Бонапарт объявил также в Риме, что, несмотря на желание его, ему никак нельзя не занять Анконы и Чивитавекки, по причине русских, которые в Корфу. Папа берет с собою кардиналов Антонелли, Боргио, Казелли и Деппетро, четырех прелатов, дюка Браски, принца Алтьери и маркиза Сакетти. Он публикует, что отсутствие его продолжится только три месяца; но увидим, как вырвется из рук Бонапарта, и не оставит ли перья в западне, ежели не более.

Александр. Неаполь, 18 октября 1804 года

Отъезд Панина в Россию не значит ли что-нибудь? Я сего очень желаю: мы с ним были ладно.

Вюртембергский вдруг поднялся и завтра, ежели не сегодня, едет в Рим, с обещанием быть назад, чему не верю; он все у посольши. Во дворце была толпа в этот день; сначала было

скучно, но потом начали к нам выходить дамы, и моя княгинюшка меня навещала всякие полчаса. Мы очень ладно и не скрываем это ни от кого. А более люблю Хованских за то, что батюшку так утешают; нас кого-то из двух сосватали за старшую княжну. Скавронская спрашивала меня: правда ли это? Откуда взялось это? А право бы, счастье быть в подобной семье.

Слышно, что папа опять не хочет ехать в Париж. Он ко всем кардиналам писал свое-ручно, говоря, что критические обстоятельства понуждают его следовать воле Бонапарта, но что, ежели не возвратится через три месяца, это знаком будет, что его насильно удерживают; в таком случае слагает с себя папское достоинство и предписывает кардиналам немедленно собраться и избрать нового папу. Всем же бумагам, которые им будут подносимы после трех месяцев за скрепкою его, Пия VII, не верить, яко поддельным. По сию пору все в ожидании: поедет ли иль нет?

Александр. Неаполь, 6 ноября 1804 года

Знаешь, кто у нас? Коцебу. Был у меня, я у него. Я не нахожу его разговор ни острым, ни весьма приятным; в своих сочинениях он совсем другой. Только что приехав, пошел в театр; представляли его пьесу, как будто нарочно, «Der Opfer», что-то такое; но пьеса была худо принята. Говорив с ним о его сочинениях, я не пустился с ним по-немецки, а по-французски говорит он изрядно. Жена его здесь и брюхата.

Поздравь нас с Долгоруковой, нашей петербургскою соседкою, которая стоит ваших Тюфякиных и проч. Она очень любезна и хороша еще. 4-го был Сан-Карло иллюминирован, но она ослепляла более свеч: все глаза были на нее обращены. Ее дом будет очень приятен и террасирует общество Скавронской. Zichy также сюда приехала; будут сюда скоро Головкина, Демидовы и проч., и все это на долгое житье. Лафа!

Александр. Неаполь, 14 ноября 1804 года

Здесь двор очень притесняем Бонапартом, который требует, чтобы онный объявил войну Англии. Для короля уже очищено место на английском военном корабле, который перевезет его в Сицилию. Королева хочет крепиться, сколько может, но вряд ли устоит. Посол французский с некоторого времени весьма груб, надменно здесь поговаривает, и слова его подпираемы французскою армиею, которая поставила себя на такую ногу, что в 8 часов может быть готова, чтобы идти на Неаполь. Не только наш один, но все Дамасы света не в состоянии сему помешать, ибо армия неаполитанская не существует, и за этим слишком поздно здесь хватились. Наша участь будет, следовательно, Сицилия, а может быть, и совсем нас отзовут.

Александр. Неаполь, 31 декабря 1804 года

Третьего дня в 6 часов поутру скончалась наша графиня Скавронская, следствием стечения разных болезней, а главная – рак на груди, который она таила долго даже от своего доктора; без того, может быть, могли бы ее еще спасти. Она не хотела делать ни завещания, ни духовной; люди ее должны идти почти по миру. Так не хотела умирать, что сказала доктору Томсону, несколько часов до кончины: «Никогда мне не говорите, ежели буду я, может быть, безнадежна». После смерти думала воскреснуть, потому что велела именно три дня себя не хоронить. Грустно видеть, что она умерла, не открыв перед Богом сердца своего, не перекрестясь даже. Она церкви лет десять не видела. Всякую всячину говорят на ее счет, но что нам разбирать чужие грехи: и своих довольно. Эта смерть оплакиваема многими бедняками, коим дом ее служил ежедневным пристанищем; нам дает она лишние хлопоты и переписки.

У нас пропасть теперь русских; одних офицеров с нашего корабля, из Корфу пришедшего, человек 12; между ними знаешь кто? Никогда не отгадаешь. Франц Иванович Кличка. Ты его помнишь? Он стал красавец, служит не помню в которому полку в Корфу и выпросился сюда с кораблем в отпуск.

1805 год

Александр. Неаполь, 8 января 1805 года

Третьего дня после обедни были мы все, русские, на нашем корабле. Капитан дал нам хороший завтрак, водил нас везде; слушали славных песельников, видели плясунов, как матросы обедают. Все это перенесло как будто нас в Россию, и мы все были тронуты; даже дух щей радовал нас.

Александр. Неаполь, 7 февраля 1805 года

Какая была для меня радость узнать, что ты готов ехать в Москву! Ну, милый мой и бесценный Костя, поздравляю тебя от всей души: пришла минута столь много нами желаемая. Да препроводит тебя Господь Бог в путешествии твоём! Наслаждайся удовольствием, коего три года ты был лишен. Это письмо, может быть, будешь читать в Москве, сидя в твоей тепленькой конурке или у батюшки в саду; ну, где бы то ни было, все это живее приведет тебе на память того, который к тебе пишет.

Пожалуй, опиши мне подробно путешествие твое, прием князя Чарторыжского, что будет тебе говорить, ибо верно вспомнит Анстетову¹⁴ рекомендацию; о маменьке, как ее найдешь, о прочих знакомых, а особливо также то, что узнаешь о Татищеве и о всем, до миссии нашей касающемся, о Гагариной и о тысяче пустяков, коих теперь припомнить не могу. Из Москвы также, милый брат, навещай меня как можно чаще письмами; ты можешь себе вообразить, какой они будут для меня цены.

Я следую тебя теперь воображением, а мне кажется, что ты теперь выезжаешь в Москву, что ты у Кузнецкого моста, встречаешь множество знакомых, у коих, видя тебя, лицо перемениется от радости или удивления, всякая встреча производит волнение в твоём сердце, приближаешься к Слободе¹⁵, сердце бьется, приезжаешь в дом, батюшка на крыльце или в своей комнате, не ожидая тебя так скоро; тыходишь в его кабинет, кидаешься ему на шею, какая минута!

Любезный брат, какое удовольствие для тебя найти отца, благословляющего тебя за хорошее твое поведение, за спокойствие, за радости, кои ты доставил ему вкушать во все время твоего отсутствия! Вкушай сии плоды: ты столь их заслуживаешь.

Ежели это письмо дойдет до тебя после свидания твоего, то послужит нежным воспоминанием счастливой той минуты, в которую совершились желания твои: ежели же прежде, то умножит, может быть, твое нетерпение. Но нет беды. Я нечувствительно предался пылкости моего воображения, а пришла охота грустить, вспомя, что не могу ни видеть, ни разделять счастья твоего. Мы здесь веселимся сколько можно, хотя и менее балов прошлогоднешнего; редуты в С.-Карло зато гораздо веселее. Третьего дня было более 4000 масок. Я теперь большой приятель с Кауницем; он волочится за сестрой моей княгини, и дела его клеятся очень хорошо, под моим присмотром и поручительством. У нас проект теперь трактуется: все мы сядем на наш корабль и поедем гулять по Неапольскому заливу, объедем острова и поедем посмотреть Капри. Общество наше будет состоять из пяти десятков человек, всякий берет блюдо с собою.

Александр. Неаполь, 14 февраля 1805 года

¹⁴ Анстет был одним из чиновников русского посольства в Вене, где тогда служил К.Я.Булгаков.

¹⁵ То есть в Немецкой слободе, где в Демидовском переулке были дом и усадьба Я.И.Булгакова.

Посолье¹⁶ пишет граф: «Милый Булгаков уехал; это меня сильно огорчает, ибо я к нему привязался, он старается», – и проч. Это должно тебе быть приятно: ты знаешь, что посол не очень щедр на комплименты подчиненным своим. Посолье уверяет, что Гриша¹⁷ более не воротится в Вену, а Рибопьер даже вымаран из миссии вашей. Она очень грустна.

Здесь маленькая распря. Французский посол требовал, чтоб Дамаса выслали из здешнего королевства и отняли команду над армиею; не знают, как и чем сия претензия кончится. Я не делаю секрета из сего, ибо весь город о том говорит.

Линевская приехала, но я ее еще не видал. Демидова, говорят, уж в Риме и скоро будет сюда. Сегодня последний день карнавала, и я этому рад: балы у меня по горло уже. Мы с княгиней оба просим отдыха; кстати, Великий пост подходит, а я думаю говеть с Долгоруковыми, благо имеем нашего попа на корабле «Прасковья». Можно ли быть столь странною, как Головкина: поехала в Рим только за тем, чтобы провести там последние три дня карнавала, а там опять воротится. Может быть, это подложная причина, а есть другая, настоящая, которую мы не можем найти.

Александр. Неаполь, 21 февраля 1805 года

Твоя Демидова¹⁸ отменно мне нравится: любезна, весела и, что более всего мне приятно, очень к тебе привязана. Она, Балковы¹⁹ и Николушка живут вместе; я отменно часто у них бываю. Все здешние достопамятности очень мне известны и даже прискучили, но для них охотно все еще раз просмотрю и с ними всюду поеду в звании цистерона-чичероне. Демидова с приезда лежала больна в постели лихорадкою, теперь выздоровела и выезжает. Мы собирались было говеть, но теперь надобно отложить попечение, ибо бедный священник нашего корабля умер на этих днях.

Александр. Неаполь, 12 марта 1805 года

Трудно мне отвыкать от старой привычки иметь всякую неделю по два письма от тебя, но как быть? Утешаюсь мыслию, что желания твои совершились и ты в России, милый и любезный брат.

Не поверишь, как я теперь приятно разделяю время между моей княгиней с Демидовою. Сия очень мне нравится, нрава открытого и предоброго сердца; я не удивляюсь нисколько, что ты ее любил, и не хую этого: заслуживает того, время с нею не видишь как проходит; вчера пришел я к ней в 10 часов вечера и до трех часов пополудни заболтался.

Мы были все на превеселом обеде у Кауница третьего дня, а завтра вся наша шайка, и дамы также, едем в Баю и Фузаро есть устриц, в чем я вовсе не силен, ибо терпеть их не могу. Дамас на днях едет и ждет только благополучного ветра; ему дана большая лента Св. Фердинанда, и он теперь щеголяет со звездою. Посолье очень грустна: говорят, что чрез шесть недель воротится в Вену. Я рад, что подросла сестра Линевская в столь нужную минуту.

Александр. Неаполь, 14 марта 1805 года

Слава Богу, ты благополучно доехал до Питера; радуюсь всем оказанным тебе ласкам и посла люблю без ума. Мы видим теперь, что он не таков, каковым большая часть его полагает.

¹⁶ То есть, вероятно, первой жене нашего посла при императоре германском графине Елизавете Осиповне Тун (ум. 1806), проживавшей для здоровья в Неаполе, пишет из Вены муж ее, граф Андрей Кириллович Разумовский.

¹⁷ Князь Григорий Иванович Гагарин.

¹⁸ Это супруга Николая Никитича Демидова Елизавета Александровна (ум. 1818), сестра графа Г.А.Строганова, успехи которого между женщинами помянуты даже Байроном во 2-й сцене «Дон Жуана». Она была тоже счастлива в мужчинах. Граф Блудов говаривал: «Наши бабушки были чисты сердцем, но не плотью».

¹⁹ Петр Федорович Балк-Полев и жена его (которую далее Булгаков называет Балкшею) Варвара Николаевна, урожд. Салтыкова, родная тетка московского князя В.А.Долгорукова.

Я прочел посольше, что ты пишешь о муже, и она была тронута до слез. «Вот, – сказала она, – что выигрывают, будучи таким славным мальчиком, как ваш брат». Я тебе признаюсь, что не ожидал бы таковых доказательств привязанности посла к тебе. Не оставляй ни под каким видом его миссии: кажется, нам не должно теперь сомневаться, что тебе дадут жалованье.

Благодарю за все, что пишешь о маменьке; я бы ей послал денег с отъехавшим вчера в Петербург курьером, но, по несчастью, батюшкин вексель ко мне в 500 червонцев принужден был отослать Гумпту, ибо он адресован тебе, и платеж должен сделаться тебе, в Вене, гульденами; просил Гумпта все это устроить, несмотря на твое отсутствие. Я к маменьке пишу довольно часто, но что делать с почтою, и я об ней был в беспокойствии, а в четверг получил вдруг три письма, из коих одно 17 января, каково? Татищев едет; по твоему письму везет еще двух; не знаю, что со мною будет, но надеюсь не быть ему бесполезным. Демидова говорит, что он был в нее влюблен. Она его встретит и скажет ему, что любит меня очень и что знаться с ним не будет, ежели я не буду его фаворит. Комиссии к знакомым в Петербурге не могу тебе давать: тебя теперь там нет, я думаю.

Ты говоришь, что многое говорят у вас, а не пишешь, что именно. Кто об нас представлял, коллегия ли, князь Чарторыжский или наши министры? Лучше бы, вместо чина, хорошее жалованье.

Я получил вдруг два письма от батюшки; он, кажется, намекает, что и моя очередь придет ехать в Москву, тогда в Вене погошу у тебя два раза хорошенько. Да и тебе из Москвы зачем спешить? Я воображаю, что ты воротишься к послу через Петербург. Мы время славно здесь препровождаем. Что за женщина эта Демидова, и как я ее худо судил, покуда только видом ее знал; право, заслуживает любовь хоть кого. Она была огорчена, что в письме твоём, которое принудила почти все прочесть ей, нет ни слова о ней. Она в больших агитациях, ибо едет из Парижа вслед за нею какой-то испанец, кажется, Пиньателли, который влюблен в нее, и она не знает, как его принять после того, что было в Вене. Она очень к тебе привязана.

Все здешние достопамятности видел я сто раз, но ее долгом почел везде провожать. Вчера были мы в Казерте и до того доходились, что приехал я без ног в Неаполь от усталости. Как смеялись! Мы были пятеро: Демидова, Балкша, Томас, старый аббат-чичероне и я. Сколько раз тебя поминали!

Ко мне из Вены пишет какой-то чужак Ротиакоб, коего в глаза не знаю, и просит, чтобы я заставил тебя заплатить Беттере 100 гульденов и оные ему переслал. Что, я обер-полицмейстер, что ли? Скажу, как Демидова: «Нет, все это вздор».

Пожалуй, напиши мне, под секретом, все, что ты мог слышать в Петербурге о Карпове, особенно в княжеской канцелярии и пр. Когда будет Татищев, куда, думаешь, денется Карпов?

Александр. Неаполь, 21 марта 1805 года

Верно, увидишь Татищева в Москве. Что за люди с ним едут и какого они складу? Вообще все, до миссии нашей касающееся, должно меня интересоваться натурально.

Мы делаемся теперь сиротами: в воскресенье уехала Долгорукова, в понедельник Балкша с мужем, в четверг едут Демидова и Головкина. Очень мне будет жаль Демидову, с которой я очень тесно подружился. Ее нельзя не любить, когда два раза только увидишь; жалуется, что многие ее ненавидят и завидуют ей. Сие заставило меня написать ей в Стамбул на одном листочке с тобою: «Вы милы, любезны, добры, чувствительны, у вас есть завистники; будьте еще милее, любезнее, добрее, чувствительнее, и вы их поразите, а я буду наслаждаться вашим триумфом». Не знаю, отчего в России имел я от нее такое большое отвращение, а теперь люблю ее очень. Она совершенно вбила себе в голову, что ты ее забыл, как я ни уверяю ее в противном. Она говорит о тебе: «О, теперь он днем и ночью у своей красавицы Долгоруковой. Что же он находит в этом маленьком чудовище?» Жаль мне очень, что она покидает нас; провожу ее почты три, что ни с кем не делал, кроме как с Гагариными.

Александр. Неаполь, 23 марта 1805 года

Наконец возвратился ты в Москву, и все желания твои сбылись. Я, право, был тронут всем тем, что ты мне говоришь, и мне казалось, что я стою между батюшкою и тобою, что у окошка Фавст смотрит будто на термометр, дабы не показать, что плачет, глядя на наше благополучие; у кровати Александра Петровна потупила глаза на китайца, вышитого на завесах; княгиня сидит в больших красных креслах, с платком на носу, который весь покраснел; князь Сергей говорит батюшке, смотря то на одного, то на другого: «Эх, дядюшка, да вам радоваться должно, по-смотрите-ка, какими воротились молодцами!» В эту минуту входит Биянки, кричит, всем кланяется, никто ему не отвечает. Эта картина так сильно представилась моему воображению, что я только тогда очнулся, что в Неаполе, как пришел Антонио с завтраком. Теперь узнал я, что можно быть счастливу мысленно; но как жаль, что это счастье есть одна только минута.

К нам едут опять много русских, то есть Демидова обратно на все лето с мужем (ладно!), князь Дондуков (бывший Корсаков) с женою Каньера, двое Яковлевых, Щербатов-драчун и не помню, кто еще. Балкша тоже сюда будет, а муж ее едет в Россию – проситься в Китай с посольством нашим. Правду ты говоришь, что редкость найти женщину, которая была бы достойна быть единым предметом человека. У меня с княгинею пречастые ссоры за проклятую ее страсть к игре, а ежели она не бросит играть, то я ее верно брошу, ибо не поверишь, как больно моему сердцу видеть молодую женщину, которую люблю, расстраивающую свое имение. Всякий день у нас ссора за это, и я так оной встревожен, печален, что болен даже бываю. Какая несчастная и неизлечимая страсть – карты! Какая наука для меня, и какую ненависть имею теперь к игре.

Как я рад, что наш бесценный Фавст не переменился нимало, что бы очень меня огорчило и охледило бы сердце ко всякому чувствованию дружбы. Мне батюшка не писал о продаже деревни Азанчевскому, и не знаю, сколько душ. Дай Боже, чтобы это уменьшило долг, который столь его беспокоит и о коем он столь часто упоминает. У вас Екатерина III – Пушкина²⁰, а мы здесь Долгорукову так называли.

Александр. Неаполь, 18 апреля 1805 года

Поверь, брат, что охоты никакой не имею быть камер-юнкером; теперь это неважно, и, право, божусь тебе, что лучше предпочту место секретаря посольства, которое есть цель всех моих желаний. Слушай! Министры наши здесь довольно часто переменяются; при отъезде всякого я бы был поверенным в делах, а наконец, привыкши быть мною довольными и произведя меня раза четыре, сделали бы и министром тем охотнее, что двор и дела неважны. Так ли? Вот план мой: с помощью Татищева надеюсь достигнуть моего желания. Тогда дам пир, и хотя не люблю вина, но по-твоему вытяну полдюжину бокалов шампанского.

Александр. Неаполь, 2 мая 1805 года

Ей-богу, больно: пишу тебе под № 119, а ты мне на 102-й только отвечал в последний раз. Спасибо тебе, что устроил дела бедного Приклонского.

Приступим теперь к Неаполю. В нем делаются страшные проказы. По случаю отъезда Бореля могу с тобою говорить без особого риска. Не знаю, известно ли тебе о несчастном случае с Щербатовым, случае тем более досадном, что он не только задевает основы права человеческого и оскорбляет Щербатова, но отражается и на всей нашей нации. В ночь с 9-го на 10-е отряд сборов [полицейских] с офицером явились в комнату Щербатова, арестовали его, посадили в коляску и отвезли таким манером, как злоумышленника, за пределы Неаполитанского

²⁰ То есть графиня Екатерина Алексеевна Мусина-Пушкина, урожд. княжна Волконская.

королевства, без какого-либо предварительного согласования с Карповым. Можешь вообразить, какой эффект произвел подобный способ действий на такого *ревностного* русского, каков Карпов. Он обратился с очень соленой нотою, в коей потребовал быстрейшей репарации, и такой, какая бы дала ему знать, должен ли он продолжать или прекратить исполнение своих функций при сем дворе. Вчера нам наконец отвечали другою нотою, которая может считаться шедевром пошлости и в коей одна фраза уничтожает другую. Обвинения против Щербатова таковы: он не представился при дворе, у него нашли ружье, он не носил мундира, он явился в Неаполь, чтобы бросить вызов двору своею дуэлью с Саксом, коего он убил по крайней мере не по-неаполитански, то есть сзади.

Избавлю тебя от остального и спрашиваю, может ли все это позволить трактовать иностранца как злоумышленника, и без предуведомления, ни до, ни после, его министра; ибо нам все известно через одного человека в полиции. Все это приказано королевою в возмездие за высылку из Петербурга; а ты, может быть, не знаешь, что он был ее любовником. Королю сказано все это только вчера. Мы посылаем курьера в Питер и увидим, как государь это дело примет. Арестуя Щербатова, принесли ему кошелек с деньгами, чтоб заплатить долги, ежели найдутся; но он сказал офицеру, чтоб убирался и он, и тот, кто деньги прислал, что он долги, которые умеет делать, умеет и сам платить, что придет время, что все это отомстит, написал записку Гагарину и Карпову, сел в карету, и его помчали.

Не поверишь, любезный, как у меня кровью сердце заливается от подобного скаредного поступка; не должна Россия терпеть подобные дерзости от державы, которую алжирцы заставляют себя бояться. Я, право, второй день хожу как шальной. Посолыня изволит защищать сей поступок; ты можешь вообразить, какой шум мы поднимаем, мы, *русские в душе*. Неаполь стал для меня гнусен, и не вижу минуты убраться. Я так откровенно всем говорю мой образ мыслей, что, верно, дошло до знатной особы, чему я и рад, и готов на все; лучше есть русское говно, чем неапольские макароны. Записка к Гагарину была, верно, в руках здешнего двора, который будет коситься на него за дружбу Щербатова.

К маменьке через Приклонского посылаю ассигнацию, которую купил на нашем корабле у матроса. Пини наш воротился из Корфу, был в Венеции, где видел Маруци, который тебе кланяется, а дочь Бароцци большие имеет на тебя претензии.

Александр. Неаполь, 7 мая 1805 года

Я буду проситься курьером в Вену, где добрый наш посол меня несколько задержит и потом отправит в Петербург, а ежели ехать туда прямо, то когда же с тобою пожить? Дороги по Италии теперь очень верны, по крайней мере уж давно не слышать, чтоб шалили.

Благодарю за вести московские и все твои подробности о доме нашем: от всего этого сердце бьется. Батюшка, кажется, весел и предоволен нами, пишет: «Канцлер²¹ меня утешил похвалою о тебе, хвалит, да и много, все то, что ты писал во время болезни Карпова: но сие да не возгордит тебя. Обещался мне о вас обоих писать к князю Чарторыжскому. Я с ним переговорил о всем, что только может касаться до вашего будущего блага; увидим, что сделают в Петербурге, между тем радуюсь, что начальники вас за глаза знают и хвалят». Не поверишь, как сии слова меня порадовали: стоят всякого награждения.

Отгадай, кто к нам явился вдруг. Виленский знакомый, красноносый и краснощекий генерал Лассий, такой же все чудаки, приехал лечиться и начал тем, что ложится в семь часов спать, обедает в час, по сию пору только мне сказал: «Бачка! Как ты, братища, вырос; приходи обедать к нам». Приехал из Рима Щербатов, да что-то невзлюбил Неаполь и едет чрез две недели, возвращаясь в Россию. Скоро будут сюда Демидовы, жду их с большим нетерпением, а Балк, кажется, раздумал ехать в Китай.

²¹ Государственный канцлер граф А.Р.Воронцов.

Вот три года, что я здесь, а впервой видел чудо св. Януария. Удивительно, что в церемонии сей, основанной на ослеплении и глупом суеверии народа, не наблюдается по крайней мере благопристойности. Старые бабы сидят на первых местах и ругательски ругают бедного святого за то, что мешкает, а не делает чуда; когда же зазвонит колокольчик, начинают кричать: «Bravo S. Gennaro, nostro caro, quanto piacere ci fai provare, quanto sei grazioso, amabile, quanto ti vogliamo bene»²², – и другие подобные глупости. Какая разница в наших священных обрядах, какая у нас тишина, благолепие, благопристойность, а здесь поют кастраты, играют 200 музыкантов, иллюминация, процессии и проч.

Александр. Неаполь, 9 мая 1805 года

Я получил третьего дня письмо от батюшки, который говорит: «Вчера (29 марта) отпустил я брата в Петербург, и поплакали». Вот что он пишет: «Тебя желаю избавить от Неаполя, где нечего тебе лучшего ожидать; а я стар, дряхл и хотел бы иметь при себе которого-нибудь из вас, даже и для вашей пользы. Глаза мои, кои мне столь верно служили 60 лет без очков, начинают худо видеть, рука ослабела, голова также ненадежна. Как же мне не желать иметь при себе человека, на которого положиться могу, а где его найти, кроме одного из вас?»

Не можешь вообразить, как я на Васильчикова²³ зол. Что за фофан! Куда девались все мои письма?

Одиннадцатого сего месяца Татищева всякую минуту ждали в Триесте, так что он, может быть, прибудет сюда в конце этой недели, и тогда будут здесь три наши корабля; теперь имеем мы «Прасковею», линейный корабль и фрегат «Венус». Сегодня Пини, Николушка, Веттера едут обедать к капитану Сотланову и есть щи.

Маменька пишет, что ожидает тебя всякую минуту. Я послал ей денег с Борелем, а в этом месяце еще pošлю, ибо буду богат. Кстати: батюшка пишет, что дал тебе для меня 500 червонцев; сделай одолжение, перешли из оных 100 матушке: это всего короче и лучше, чем мне отсюда посылать вексель; из Вены удобнее и вернее можно доставить деньги в Петербург.

Все идет по-старому, с княгиней все ладно, она добрый парень, только страшная игрица, что терпеть в женщине не могу. Сегодня должны приехать Демидовы; он будет брать бани острова Пекин, а она, я чаю, амуриться с испанцем парижским, о котором она тебе, верно, говорила и который явился в Италию специально ради нее.

Александр. Неаполь, 16 мая 1805 года

Ну, брат, теперь нас занумерили, и надеюсь, все пойдет как по маслу. Все то, что князь Чарторыжский тебе говорил, очень меня обнадеживает и радует; теперь не надобно нам унывать.

Я матушке много писал о желании нашем, чтоб она переселилась в Москву: ежели там Шумлянские²⁴ докучают, то, по крайней мере, карману ничего не стоят, а в Питере не так с прочею роднею.

Александр. Неаполь, 9 июня 1805 года

Так и быть, умру, но Пиния не отпущу в Вену без письма к любезному и милому моему Костюше.

²² То есть: «Браво, св. Януарий, дорогой наш, какое удовольствие ты даешь нам испытывать, как ты мил и любезен, как мы тебя любим».

²³ Алексея Васильевича, являвшегося родным племянником нашего посла в Вене графа А. К. Разумовского и служившего там под его начальством.

²⁴ Мать братьев Булгаковых в это время была уже вдовой доктора Шумлянского и с двумя от него дочерьми жила в Петербурге.

Это заглавие тебе покажется трагично, но успокойся. Дело в том, что я три ночи не сплю за работою, которую делаю один, – Пиний занят приготовлениями к отъезду; право, не чувствую ни рук, ни глаз. 16 больших депешных листов исшифровал для государя, да к князю Чарторыжскому еще изрядная кучка. Мне была предложена поездка, но я не хочу ехать, не выдавшись с Татищевым, что ему бы показалось несколько странно или неучтиво. Как его по сие время здесь нет, то заключаю, что он заехал в Корфу.

Виленский наш знакомый²⁵ дал мне уверение, что стоит мне только сказать ему, когда мне хочется, то он меня отправит в Петербург, и так я с этой стороны очень покоен и уверен насчет себя. Я с ним живу очень ладно, меня любит и много хвалил и рекомендовал князю Чарторыжскому. Приглашает с ним быть на основании, как был, помнишь, при нем П.Я.У.²⁶ в Вильне; все это может устроиться, и с большими для меня выгодами. Это усмотрение заставляет меня не торопиться в Россию, ибо фортуна моя может быть сделана.

Александр. Неаполь, 14 июня 1805 года

Шпренгпортен сумасшедший человек и удивительные делал дурачества и проказы в Корфу. Надобно знать, что жена его уверяет беспрестанно, что брюхата, и в последний раз в переезд его из Корфу в Венецию, при страшной буре, ей будто сделалось дурно и будто она выкинула, ему показала кусок телячьей почки, в чем-то выпачканный, говоря, что это выкинутый зародыш. Он поверил и говорил всем: «Я видел сверток, которым разрешилась жена моя». Она, кажется, костромская купчиха.

Скажи, имеет ли Турчанинова с собою еще капельмейстера-итальянца, который, верно, ее где-нибудь обокрадет. Рад я, что ты с послом со дня на день лучше: ежели чуть здесь не так пойдет, то к вам турну, и давай вместе жить. Посольи тебе кланяется; она меня представила какой-то Коллоредо, приехавшей из Вены и которая просит передать тебе тысячу любезностей. С Демидовым я приятель; добрый малый, велел сказать батюшке, что на все его предложения соглашается, не зная даже, в чем оные состоят; желательно было, чтоб батюшка скорее меня уполномочил трактовать то дело, а я берусь выходить все то, что он хочет. Напиши тотчас батюшке обо всем этом, ибо Демидов останется здесь, кажется, на все лето. Она сию минуту приехала, и я ее еще не видал. Балкша будет позже.

О Турчаниновой это правда, что она сушая фурия; я ее сам не любил. Головкина добрая женщина, а на бедную Долгорукову, здесь бывшую, напечатали в миланских газетах преехидную сатиру, в коей, между прочим, обвиняют ее за то, что она смеет себя называть публично приятельницею неаполитанской королевы, приверженной к Англии, и проч.; одним словом, в этой сатире помещено все, что может только кольнуть самолюбие женщины, что у ней нос попугая, язык сороки, что в Париже хотела держать винную лавку, которая обанкротилась по недостатку средств.

Александр. Неаполь, 9 июля 1805 года

На той неделе, любезный брат, воротился я с Казертской ярмарки, узнав, что здесь был сигнал двух военных кораблей: я не хотел, чтоб Татищев, приехав, может быть, меня не нашел, и вышло, что очень хорошо сделал. Весь третьесегодняшний день «Крепкий» танцевал между Капри и Неаполем, ибо был почти совершенный штиль, а вчера наконец фрегат до рейда нашего дотащился. Он был еще далеко от порта, когда я поехал навстречу Дмитрию Павловичу, но как тотчас прибыл и Карпов, то я с ним много говорить не мог. Он вбежал тотчас в

²⁵ То есть генерал Борис Петрович Лассий, бывший литовский военный губернатор, начальник русских войск, высадившихся в Неаполе в первую войну с Наполеоном.

²⁶ Павел Яковлевич Убри.

каюту, вынес указ о прибавке мне жалованья и сам оный прочел. Он в карантине, и мы только подъезжать к нему смеем, что очень беспокоило по причине качки.

Сегодня встал я пораньше и поехал к нему. Узнав меня издали, вышел он в окошко, и я, держась за корабельную цепь, часа с два с ним разговаривал путем, ибо вчера, кроме «здравствуйте» и «до свиданья», ничего не было. Он меня так обласкал, что я не знал наконец, что отвечать. «Ваше намерение, – сказал я, – есть послать меня скоро курьером?» На это он отвечал: «Мое намерение? У меня вынудили обещание это, а я ничего столь не желаю, как чтоб вы со мною остались хотя месяца два-три». Потом много спрашивал о важных здешних особах, о чужестранных министрах, их инфлюенции, об образе жизни неапольской, о дворе и проч. и проч. С первого разу он столь на ласковую ногу себя поставил со мною, что я, кроме хорошего, ничего не предвижу. Дал мне комиссию людей ему искать, дом и проч.; взял всех, которых я ему рекомендовал.

Выйдя из карантина (удивительно, что здешний двор не дал еще давно приказа освободить фрегат от карантина под каким-либо предлогом), сойдет в трактир «Крочелла», а там переедет в бывший Скавронской дом; но вероятно, что оный не будет для него достаточен по малости и что он возьмет другой, о чем он и мне уже говорил, прибавив: «Хочу вас иметь при себе».

Ежели вздумается похитителю Франции и здешним королевством завладеть, мы куда-нибудь да денемся и поедем ежели не в Россию, то в Вену. Как ты думаешь?

Смерть бедной Гагариной²⁷ меня огорчила. Между радостями, которые думал найти в России, считал и ту: еще раз ее обнять. Мы, как бешеные, друг друга любили, и я с нею провел здесь 8 месяцев, наиприятнейших в свете. Без ее малодушия умерла бы она моею. Дай ей Бог царства небесного!

Благодарю любезного Званцева за приписку; приятно мне будет обнять столь старинного приятеля и товарища.

Александр. Неаполь, 18 июля 1805 года

Пишу, чтоб вывести тебя из заблуждения, если у вас разнесется слух, что мы погибли от сильного землетрясения, которое мы ощутили 14-го сего месяца в 10 часов вечера. Беды, им произведенные, чрезмерны; все дома, которые не развалились, повреждены. Но столица еще не столько пострадала, сколько окружности, в Кампобассо, Изернии, Авелино и проч. страшные разорения, и погибло несколько тысяч душ. Казертский славный дворец треснул, в Капуе заваляло целый эскадрон. Мы все страх как перепугались. Сидели у посольши, как вдруг начали хрустали в люстрах звенеть, все колокольчики сами собою зазвонили, три потрясения были отменно сильны. Физик Казелли уверял короля, что, если бы продолжилось землетрясение еще 6 секунд, весь бы Неаполь исчез. Вот достоверное и плачевное известие: верь только этому, все прочее – басни.

Я боялся за посольшу, но она очень хорошо все перенесла; я признаюсь, что меня бросило в пот и в содрогание, которое не скоро прошло. Что это за чувство, изобразить нельзя; народ, ходя по улицам, воет, женщины кричат без-милосердно, весь город еще в унынии.

Александр. Неаполь, 1 августа 1805 года

У нас со дня на день ладнее идет все. Намедни заболтались мы на балконе до полуночи. Спрашивал о моей службе и удивлялся, что я не более ассессора, прибавив: «Прошлого года вас обоих хотели произвести, но слишком много перед вами есть старших; но это не помешает нам выхлопотать при первом удобном случае чин. Я вам обещаю, что это не замедлит произойти и что мы не упустим случая», – и пр. Мы целый день почти неразлучны.

²⁷ Это знаменитая княгиня Анна Петровна, урожд. княжна Лопухина; она скончалась 25 апреля 1805 года.

Ты знаешь, что Карпов человек прелестный, но имеет странный нрав, и с ним ужиться очень трудно. Дмитрий Павлович очень его ласкает, когда наткнется на него, но, кажется, не ищет случаев. Полетика²⁸ отменно ленив и, кажется, хочет оставить меня хозяином положения, Межаков употребляется только для переписывания набело, из чего можешь посудить, что большая часть бремени на мне лежит, и я теперь удостоверился, что с доброю охотою можно горы ворочать. В этой экспедиции большую часть депешей дал мне сочинить; это хорошо, но скучно отменно дьявольское шифрование и переписывание. Когда прочел я ему проекты двух писем к вам, прочтя их, он сказал: «Славно, сударь; то-то у единородного в Вене забьется сердце, когда увидит подвиги Неапольской миссии; теперь прошу тебя переписать, ибо у других завалается и никогда не поспеет», – и пр.

Ну, сударь, прошу отгадывать, где я теперь был? Знайте, что в сию минуту, 10 часов вечера, вспыхнул Везувий пристрашным образом. Вся восточная часть неба как будто кровью облита, лава менее нежели в час дотечет, без сомнения, до моря. Что за зрелище! Никто не видал здесь подобной эрупции; на улице хоть письма читай. Завтра почта идет, я дам тебе описание подробное, а теперь успел едва намарать пару слов, покуда печатают пакеты. Поручик Реди остается в графском распоряжении, для отправления сюда обратно. Я тебе его рекомендую: бедный, но хороший человек, служил в старину у нас и говорит по-русски. Прошу с ним прислать мне сургучу вашего, который надобен и Дмитрию Павловичу; а про обе гитары некогда было и подумать, но в оказиях недостатка не будет; между тем посылаю тебе, любезный, струн самых лучших запасец.

У нас все берет грозную осанку, и бог знает, что будет с нами. Вперед я тебе буду писать лимонным соком иногда, а дабы не заставлять тебя коптить все письма, то знай, что соком будет писано только в тех, которые будут начинаться словами «любезный брат». Ты то же самое делай в рассуждении меня: впрочем, не буду употреблять это условие, покуда не получу от тебя ответа и известия о получении сего письма. Эта предосторожность не худа, а я множество имею вещей, которые для тебя крайне интересны, а по почте писать не могу.

Александр. Неаполь, 2 августа 1805 года

Вчера отправили мы нашего курьера в Петербург; с ним поехал также поручик Реди, мне очень знакомый, которому я дал к тебе письмо и посылку, то есть гитарные струны.

Сидим мы за работою и очень торопимся, ибо Дмитрий Павлович хотел непременно, чтобы курьер уехал к вечеру; вдруг поднялся шум, все бегут, народ кричит, спрашиваем, что случилось; «Il Vesuvio butta fuoco», – закричали нам множество голосов. Услышав сии слова, заперлась канцелярия, и все бросились на угол улицы, откуда виден Везувий. Какая картина представилась нашим глазам! Прошедшие эрупции ничто в сравнении с сей. Лава с вышины кратера до моря (то есть мили три с половиною) протекла минут в 50. Я бы никогда не поверил, что огонь может в самой воде гореть, и довольно долго. Татищеву беспокоиться было незачем, ибо, писавши, из своего кабинета видит Везувий как нельзя лучше во всем его пространстве. Как это для меня не новое, то я тотчас воротился в канцелярию и, покуда те, разинув рот, смотрели, я написал тебе письмецо, которое тебе вручено будет поручиком Реди. Дмитрий Павлович тотчас подписал бумаги и поехал с Кауницем, Гагариным и Коллоредо смотреть вблизи лаву; сегодня я у него был, и он восхищен тем, что видел.

Что мне делать с Дондуковым? Я был довольно глуп, взяв переслать ему женины бриллианты; черт знает, где они теперь возятся, а между тем мне беда, ежели украдут их как-нибудь. Пожалуй, друг мой, напиши Бароцци, ежели они будут в Венеции, чтобы он им сказал, что, ежели не напишут мне тотчас, кому или какому банкиру их вручить, я ни за что ответственность не буду. Я им не брат и не приятель, чуть в глаза знаю, не намерен лелеять их пожитки. Ежели

²⁸ Петр Иванович Полетика, бывший потом посланником в Америке.

в Вену будут, скажи им это сам, и вообще старайся разведывать, где они обретаются. Балкше шаль доставлена.

Александр. Неаполь, 5 августа 1805 года

Мы все были у посольши. Вижу, что графиня Кауниц на меня смотрит пристально, спрашиваю у нее причину; она мне говорит: «Зачем вы толкаете мой стул?» Я не успел рта раскрыть, чтобы ей отвечать, как случается новый толчок; тогда я вскакиваю с криком: «Это землетрясение!» Один маркиз здешний, с нами сидевший, хотел удерживать, что въехала карета на двор; но не было никакого сомнения, когда в люстре, которую качало, как колыбель, начали звенеть хрустали, и все колокольчики сами собою зазвонили. Тут и маркиз закричал: «Боже! Это ужасное землетрясение!» – «Ах, боже мой, – сказала посольша. – Что же делать?» Мне первая мысль, которая тотчас пришла в голову, было лиссабонское землетрясение, от которого срезало все дома. Ожидая, что и наш провалится, бросил я очень непохвально дам и кинулся на улицу, куда также сбежали с 3-го этажа Гагарин, Беттера и весь трактир. «Погибнуть вместе – одна из сладчайших кончин», – говорит Флориан, но, видно, ему не случилось быть при землетрясении. Меня кинуло в пот, и сделалась тошнота, которая продолжалась дня два, а в нервах имел столь неприятное чувство, что не могу тебе изобразить.

Увидев после посольшу, думал, что будет меня бранить за то, что их бросил и убежал; но так как немки сентиментальны, она меня похвалила, что я в сию минуту вспомнил мою княгиню и тотчас к ней побежал, и поскольку сделал я это, о том не раздумывая, то вышла мне заслуга в том, что было, разумеется, достойно осуждения. Но признаюсь, что такой испуг на меня тогда нашел, что кинулся бы, верно, и с балкона, ежели бы нашел дверь запертою. На лестнице нашел женщину в обмороке, все ее оставили. Татищев один ей помог, принес уксус и проч. Это тем прекраснее, что это была француженка, а он русский министр. Козловский тотчас бы написал стихи. Демидов бросил костыли, забыв подагру, и пустился бежать.

Непонятым счастьем здесь убило человек с 12, не более, два или три дома провалились, но повреждены почти все без изъятия, и нет сомнения, что, ежели бы продолжалось еще секунд 6, Неаполь бы исчез; но, слава Создателю, все миновало, мы все живы, и никому из наших ничего не случилось. Гагарин весьма счастливо избежал, ибо в доме Скителли, который рядом с ним и отделен от его комнаты одной только стеною, все провалилось. В доме Серра-Ка-приоли крыша провалилась, и 3-й этаж очень поврежден, также и Скавронской дом пострадал; в комнате посольши большая также нашлась трещина. С этого рокового дня все площади города и Вилла Реале наполнены каретами, в которых устроили постели, чтобы там спать всю ночь, дома совершенно пусты; бездельники сим, конечно бы, воспользовались, ежели бы не поставили под ружье весь гарнизон, они собрались перед собором с криками: «Кровь св. Януария, покажись!» – прося у него чуда. Весь город наполнен процессиями, молитвами, кругом ужасный шум и гам. Все это продолжится еще несколько дней, пока народ совершенно не успокоится; все театры закрыты.

Ну, брат, какое мне с министром житье, как мы ладим! Нельзя лучше. Он ни пылинки от меня не скрывает, отменно откровенно обходится со мною, и не могу тебе описать, как милостив; что бы ни хотел делать, всегда мне наперед намекает; дела ли, гулянье, пустяки, – все «пошлите-ка Булгакова!» Вчера пришел я к нему в семь часов вечера, попил чаю, потом сели на балкон, начали говорить, заболтались до одиннадцати часов нечувствительно, а он было дома остался, чтоб многое написать, и принужден был работать всю ночь.

Полетика того не показывает, но не верю, чтоб внутренне был доволен оказываемыми мне Дмитрием Павловичем ласками; впрочем, его уважает министр, а он мне, сколь мог примечать, кажется человеком, с которым легко ужиться. Межаков все гуляет, разве когда Карпов его поймает и заставит переписывать. Сей последний здесь, я думаю, останется, и Дмитрий Павлович занимает его разными препоручениями, касающимися до здешних. Он мне пространно

говорил о выгоде здесь остаться, прибавив: «Вы не раскаетесь». И я не сомневаюсь, что с ним очень легко я выйду. Ему у двора очень хорошо, и он очень запанибрата с Чарторыжским. Сей в собственноручном письме к Л., который меня ему рекомендовал, говорит: «Все, что вы мне говорите о молодом Булгакове, дает ему право на доверенность императора, я поговорю о сем с его императорским величеством». Это очень меня порадовало: все сии по клочкам приходящие хорошие рекомендации, когда еще прибавится и Татищева, сделают мне добро, по крайней мере заставят заметить и не отказывать первому обо мне представлению.

Все эти дни не выходил я со двора, как только, чтобы идти к Дмитрию Павловичу, как ради дела, так и по причине опасности на улицах: народ суеверный, ни за что ни про что в ухо свистнет. Одну женщину башмачник колодкой замертво положил, говоря, что, ходя с открытою грудью (что проповедниками запрещено), женщины раздражали Бога и навлекли землетрясение. Они этак могут подумать, что и соломенная моя шляпа, обшитая черною тафтою, может также навлечь вторичное землетрясение. Слуга покорный с такими чудачками!

Батюшка, говоря о пятидесяти червонцах, которые нам давать хочет помесечно, включает ли тут то, что нам идет от государя, или только свои одни деньги, что составило бы большие богатства? Да притом он говорит: «Буду вам давать вместо 40–50», – да я 40 никогда не получал, а только 25. Пожалуй, выведи меня из этого недоумения, чтобы я мог путем батюшке отвечать, и растолкуй мне новый план хорошенько, то есть вообрази себе, что перед тобою стоит князь Александр Щербатов и говорит: «Это смешно, как можно из рублей червонцы делать, и как можно вести счет с червонцами, я ведь не банкир, я почему знаю то, что ни есть, да я знаю», – и проч.

Каковы же ваши немцы! Поди-ка, так расшумелись, что и не уймешь. Здеjších грешных сильно прижимают общие враги и заставляют кричать «аминь». Чем-то все это кончится, но приходится терять терпение.

Александр. Неаполь, 8 августа 1805 года

Император прислал с курьером, который привез мне письмо твое, прекрасную золотую табакерку, обсыпанную бриллиантами, Карпову, и велено ему дать, кроме жалованья, 1200 червонцев пенсии. Как меня это обрадовало! Давно заслуживал это бедный наш Карпов.

Александр. Неаполь, 22 августа 1805 года

Я был уверен наперед, что слухи о землетрясении дойдут до вас чрезмерно увеличены. Сие побудило меня два письма к тебе писать для большей верности; одно послано по почте, другое через курьера; вижу с удовольствием, что оба до тебя дошли. Но что меня очень тронуло и обрадовало, это поступок посла. Я посольше прочел этот пассаж; она была в восхищении и довольна, что ты признаешь так ласки ее мужа, о чем, верно, ему писать будет. Она велела тебе сказать: «Раз так, когда увижу вашего брата, он найдет у меня холодный прием». Она живет с королевою в Кастелламаре, и тамошний воздух приметно восстановил ее здоровье: стала поплнее, и локотки начинают становиться покругловатее. Место, ею обитаемое, называется Квисисана, чего лучше? Вдобавок к реляции моей о землетрясении прилагаю экстракт с рапорта, поданного обер-полицмейстером королю. Ну, что за суматоха! Как вспомню, так по коже подирает. Бедному Неаполю досталось: нет дома без починок.

Полно о сем, да притом Реди может тебе рассказать все подробнее; а я тебе его рекомендую. Когда возвратите его нам, не забудь сургучу прислать, в коем терпим нужду. Ну, брат, что за лады у меня с Татищевым и как он меня любит! Ты говоришь: грей железо, а мне кажется, что согрел да и сковал уже. Я был нездоров на той неделе: изволил детиночка обкушаться. Услышав это к вечеру от княгини (а я у него обедал в тот день), которая просила его заставить меня взять лекарство, он ей это обещал, прибавив, что любит меня как брата. Можно ли боль-

шее сделать уверение? Для меня оно кажется превыше всех, и я сколько бы ни жил, не буду в случае оное употребить. На другой день подлинно ко мне пришел и просидел часа с два.

Александр. Неаполь, 27 августа 1805 года

Третьего дня было ежегодное великое торжество Pie di Grotto, то есть что двор в великой процессии идет к гроте Позилипской прикладываться к мадонне. Вся армия в параде, под оружием, все смотрели это у Эллиота, а я обедал у милой посольши наедине. Ее окошки низки, и мы все отменно хорошо видели. Была, бедная, печальна, в глазах ее можно было читать: вот тысяч семь войска, но настоящего-то героя, героя моего сердца, нет. Она мне сказала, что послу написала слово в слово все то, что ты об нем мне говорил, и что он, верно, очень будет доволен видеть, сколь ты признателен.

Все у нас покойно и благополучно, но каналья Везувий все еще шалит: теперь течет речка серная позади горы; говорят, что прекрасно видеть две сии полосы, то есть красную огненную лавы и желтую серы. А мне эти прелести начинают быть равнодушны; посмотрел бы на Грабен, на острую Свято-Стефанскую мечеть, вместо круглых из лавы табакерок. Хоть посмотреть бы на круглые пуговицы старушки, к которой я с Гришей так часто бегал!

В Пиедигротский праздник был перед Вилла Реале целый флот, который также много придавал торжества. Матросы были по рейдам, множество флагов украшали мачты, были тут два английских корабля, наш большой фрегат, корвет и много неапольских. Но жаль, что запрещено было стрелять так, как обыкновенно, ибо боялись, что все сии пушечные выстрелы могли бы повалить дома, поврежденные от землетрясения.

Александр. Неаполь, 5 сентября 1805 года

Встаю ранехонько, любезный брат, чтоб успеть что-нибудь тебе написать с капитаном Петром Егоровичем Александром, которого Дмитрий Павлович отправляет к вам курьером с великой поспешностью. Хотя он у вас останется не больше дня (ибо Татищев просит посла немедленно сюда возвратить Александра, а депеши наши послать в Петербург с кем-либо из вас), но все-таки рекомендую Александра: человек примерный и достойный. С горстью русских защищал он здесь Портичи против нескольких тысяч лазаронов, якобинцев и французов и разбил генерала Шкипану; за это дан ему Аннинский крест и от здешнего двора орден Св. Константина.

Вчера была у меня баталия с Карповым, который, как ни честный человек, но из такого сделан теста, что ни один человек в свете с ним сжиться не может, и надобно было мое терпение и кротость, чтоб так долго ладить с таким начальником. Вчера печатал я экспедицию в Корфу; вдруг пришел, спрашивает: «Что вы печатаете?» – «Письма в Корфу». – «Да как это? Я не видал, что написано и как запечатано, да зачем же я секретарь посольства?» – и проч. Я отвечал ему, что не было бы ничего легче быть секретарем посольства, ежели бы должность состояла в печати пакетов. Взяв письмо, я оторвал конверт и отдал ему: вот, извольте смотреть, читать, свидетельствовать и печатать. Так и ушел. Он, все следя за мною, спрашивает: «Да кто же запечатает?» Я отвечал: «Да вы сами сказали, что это дело секретаря посольства; я вас уверяю, что письма не пойдут. Ну, вам придется дать отчет», – и так я ушел. Не поверишь, что нет человека здесь, с кем бы он не перебрался; такая железная голова, да притом такого спорщика свет не производил. Скажи: «белое», он – «черное», всегда противное; неудивительно, что не умел себе во всю жизнь нажить друзей, а тьму неприятелей. Для меня – бог с ним. Я, верно, более всех здесь ему желаю добра, но попрошу Дмитрия Павловича избавить меня от его команды. Мне кажется, что ему не очень приятно мое первенство у министра, который все дела дает мне и Полетике; ибо у Карпова слог претугой, неплавный и старинный, а его должность совершенно почти только печатать и отправлять пакеты.

Без всякого порядка стану тебе теперь рассказывать пиршество наше на корвете нашем «Афине», прибывшем недавно сюда из Корфы. Капитан его И.А.Баскаков позвал нас 12-го к себе на корабль завтракать; этот завтрак вышел большой обед, на котором все перепились. Был тут Д.П.Гагарин, я, Кауниц, Карпов (который подрался с Никулушкой, но все ладно кончилось, и не имело бы места, ежели бы не забрало обоих) и многие другие наши приятели и офицеры флотские. Пили за здоровье всего на свете, и всякий раз пушечный залп препровождал тост. После обеда Кауниц, желая показаться, попросил еще вина, взял большой стакан шампанского, вытянул и кинул стакан в море; все этому захлопали. Капитан с нашего фрегата «Крепкого» вдруг встал. «Да что, – говорит он, – это немецкая штука; вот как русские делают!» Сказав это, вытянул ту же порцию, да вместо стакана сам, как был, из окошка кинулся в море. Это Кауница удивило. «Черт, – сказал он, – должно быть, он хороший ныряльщик и умеет плавать». Лейтенант Егоров вскипел: «Что вы говорите – плавать? Да я сроду не умел плавать, да вот!» Сказав это, выпил свою долю, также бухнулся в море, и, будучи толст, насилу пролез в окно каюты; ежели бы его тотчас не вытащили, верно бы утонул. Тут Кауниц пришел в восхищение. Да и подлинно, что за народ русский! Когда из пустяка и бездельной амбиции рискует жизнью своею, что он должен быть, когда дело идет о пользе государства и о чести нации? Право, нет другого народа, и Кауниц от экстаза плакал; не поверишь, как смешон! Настоящий шустер, когда пьян.

«Ну, кто молодец, – закричал Дмитрий Павлович, – лезь на мачту!» Гагарин и я тотчас кинулись и полезли на самый верх; но голова страх как кружилась от высоты и вина, да и коленки дрожали. Однако ж я всех менее подпил; только целый день были на корвете и очень весело провели. Вечеру начали мы между собою танцевать, тут сделалось несчастье: лейтенант Мордвинов, вальсируя с Дмитрием Павловичем, упал и переломил себе ребро. Один лекарь уверяет, что нет ничего переломленного, но между тем больной не может без боли поворачивать глаз. Гагарин очень жалел, что не было тут Анстета, который верно лучший товарищ в свете. В именины Дмитрия Павловича будут на фрегате обед, бал и ужин; но я сделаюсь больным накануне: слуга покорный, может и со мною сделаться беда, а прибыль не стоит несчастья.

Александр. Неаполь, 1 октября 1805 года

Сию минуту отправился в Вену императрицын камердинер, с коим Дмитрий Павлович много писал и послал графу, и я также к тебе писал пространно, но со всем тем, любезный брат, не хочу не сказать тебе на всякий случай два слова и через почту. Писем от тебя по этой почте не имел. Все у нас здорово и идет хорошо. Дмитрий Павлович теперь от меня вышел и велел тебе кланяться, да просит тебя Христом Богом прислать скорее *Perduto l'Arbitro*.

Козловский со своим болтанием наделал себе беды, и я знаю, что на него пишут графу жалобы, но боюсь, что сделали слона из мухи; впрочем, будет наука для него, а нам это хорошие примеры без убытку.

Сегодня Дмитрий Павлович сказал мне под большим секретом, что он, вероятно, будет иметь Лондонскую миссию, почти ему обещанную, когда Воронцов оставит службу; а ты знаешь, что он²⁹ только еще год там согласился остаться. Итак, мне, может быть, придется в Лондон ехать, ежели не будет помехи от батюшки, ибо там дорого жить, и не знаю, возможно ли будет жить, ежели папуша или казна не прибавят жалованья.

Полетика как-то отстал от Дмитрия Павловича, который также к нему, мне кажется, охолодел; в противном случае не мог бы решиться отдать его Лассию, у коего правит он всеми делами и перепискою. Полетика очень со мною откровенен, и я с ним, насколько это нужно.

²⁹ То есть граф Семен Романович Воронцов, близкий родственник Д.П.Татищева, бывший послом в Лондоне с 1785 года и вышедший в отставку в 1806 году.

Говорит мне, что раскаивается, что оставил Петербург, куда ехать хочет первый раз, что представится случай к тому. Ежели так, то удастся мне тяпнуть секретарское место.

Демидов все еще в Риме, уверяя, что скоро можно будет русским ехать в Париж; я бы желал, чтобы попало их туда тысяч сто да со штыками вместо кошельков с деньгами, выработанными потом наших добрых мужиков, кои проматываются без пользы.

Наше маленькое общество всякий день обедает у Дмитрия Павловича, у которого славный стол. Венского повара он сослал: редкого в нем ничего не было, а крал безмилосердно.

Из Корфы прибыл наш шкипер «Экспедицион», и на нем курьер к нам из Петербурга асессор Вейдемейер, которого Дмитрий Павлович удержит в канцелярии своей до приезда Пиния; будет кому переписывать, по крайней мере.

Вообрази, что мы ни слова не знаем о генералах, командующих нашими войсками. Сделай милость, напиши их имена, по крайней мере главных. Дмитрий Павлович с большим любопытством принял то, что ты пишешь о Родофиникине и прочих, и просит тебя купно со мною и со всеми не лениться и писать все, что можешь только узнать об наших публично. Ты чрезмерно меня одолжишь, и я надеюсь, что не откажешь мне это удовольствие по всякой почте. Пиши о всех проезжающих чрез Вену, об успехах соединенных армий, словом, *Pilnuu, panie, o nas, bendziemu wdzieczny iego mosci za wszystko*³⁰.

Сегодня пришел я к Дмитрию Павловичу, нашел его окутанного в вольтеровских креслах, больного горлом и с жаром. Целый день у него был, к вечеру побежал на минуту в театр к княгине, посидел с нею и воротился к больному. Говорили, рассуждали; спорщик Веттера нас замучил, и мы сели – Дмитрий Павлович, Карпов, Веттера и я – играть в бостон.

Боюсь я очень, что, как заварится в Италии каша, французы будут останавливать все посты, и тогда не знаю, как нам переписываться, что немало меня тревожит. Впрочем, это недолго продолжится, надеюсь, ибо Дмитрий Павлович берет уже свои меры, дабы завести порядочную и безопасную коммуникацию с Веною посредством пакетботов, которые будут уже скоро готовы для перевозки пакетов наших из Барлеты в Зару, а оттуда через Триест к вам, или из Манфредонии прямо в Триест. Тогда нечего нам будет бояться; но покуда заведется все это, пройдет довольно времени.

Александр. Неаполь, 12 ноября 1805 года

Здесьнему почтовому поверенному в Риме г-ну Рашету предписано брать все меры для доставлений сюда венской, а вам неапольской почт, что не будет теперь трудно через Анкону, которая французами оставлена. Сии господа совсем вышли теперь из неапольских областей и страшно спешат соединиться с Массеною, который, видно, эрцгерцогом Карлом побит. Мы здесь совершенно как в Сибири: только те вести имеем, которые угодно французам нам давать. По их сказкам, вся австрийская армия уже истреблена, и нам грозят тем же. Пожалуй, давай нам вести и пользуйся всеми случаями, чтобы писать сюда, почты не пропускай: я не вижу, зачем им до нас не доходить, как скоро будут отправляемы морем в Анкону или Манфредонию. Не забудь прислать арию *Perduto l'Arbitro* и проч. для Дмитрия Павловича. Я с ним всякий день короче; он бесценный человек!

Александр. Неаполь, 14 ноября 1805 года

Насилу-то решился ты дать нам некоторые новости. Скромность твоя, конечно, похвальна; но нет, мне кажется, никакого зла сообщать вести, которые происходят на белом свете, которые печатаются и публикуются: я говорю о военных действиях, которые незачем в секрете держать. Посему надеюсь, что ты и вперед будешь давать нам новости и присылать интересные булетины. Последний, тобою присланный, хотя и старого числа, был нам полезен:

³⁰ Постарайся, пан, о нас; будем за все благодарны твоей милости.

мы сравнили числа с миланскими и прочими итальянскими газетами, французам преданными, и нашли большие разницы и противоречия. Так-то обманывают нас здесь, грешных.

То-то будет радостей в Вене, когда приедет наш государь. Немцы добры, а обхождение ласковое нашего ангела пристрастит к нему весь народ; ты увидишь, что немцы будут вне себя, и радость их будет доходить до сумасшествия. Когда будет наша Долгорукова у вас, кланяйся ей много от меня, ее сын милый и скромный малый³¹, а она меня изволила жаловать и любить.

Нельсон разбил почти в прах французско-испанский флот, который имел глупость выйти из Кадикса. Из 33 кораблей только 11 спаслись, все прочие взяты или взорваны на воздух англичанами. Вильнев убит, а Гравина ранили в руку; число умерших с трех сторон считают до 24 тысяч; страшно, но зато прощай, флот французский! Нельсона потеря очень незначуща в сравнении. Это привез испанский курьер; но надобно видеть, что даст нам знать сам Нельсон, который, может быть, и 11 судам не дал спастись. Теперь бы нам должно так же хорошо поколотить этих собачьих сынов.

Александр. Неаполь, 19 ноября 1805 года

Флот и войско наше у нас в виду в Неапольском заливе. Картина бесподобная – видеть кораблей 100. Сегодня именины посольши, все обедали у Кауница, королева надарила имениннице пропасть брильянтов, серьги, медальон с портретом, султан и проч., и все богатое и прекрасное. Я ей дал перстенок с мозаикой. Прощай, весь город в радости, кроме шельмей, преданных французам.

Александр. Неаполь, 22 ноября 1805 года

Кардинал Феш рассеял слух в Риме, что взяли у нас 25 тысяч пленных, 15 тысяч убили и 20 генералов также взяли еще, что 3 дня после заключено перемирие между нами и французами. Мы не можем решиться верить подобным несчастьям.

Наши все ушли в поход к границам. Дамасова генерал-квартира в Киети, Лассия – в Теано, а Кретова – в Лесей. У нас все, слава Богу, идет хорошо; все спокойно, только тревожат нас слухи, идущие от вас. Ради Бога, побейте дьявола Бонапарта, а то он съест всех. Кремская победа нас оживотворила. Дай Боже, чтобы скоро было опять такое же известие.

Александр. Неаполь, 9 декабря 1805 года

С утра до вечера сидел я за перепискою ратификации нашего трактата. Скучная работа, требует всякой осторожности, на пергаменте: что соврешь, так уж не скобли, а переписывай снова. Дмитрий Павлович сказал, что мне дан будет особенный подарок от здешнего двора. Тот взбесится Карпов, коему даже и червонных мало достанется. Нас обидели, ибо князь³² пишет прислать в его канцелярию половину суммы, нашей канцелярии определенной. Терпение!

У Карпова была с Беттерою сцена, которую тебе перескажу, не имея ничего иного писать. Говорили за столом о всякой всячине. Был Кауниц с женою, Николай и много других. Заговорили о Лукесини [прусском посланнике в Париже], и беседа стала общею. Поццо сказал, что, представляя Бонапарту свои верительные грамоты, тот обратился к нему по-итальянски, чтобы доставить тому приятность. Я заметил, что с его стороны это было довольно неловко. «Почему?» – спросил Карпов. «Потому что он напоминал Бонапарту, – сказал я, – кто он такой, а французам – что над ними иностранец господином». Многие меня поддержали. Карпов разгорячился и говорит: «Не вижу в этом ничего неловкого, всякий видит все на свой манер. Кто знает, с каким намерением Лукесини заговорил с Бонапартом по-итальянски?» Тогда загово-

³¹ Это князь Николай Васильевич, впоследствии обер-гофмаршал и обер-шенк.

³² То есть князь Чарторыжский, тогда, за отъездом в деревню графа А.Р.Воронцова, возглавлявший Министерство иностранных дел.

рил Беттера и сказал: «Но, г-н Карпов, надобно только проследить за поведением Лукесини в Париже; низости, коими он покрыл себя, есть доказательство, что он вовсе не желал бросать вызов Бонапарту». Все прибавили: «Ну конечно». Карпов, одержимый своим духом противоречия, с трудом мог сдержаться; но поскольку министр ловко переменил разговор, к сему более не возвращались.

После обеда Карпов, не переварив того, что его вынудили замолчать, вновь завел речь о Лукесини, желая во что бы то ни стало доказать, что он прав. Поскольку, когда Беттера подошел говорить с ним, Карпов сказал ему с досадою: «Да ведь это не в вашей компетенции, предоставьте судить о сем тем, кто может это делать», – Беттера рассердился и отвечал: «Я думаю, что это вы не способны о сем судить, ибо вы не можете понять того, в чем все остальные согласны». Тут Карпов сделался вне себя. Он вообще не великий оратор, а когда злится, красноречие и дар речи у него отнимаются. Он потер руки и прошипел Беттера с испепеляющим взглядом: «Вы меня поняли?» – «Нет, сударь, – отвечал тот, – я не понимаю пантомим; говорите со мною, и я вам отвечу». Карпов замолчал, и тем все кончилось.

Приехал из Гаеты Лизакевич, с ним толстый Козловский, который все такой же болтун и запачканный. Все меня комплиментами потчует. Дмитрий Павлович, узнав, что он не пришел к нему обедать, не будучи зван, велел к нему послать печатный билет, звать его обедать завтра. С Лизакевичем жена, Санковская (которую... португальский поверенный в делах при короле Сардинском) и множество детей.

Я тебе не хочу говорить об Аустерлицкой баталии, которая поставила здесь все умы вверх. Но как верить всему, что французские булетины нам рассказывают? Покуда свет будет светом, подобного несчастья наше войско не увидит; мы ждем с великим нетерпением курьера от графа. Я тебя уверяю, что питаю внутреннюю достоверность, что все почти ложь; но здесь все, даже и наши, верят опубликованному французами.

Рассуди, что Карпов был сегодня у Дмитрия Павловича – жаловаться на Беттеру. «Надеюсь, – сказал он, – что ваше превосходительство не захочет поставить меня на уровень какого-то мелкого купца из Рагузы». Министр наотрез отказался входить в это дело, тем более что Карпов был совершенно неправ, говоря дерзость, и должен был ожидать, что ему ответят тем же. Он хотел добиться, чтобы Беттера намылили голову и проч. Как будто ребенок, который маменьке жалуется. Сам разве бы не мог разделаться с Беттерою? Получив отказ, Карпов вышел от Дмитрия Павловича взбешен; мы думали, что полетит прямо к сопернику, но ничего не бывало: он с ним сегодня провел вечер очень спокойно, как будто ни в чем не бывало. Есть ли толк в его поведении?

1806 год

Александр. Неаполь, 1 января 1806 года

Я теперь один бьюсь как собака, ибо Карпов перестал ходить к Дмитрию Павловичу и мало-помалу посылает мне бумаги, которые у него. Какой чудак, и что он этим выиграет? Боголюбов, который должен был ехать к нашим в армию, просил Карпова достать ему подорожную; он ему отвечал с сердцем: «Обращайтесь к статс-секретарю (говоря обо мне); я ни во что не мешаюсь».

Новый год начинается довольно грустно. Со всех сторон печальные вести; рассказывают, что идут сюда французы. Но ежели их не более как 30 тысяч, то напрасно трудятся. Между тем все это меня несколько беспокоит. Двор перепугался и послал трактовать с Сен-Сиром в Риме. Увидим, удастся ли негоциация, препорученная кардиналу Руфо; а не то придется бежать в Сицилию.

Прерываю сии печальные мысли, чтоб сказать тебе, что я перешел жить в дом к Дмитрию Павловичу. Карпов хотел нанять сии покои, но после ссоры бросил, и я их тотчас взял на год за 250 дукатов с мебелью, которые мне принадлежать будут и стоят, конечно, 150 дукатов. И я, и Дмитрий Павлович оба очень рады. Имею пять прекрасных комнат с видом на море, город и проч., одна даже стоит пуста и к твоим услугам, ежели приедешь, чего, однако ж, теперь не желаю, искренно говоря.

Сбирался к тебе много писать, но не тут-то: княгиня прислала за мною. Чувствую, что найду ее печальною, по слухам, которые носят; жаль мне будет ее оставить; но как быть? Могу жить с нею в разлуке, когда не вижу и любезных родных.

Александр. Неаполь, 4 января 1806 года

Сей радостный для меня день, против всякого чаяния, получил я чрез почту письмо твое из Ольмица от 27 ноября; хотя и старо, но очень меня обрадовало после долгой о тебе неизвестности. Сколько бы оно было приятно нам всем, дойдя в свое время, ибо заключает утешительные вести; но как быть? – получаю оное более месяца позже.

Терпение, стану отвечать. В пустую мою комнату пустил я жить Беренса, а то он, бедный, в трактире проживался. Он мне кажется добрый малый и неглуп. По вечерам сижу часто с ним, и разговариваем о России, Вене и пр. Картина твоя о Вене жалка, и тем более, что я к Вене очень привержен. Поверю, какая должна была быть суматоха в городе. Слава Богу, что ты храбро перенес твои курьерские поездки и, хотя не спал и бился, не занемог. Мы курьеров от вас ждем, как ангелов; но я боюсь все, что забудете об нас, и мы не знаем, радоваться ли или печалиться. Ай да Багратион! Вообрази, что мы об этом ничего по сие время не знаем. Пиши чаще подобные весточки. Наш же Лассий (между нами) хочет убраться отсюда как-нибудь. Держал совет. Англичане ему вскружили голову отсюда ехать. Бог знает, что тогда с нами будет. Одна надежда и была на наших.

Король наш показывает много духу, хочет сам взять команду армии своей, ежели бы мы ушли, и Дамас ручается, что солдаты его будут хорошо драться, и хочет собою жертвовать. Армия сильно и поспешно умножается. Но к чему все это поможет? Ваши мерзкие немцы все подгадили: теперь Бонапарт все свои силы может обратить сюда, и все может быть потеряно. Бедная посольща похожа на мертвую, жалка. Бойтся лишиться навек Дамаса, оплакивает несчастье своего отечества, хлопоты, потери графа, печаль королевы и проч. Все это немало. Да сохранит нас Бог, и все, надеюсь, как-нибудь да уладится. Между тем Лассий покрывает наши войска стыдом. Правду говорили батюшке [то есть Якову Ивановичу Булгакову, который, вероятно, знал Лассия по его службе в Вильно или Варшаве], что он пустой человек.

Хочешь посмеяться? Послушай, как он принял прочих генералов по приезде их из Корфы. Первые речи, которые им сказал, не сказав даже «здравствуй»: «Ну, господа, смотрите, берегитесь девок; вот Полетика не может избавиться...» Похоже ли это на дело, и можно ли компрометировать так бедного Полетику? Другой кудесник – Карпов – образумился и наконец явился к министру, который так добр, что принял его как будто ни в чем не бывало, но Беттеру против прежнего ласкает при нем.

Александр. Неаполь, 14 января 1806 года

Король подарил мне перстень брильянтовый, преславный, в 1000 дукатов, а у нас стоит более 2000; кроме того, досталось мне 350 дукатов. Всем этим обязан я не кому иному, как любезному Дмитрию Павловичу: это, верно, по его просьбе. К нам приехал флигель-адъютант Шепелев, из Аустерлица; теперь узнали мы, как происходила баталия. Но что прибыли? Наши ретируются, и Лассию прислано повеление оставить Неапольское королевство. Я боюсь и думать о следствиях, которые навлечет отзыв войск наших. Теперь-то будет каша: французы придут, хотя бы и не имели то на уме, коль скоро узнают, что мы ушли отсюда.

Батюшке пишу чрез Ивана Алексеевича Алексеева, коего жене посылаю в подарок гребень. Ежели вы в хлопотах, то не думайте, что нам лучше. Теперь в городе страшная суматоха: французы недалеко от неапольских границ. Король велел, чтобы все были готовы сесть на корабль и ехать в Палермо. Королева, принц наследный и вся фамилия еще остаются и не уедут, кроме как при последней крайности. Надобно думать, что успеют его отговорить от сего несчастного намерения, ибо французы скажут, как в первый раз: мы короля не прогнали, он самопроизвольно уехал, вас бросил, мы пришли вам покровительствовать и проч. и проч. Лассий уже в Бае, и почти все наши войска посажены на суда. Бог знает, что с нами будет. В Палермо ли поедет или в Россию? Дай Бог последнее, ибо Сицилия или Сибирь – все равно: оттуда плохо придется переписываться нам. Все это очень меня печаливает. Кто мог предвидеть такую перемену и хлопоты?

На несчастье наше, Дмитрий Павлович занемог и лежит в постели. Он очень встревожен; кажется, будто для того приехал в Неаполь, чтобы потерять королевство. Между нами сказано, это все бы не случилось, ежели бы наши не бухнули сюда. Король привлек сим на себя ненависть Бонапарта, а в ту минуту, когда королевство в опасности, Лассий садится на суда и дай Бог ноги! Компрометировал здешних, и Дмитрий Павлович видит, что всему сему причиною ревность его к службе, доверенность, которую умел здесь приобрести, и успех его переклонить двор сей на нашу сторону, тогда как французы делали ему выгодные пропозиции. Он видит себя, невинным образом, орудием всего зла. Разумеется, что я все это говорю с тобою наедине. Бедная княгиня очень печальна, ибо была уже раз в каше сей и знает, что это, особливо с тремя ребятами на руках.

Мы поедет, я думаю, на фрегате «Михаил», коим командует Снаксарев; помнишь ты казенного человека, ну! Это он сам. Человек хороший, веселый, и славная команда; хорошо и то, что не буду принужден ничего здесь бросить.

Александр. Неаполь, 11 февраля 1806 года

Ну, брат, пришлось и нам горе мыкать. Ваши хлопоты миновались, теперь наши наступили. Вообрази целый город в волнении, унынии, все бегут, все едут, король уже в Сицилии, королева с принцессами амбаркируется [возвращается] сегодня и едет также в Палермо; с нею посольша, которая очень огорчена не иметь об графе никакого известия; наследный принц и принц Леопольд едут в Калабрию, и мы с ними, то есть Дмитрий Павлович и я. Карпов и прочие отправляются морем в Палермо. Не знаем, где еще учредит принц главную квартиру свою, в Катанцаро или в Матере.

Французы завтра входят в Неаполь. Я тебе не могу описать уныние городское; жалко смотреть особливо на народ, который в отчаянии. Однако ж буду покоен, ибо я не разлучен от Дмитрия Павловича, а ты знаешь, как он меня любит. В первый раз буду вести жизнь лагеря. С принцем 17 тысяч войска, и говорят, что вся Калабрия восстает против французов.

Александр. Мессина, 1 апреля 1806 года

Мы рыскаем по дремучим лесам и непроходимым дорогам. Множество было с нами приключений смешных и печальных; раз чуть не попались в плен, в другой подсланы были люди, чтобы нас ограбить, но мы обманули наших хозяев, которые затеяли эту шуточку: сказали им, что поедем одною дорогою, вместо того поехали другою. Я многое пишу батюшке, ты оно прочтешь и избавишь меня от лишнего писания. Впрочем, когда увидимся, прочтешь мой журнал, в коем все увидишь, а я оный с самого приезда моего в Неаполь все продолжаю вести.

Англичане, также с моря, теперь блокируют Неаполь. Бедный Дамас в отчаянии, что все пошло столь худо; но он не виноват: везде подвергался большим опасностям, рекруты бросили ружья, бежали, с ними даже один полковник; другие последовали сему примеру. Дамас остался с одной гвардией, которая дралась очень хорошо целые три часа и кончила штыками. Принца не было в деле, следовательно, и мы там не были. Basta. Две стычки в местах, которые похожи были по местоположению на швейцарские, где черт не мог предвидеть, что французы пройдут, решили кампанию и отдали обе Калабрии французам. Мессинский канал стал будто Па-де-Кале, разделяющий две враждующие страны. Крепость Гаета, в коей принц Филипстальский командует, покрывает себя ежедневно славой и отвечает ядрами на все предложения французов войти в переговоры. Сам Иосиф осаждал ее, но был отогнан с большою потерей. Эта крепость долго будет держаться, ибо, имея море, удобно снабжается провиантом. Весь Неаполь в негодовании, и Иосиф, боясь лазаронцев, да и прислан будучи против воли своей, писал к брату, прося переселиться в Рим под предлогом, что неапольский воздух вреден его здоровью. На банкиров наложен налог в полтора миллиона дукатов. Ах! Да ежели бы наша кампания в Калабрии удалась, я уверен, что народ, узнав это, перерезал бы всех французов в Неаполе. Коль скоро на улицах трое говорят, тащат их в тюрьму яко бунтовщиков, и там заведена преварварская полиция, как в Париже. Вот что мы знаем о Неаполе; французы, верно, не то по свету разглашают. Из Корфы получили мы курьера, что славянские народы добровольно пошли в наше подданство и вооружаются против французов.

Мы скоро поедем осмотреть главные города Сицилии, потом воротимся сюда, сядем на фрегат и марш в Палермо, где Карпов поверенным в делах покуда; там и Пиний, и проч. Здесь у меня только и забавы, что театр, где представляют ораторию прекрасную «Заира», музыка славная Федеричи. Примадонна мила, поет хорошо, мы все в нее влюблены. Дмитрий Павлович ужасно мил, ласков, любит меня как брата; особливо в эту дорогу мы очень сблизились и сделались такими друзьями, что ничего друг от друга не таим. Он не дает князю Адаму покою, чтобы меня произвели.

Александр. Мессина, 26 апреля 1806 года

Сюда не успели мы приехать, как король пригласил Дмитрия Павловича проводить его до Сиракуз, а с ним и меня. Дорога сия была очень приятна: везде был король принимаем с восторгом, и везде давали нам славные праздники, балы, фейерверки и проч. и проч. Особенно в Катании мы очень повеселились. Ну, брат, что за город, маленький Петербург, славные дома, славные, длинные, прямые, широкие, хорошо вымощенные улицы; что ваша Вена в сравнении? – дрянь! Женщины там красивы, сговорчивы, но манеры их странны, – наши ярославки.

Везде жили мы с королем и все время проводили с ним. Он весел, любезен, только встает с солнцем летним, с цыплятами, обедает в полдень, в Катании дал бал, в котором мы отличились. Дмитрий Павлович не пропустил ни единого контраданца. Я бы очень здесь распростра-

нился о наших приключениях, ежели бы был уверен, что письмо дойдет верно, но готовься читать десть моего маранья с любезною посольшею. Она поедет к вам, коль скоро будет фрегат, который Дмитрий Павлович для нее выписывает из Корфы. С нею, вероятно, поедет и Дамас.

Пробыв здесь несколько дней, отправимся мы в Палермо сухим путем. Ну, брат, я изъездил верхом тысячи две верст со дня, что оставил Неаполь, и растолстел, как бык; вообще я, ты знаешь, неслабого сложения, но здесь стал я еще здоровее, свежее, плотнее; жара всех ослабевает, а мне так лучше от нее.

Вообрази, кто ко мне входит в эту минуту? Твой образ – Веттера. Как же я его обнял! Ему стало скучно в Палермо, приехал, чтобы найти судно в Рагузу, и Дмитрий Павлович его не пускает и понуждает возвратиться в Палермо с нами. Славный товарищ по путешествию. Тебе велит много кланяться.

Александр. Палермо, 19 мая 1806 года

Мы часть дороги из Мессины сюда сделали с королем наиприятнейшим образом; все обходилось без церемонии, по-солдатски: но зад бедный мой отбило так от верховой езды, что принужден был сесть в летигу (род кареты, навьюченной на двух пребольших мулах).

Ну, брат, что за город Катания! И как мы там повеселились! Что за женщины! Все были мы влюблены, начиная от царя до последнего слуги. Дмитрий Павлович обещался своей туда воротиться, и мы совершим это путешествие в июле, ежели ничто не помешает, тем более что многих достопамятностей не успели осмотреть, а их немало. О Палермо нам так много все наговорили зла, что нам город полюбился. Прогулки здесь прекрасны и лучше неапольских, но все прочее как сравнить с любезным моим Неаполем, по которому тоскую беспрестанно. Я приехал сюда в подагре, но только дней 6 не выходил; теперь здоров, но хочу решиться брать терминские бани. Они целительны для ревматизмов, и ежели боль от них не пройдет, то, стало, в самом деле подагра, и тогда нечего делать, как терпеть боль два-три раза в год. Татищева дом здесь бесподобный, первый в городе; я живу у него.

Александр. Палермо, 2 июня 1806 года

Намедни королева пригласила Дмитрия Павловича и меня на рыбную ловлю (тунца). Долго бы описывать это странное и кровопролитное зрелище. Рыба престрашная, хвостом одним может человека убить. Потом был обед. Не могу тебе сказать, сколь королева, принцы и принцессы ласковы были со мною, а всё, чтобы угодить Татищеву, так как он меня любит. Играли в макао, и ее величество меня обыграла. В Неаполе большие мятежи, народ не может видеть французов и восстает, дворяне же ведут себя как шельмы. Дюк С.-Теодоро сделал себя церемониймейстером Иосифа, вот тебе реестр камергеров новых и проч. Гаета хватски защищается, теперь Массена принялся за эту крепость. Сидней Смит прехват: чуть Иосифа не увез из Фавориты, где был бал, овладел островом Капри и пугает очень французов.

Александр. Палермо, 29 июля 1806 года

У нас все идет славно, слушай. Стюарт высадил войска в Калабрии, разбил в прах Ренье, взял 3000 пленных с генералом Компером. Калабрийцы все взбунтовались против французов и гонят их. Ренье, говорят, умер в Катанцаро от ран. Сидней Смит завладел крепостью Ламанта, 400 человек гарнизона пленные, кроме того, адмирал взял 2 знамени, 8 пушек и множество съестных припасов. Каковы же господа милорды! В Неаполе большая суматоха, Иосифу худо приходится, и ежели Наполеон не пришлет армию, из коей надобно будет пожертвовать 10 тыс. для взятия Гаеты, придется французам оставить королевство, ибо везде бунты и неповиновение.

Что за хват князь Филипстальский! Ранили бедного сильно бомбою в голову; сказали было, что смертельно, но он велел сказать королю, чтоб его высочество было спокойно, что

Гаета не сдастся никогда, но не мог еще ни писать, ни ходить: заставляет себя таскать на носилках, как Карл XII, и сам везде дает распоряжения. Где вашим вшивым австрийцам с ним равняться?

Мы получили славные новости из Корфы, наши там делают чудеса, тебе это же должно быть известно; но вот, все-таки, печатный лист, коего составителем г-н советник Александр Булгаков. Здесь пять дней продолжалось празднество (ежегодное) в честь св. Розалии, покровительницы города; были иллюминации, скачки, фейерверки, гулянье и др.

Александр. Палермо, 25 сентября 1806 года

Ежели Строганова³³ в Лондон, то, стало быть, Татищеву туда не ехать; но мне тем лучше, ибо батюшка того, кажется, не желал. Лондонское место было для него назначено, и без отставки князя Адама теперь бы имел повеление туда ехать. В тот же день, что ты мне сообщал о перемене в министерстве, получили мы циркулярное письмо князя о назначении Будберга на его место и проч. Это большая потеря для нас. Адам был друг Дмитрия Павловича и ничего ему не отказывал; это бы сделало мою фортуна. Но так и быть. Я даром ничего не требую, а что заслужу, то всякий министр должен мне выдать. Будберг меня знал в Неаполе и очень даже был ласков ко мне; но он был тогда путешественник, а не министр.

Спасибо за Антрегову книжку; я ее тотчас не читал, послал Дмитрию Павловичу в деревню; он говорит, что хорошо писана; еще не возвратил ее мне.

Александр. Палермо, 19 октября 1806 года

Мой милый друг. Пишу тебе от маркиза де Сен-Клера. Это здешний князь Платон Александрович Зубов, понимаешь? Добрый малый, с коим я очень дружен. Я нашел здесь г-на Матуса, шведского офицера, который прямо этим вечером едет в Вену; так что письмо мое не будет длинным. Я много выпил за столом, так что письмо мое будет и не вполне трезвым.

Знай под секретом, что меня представил Дмитрий Павлович в секретари с 1800 жалованья; писал о том своеручно Будбергу и в таких выражениях, что способу нет отказать. Не пиши о том папаше: вдруг его обрадуем лучше.

Александр. Палермо, 9 ноября 1806 года

Ты знаешь, что Дмитрий Павлович просился в отпуск на год и что это время хотел провести в Вене, как для собственного своего удовольствия, но более еще, чтобы мне угодить. Государь велел его просить остаться здесь еще несколько времени, покуда не решится судьба здешнего двора, после чего даст ему место, приличное его дарованиям и услугам, оказанным уже отечеству. Я это желал бы тебе утаить, так же, как и батюшке, но подумал, что совестно продолжать твою мечту. Придется нам еще здесь пожить; но, дабы доставить себе возможность по прошествии зимы и худого мореплавания приехать к вам курьером, был я заступником Полетики и упросил Дмитрия Павловича позволить ему сюда приехать, о чем Полетика стороною велел меня просить. Дмитрий Павлович, по свойственной ему доброте, все прошедшее забыл и писал Полетике приехать, ежели хочет, без чего мне бы отсюда не вырваться никогда: ибо Дмитрию Павловичу одному всем ворочать никак нельзя, а мои товарищи здесь совершенно бесполезны.

Англичане делать чудеса перестали, бросили Калабрию, услышав о нашем мнимом мире, и воротились все в Мессину. Теперь калабрийцы одни дерутся с французами и их славно шелкают; в последнем деле взяли 300 пленных, коих большая часть привезена сюда же; все голы, босиком и худо кормлены. Королева, которая делает добро даже врагам своим, тронутая их положением, велела их одеть и обуть за ее собственный счет. Они были растроганы таким

³³ Графа Григория Александровича. Он не получил этого места: его занял князь Ливен.

великодушием и адресовали ей благодарственный сонет. Я тебе пришлю копию, ежели время мне позволит. Скажи это посольше: ее это обрадует, ибо она друг королевы. Берегите ее; с при-
скорбием слышу от тебя о худом ее положении, но надеюсь, что покой все восстановит; такое путешествие, как ее, хоть кого бы расстроило.

Дела французов в Неаполе, конечно, идут очень дурно, и их вся надежда на том основана, что Наполеон все поправит своими победами и дерзостью. Чем-то все это кончится? Мы опять поздно подоспеем и будем иметь похвальную надменность драться с меньшим количеством войск, подеремся хватски, но потеряем Европу. Оставим размышления, от которых грустно должно делаться россиянину. Во время Якова Ивановича турки иначе говорить смели с Рос-
сиею; теперь один Себастиани (кажется) борется со 100 тыс. русских, кои на границах турец-
ких и завладеть бы могли всей землею, прежде нежели Бонапарт узнает, что они идут.

Александр. Мессина, 13 декабря 1806 года

Сюда пришла эскадра русская под командою командира Игнатьева, пять кораблей, фре-
гат, два корвета и шлюп. Дмитрий Павлович, узнав об этом, тотчас сюда качнул по-курьерски, имея нужду обо многом поговорить с Игнатьевым. Меня взял с собою. Эскадра уходит сегодня же в Корфу, и я азардую [рискну передать] тебе это письмо через Моцениго: авось-либо дойдет.

Ну что за эскадра! Удивление! Какие корабли! Что за хваты, все капитаны, вся моло-
дежь! Корветом «Флорою» командует Андрея Семеновича Кологривова брат, Владимир, моло-
дец бойкий и прелюбезный. Они нас славно угощали; были пиры, стрельба, концерты и проч.
и проч. Между ними есть капитан Лукин, престрашный силач. Он себя прославил в Англии, где
с тридцатью матросами завоевал целый порт Чернее, двух англичан поднял на воздух, держа в
каждой руке по одному за бакенбарды, стукнул их головами и бросил в ров. Он ломает талер
надвое так, как наш брат пряник.

Вчера праздновали мы рождение государево. Из девяти судов жарили так, что Мессине
хуже пришлось, как во время землетрясения. Французы сделали новое нападение на Калаб-
рию, которая у нас в виду. Вчера ночью сожгли они три селения. Не поверишь, как больно и
жалко было смотреть на эти иллюминации! Господа англичане здесь руки сложа сидят. Их 20
000, и они равнодушно на это смотрят. Из Реджио бегут сюда на барках бедные обыватели.
Солдаты заперлись в крепость, народ взял оружие, чтобы идти навстречу французам. Чем-то
это кончится?

Послезавтра возвращаемся мы в Палермо, куда мне смертельно хочется: без Еванге-
листки [так называл Булгаков свою итальянскую возлюбленную] тоска, а она отпустила только
на десять дней. Мы сюда махнули в 37 часов 180 миль, каково это? Частью водою, частью вер-
хом. Отсюда берем с собою Монклара, который у нас погостит в Палермо месяца два, а здесь
ему нечего делать при гроссмейстере. Этот молодец мне еще подтвердил, что даст крест; но
черт знает, когда его признает папа, который трусит Бонапарта.

1807 год

Александр. Палермо, 4 января 1807 года

Я ездил с Дмитрием Павловичем в Мессину, где была эскадра наша, из Балтики пришедшая. Из Мессины писал я тебе, и теперь, пользуясь первым случаем, пишу тебе через Корфу, куда сегодня отправляем фрегат «Венус». Не буду распространяться в сем письме, ибо оно поздно до тебя дойдет; так-то говорится, а как примусь тебе писать, то не умею уже перестать. Прилагаю письмо к батюшке, из одного ты многое, до меня касающееся, узнаешь. Можно ли усерднее о брате своем просить, как Дмитрий Павлович обо мне? Я не сомневаюсь, что эта рекомендация произведет желаемое действие. Тогда мне будет лафа: 1500 брехатых рублей в год, да и дорога моя сделана. Попасть только на эту стезю.

Александр. Палермо, 31 марта 1807 года

Я тебе премного обязан за вести о наших успехах; продолжай, ради Христа, писать о новостях всех вообще. Ты, право, смешон: как делать секреты из того, что надобно трубить русским по всей вселенной? И опять, как можешь ты думать, что я в каком-либо случае тебя компрометирую? Дмитрий Павлович именно велит мне тебя бранить за воздержность твою. «Напишите (сказал он мне) вашему брату, что он – как Бюллер³⁴, который на другой день по кончине князя Потемкина на ухо говорил своим друзьям, что его светлость был очень болен».

Наше отечество в прежалком положении. Сидней Смит пишет от 2 марта, что он высадил войска, прогнал турок, посланных из Азии на помощь Дарданеллам, завладел батареями, заколотил пушки, сжег и ждет только Сенявина (ушедшего из Корфы с восемью кораблями, четырьмя фрегатами и проч.), которому оставляет завладеть Царьградом и драться с турецким флотом; а сам пойдет куда? Это загадка! Говорят, покорить Египет. Первые известия из Архипелага будут весьма интересны. Аман! Аман! Дадут им Амана: у Сенявина все капитаны прехваты, не уступят хоть самим англичанам.

Сколь ни люблю Куракина, желаю для тебя и для службы, чтоб граф у вас остался, и это вероятно: ежели по сю пору тот не бывал, то не будет совсем³⁵.

Полетика, верно, ушел в Дарданеллы с Сенявиным, так адресуй, пожалуй, письма твои через Пеллегрини к Моцениго, а еще лучше к Манзо, ибо из Триеста очень часто идут суда в Мессину; я к тебе таким же манером писать теперь буду. Пожалуй, сообщай, какие награждения кому даны, кто из знакомых в армии отличаются, и проч. Теперь Аустерлиц заглажен на вечные времена; долго Бонапарт на всякую музыку пел это слово. И у нас заведутся песенки на Пултуск, Морунген, Эйлау. Ай да казаки! Французы про них говорят, что они людоеды. Манифест о милиции писан бесподобно и должен распалить сердце всякого россиянина. Мы читали с восхищением все то, что ты пишешь об энтузиазме, у нас царствующем.

Кауница здесь очень мало уважают: король не любит, а королева трактует как шалуна, да и положение его таково. Надобно посмотреть, как с нашим обходится, да и как наш себя ведет. Я, право, другого Дмитрия Павловича не знаю на свете. Я, право, с тобою не могу быть фамильярнее, как с ним. Целый день мы вместе, друг от друга ни малейшей безделки не утаиваем. Что бы я ни захотел, все для меня сделает, во всем требует всегда мое согласие или мнение, а неограниченная его доверенность и дружба ко мне дают мне вес в городе и у двора. Все министры меня любят. Что делает Поццо славного? Он в военной службе. Зачем у вас? Ты

³⁴ Это барон Карл Яковлевич, родной дядя известного в Москве барона Федора Андреевича Бюллера, который, как видно, и походил на него.

³⁵ Князь Куракин, на пути в Вену, задержан был заключением мира в Тильзите.

просишь мой журнал. Авось-либо надумаю прислать его с Радди. Все боюсь, чтоб не пропал, и не потерялись мои труды; а он тебя позабавит. Кланяйся премного от меня Дамасу. Все его приятели вспоминают об нем очень часто и любят его.

Александр. Палермо, 5 апреля 1807 года

Англичане напакостили в Дарданеллах, пробились туда, но что пользы? Чем идти тотчас на столицу, Арбутнот кинул якорь у Принцевых островов и начал трактовать. Турки на протяжении трех дней развлекали публику и так выиграли драгоценное время. Они привели столицу в состояние обороны и собрали под стенами 15 линейных кораблей, кои призвали из Буюкдере. Англичане, боясь быть атакованы слишком значительными силами, произвели отступление и много пострадали от огня батарей при вторичном проходе через Дарданеллы. Сенявин соединился с ними три дня спустя в Тенедосе; он предложил Данкворту идти на Константинополь, но тот отказался, желая завладеть прежде всего замками Дарданелл, чтобы обезопасить свое отступление. Он развернул парус к Египту, оставив на 8 кораблей Сенявина всю тяжесть операций в Дарданеллах. Мы не знаем, какое решение примет наш вице-адмирал. В ожидании англичан уже взяли Александрию, с потерей двух офицеров и пяти солдат. Экое побоище!

Если бы Италинский был молодым человеком, любящим славу и презирающим опасности, он сел бы на нашу эскадру, прошел бы Дарданеллы ранее англичан и принудил бы турок к миру, не оставив им времени даже вздохнуть. Возможно ли, чтобы один-единственный человек перевешивал всю армию, которая захватила уже половину Турции, и эскадру из восьми кораблей? У Себастиани есть и способности, и ловкость, – этого нельзя отрицать.

Александр. Палермо, 9 апреля 1807 года

Вчерашний день был один из приятнейших в моей жизни, милый и любезный брат: от тебя первого узнаю я, что меня сделали секретарем посольства. Я тебе не могу описать радость мою; я плакал так, как то бывает при радостном свидании после долговременной разлуки; стыдно сказать другому, но тебе открываю мою слабость. Размышление умножило мое благополучие. Я представил себе удовольствие батюшкино, поздравления, ему делаемые о наших успехах в службе; воображаю себе утешенную его старость видеть труды свои непотерянными и обещания наши, при отъезде из России ему данные, исполненными; представил себе любезного Константина, уделяющего приятелям общую радость; прибавь к этому открывающуюся мне дорогу, особливо ежели Неаполь Россиею возвратится законным своим государям; все это так далеко завело мое воображение, что я нашел себя счастливейшим из смертных.

Вообрази себе, что я сплю; меня будят, подают мне газеты. Выругав моего мальчика (я его завел себе с тех пор, как у коротконого генерала голова заполнена одними ролями, комедиями, репетициями и проч.), я опять заснул. Сплю, меня еще будят: бешусь на мальчика, не понимаю его смелости. Но он был уверен в своей правоте. «Вам, – сказал он, – письмо от брата». – «Где?...» В одну минуту колпак очутился на полу, сон исчез, открываю твое письмо (то есть копию твою с батюшкинова письма № 45); первые слова: «Здравие и почтение г-ну секретарю посольства». Давай одеваться скорей, бегу без штанов, в капоте на низ к Дмитрию Павловичу, давай его целовать. Он еще в постели. Комедия! «Что с вами, – сказал он, – ну! Что, качнул, небось? Говорите же!» – «Какое качнул? Дело в том, что перед вами стоит ваш секретарь посольства с удрученной под 1500 рублями мошною». – «Шутишь?» – «Какая тут шутка? Вот и указ батюшка прислал». Не поверишь, как это обрадовало Дмитрия Павловича; начал меня целовать и поздравлять. Я ему говорю: «Вы это все сделали», – а он отвечает: «Какой черт я, ты сам заслужил», – и проч. За обедом пили шампанское за мое здоровье; все сердечно радовались. Карпов, особливо Пиний, кажется, недоволен, но должны в коже лопать и молчать, ибо попрекнуть ни тот, ни другой не могут: оба слишком знают, что они с приезда Дмитрия Павловича в Неаполь и не прикоснулись к работе, я все один делал. Все одно только

и говорят: «Стоил того Булгаков, нечего сказать». Королева велела мне сказать через маркиза Сен-Клера, что очень радуется определению, которое оставляет меня прочно при ее дворе, и поздравляет меня.

Александр. Палермо, 1 июня 1807 года

Отправляется какой-то офицер, именем Цукати, в Корфу. Дмитрий Павлович посредством Моцениги пишет к Сенявину. Ты можешь себе представить, милый и любезный брат, с каким восхищением я пользуюсь сим случаем, чтобы к тебе писать, полагая, что письмо это найдет тебя здорового и благополучно прибывшего в Тенедос. Куда тебя обстоятельства не заносили? Неаполь, Корфу, Тенедос! Авось-либо попадешься и в Сицилию: сердце мне предсказывает эту радость; эта радостная мысль не выходит у меня из головы. Дмитрий Павлович меня в том обнадеживает очень. Поццо между прочим к нему пишет: «Булгаков со мною; для меня подлинное счастье его иметь; я пишу вам мало, ибо остальное он скажет брату своему, коему пишет», – и проч.

Лорд, тебе кланявшийся, называется (не вспомню): он пустился было воевать в Египте волонтером; их там отмуштровали славно, отпала волонтера, и он опять сюда явился. Ништо им! Зачем не дожидаться Сенявина, пройти вместе Дарданеллы и задавить турок? А то от жадности наделали много шуму в Европе своим проходом, не умели дело кончить и оставили все на наших плечах, забыли общую выгоду, погнались за своею в Египет и ништо взяли: из пяти тысяч человек едва, сказывают, двести осталось в живых изменою мамалуков. Из Сицилии послано туда два полка на подкрепление.

Спасибо за подробности о наших офицерах в Корфу; между ними есть прехорошие ребята и мне хорошие приятели. Это хорошо, что из Петербурга тебе велено ехать с Поццо, стало быть, тебя занумерили (как говаривал маленький Рихтер в Москве); вам, верно, дано препоручение, и ежели удастся, то будет и тебе награждение какое-либо. Ваша посылка, я думаю, утрет нос Италинскому, который поступил как баба. Зачем занесло его в Мальту? Приличнее было ехать в Корфу, поторопить Сенявина, предупредить англичан, самому ехать к Дарданеллам, не терять времени, как Арбутнот, и отомстить Себастиани, который угрозами и обещаниями умел взять верх над министром государства, как Россия, имеющая половину Турции в руках. Ну уж, брат, показал бы туркам русский дух Татищев, ежели бы он тут случился.

Французы по сие время поют Аустерлицкую баталию, которая з...ха в сравнении с Эйлаутским делом. И не надобно унывать славить наших героев: мы печатаем здесь подробности сей победы. Ты увидишь это из прилагаемого у сего экземпляра. Взятие Тенедоса мы также напечатали со всевозможным для англичан снисхождением.

Италинский к нам пишет, что его совсем забыли и что он ждет приказаний о своем дальнейшем назначении. Скажи мне что-нибудь о Полетике, с тобой ли он на Тенедосе?.. Булетины французские наполнены вздорами; называют нашего государя молодым одержимым, который не хочет дать передохнуть Европе. Особа, приехавшая из Мальты в Мессину, уверяет, что Италинский собирается ехать в Лондон. Этот старик с ума сходит от англичан.

Александр. Палермо, 13 июня 1807 года

Нам сегодня дали знать, что английский корабль идет в Тенедос, я пользуюсь сим случаем с восхищением, чтобы к тебе написать. Мы 1-го сделали большую экспедицию к Дмитрию Николаевичу, препроводили ему через Корфу пакеты от Чичагова. Вам, может быть, уже известно, что в Лондоне произошла большая перемена в министерстве: вся Фоксова шайка, к общему благополучию, слетела, все почти министры в чужих краях переменены. Дуглас отозван, на его место опять Левизон Говер; на место Адера к вам в Вену граф Пемброк; сии два посла прежде отправятся в армию к императору нашему, а оттуда по своим местам. К прусскому королю назначен лорд Пажет, а Артур Пажет ожидается всякий день сюда; пробыв здесь

мало времени, последует он в Тенедос, дабы трактовать с Портою. К Сенявину идут четыре английских корабля с четырьмя тысячами войска, сии назначены для покорения острова Скио; таким образом запрется сношение со Смирною. Теперь все пойдет хорошо, а то, право, плохо приходилось, по милости англичан. Система низверженных министров клонила к постыдному миру, и они всячески работали, чтобы внушить нам отвращение к войне.

Алопеусу обещано, что будет высажено в скором времени 14 тысяч английского войска в Германии, а к государю императору послан план на апробацию; обещано также, что будет дано повеление Фоксу содействовать в усилиях здешнего двора для покорения Неапольского королевства. Мы имеем здесь на рейде пять кораблей, из коих «Formidable», «Royal Sovereign» и «Windsor Castle» трехдечные; ожидаются другие три корабля.

В Польше и Пруссии ничего не происходит. Самые недавние и официальные письма из Вены датированы 30 мая. Руффо говорит, что на Австрию сильно давят; сейм ее должен окончиться в июне месяце. Император вернется в Вену весьма довольный венграми, Стадион едет вперед него. Р. не сомневается, что А. в конце концов себя проявит, ибо ее посредничество, холодно принятое нами и Пруссией, ничего не производит. Кажется, у нас прониклись истинною, что всякий договор с Бонапартом есть надувательство. Мы крайне расположены к великим усилиям, мы ждем от Австрии *да* или *нет*, и в последнем случае решено брать меры, дабы достигнуть предложенной цели без ее содействия. Великий план военной и политической операции был намечен нашим императором и королем Пруссии; они договорились 26 апреля не складывать оружия, пока цель не будет достигнута. Идет работа над тем, чтобы склонить к сему Франца. В этой конвенции ничто не было забыто, вплоть до принца Оранского. В ней гарантируется целостность Оттоманской империи. Что ты об этом скажешь? Все это большая тайна, и знай про себя. Вообрази, всем мы отдаем свое, да с прибавкою: Пруссии и Австрии, первой в Германии, второй в Италии, а себе мы не берем *ничего*.

Бонапарт окопался и укрепился великолепным образом; но у него чрезвычайная нехватка припасов. Мы думаем с полным основанием, что Бенигсен хочет его уморить голодом. Как бы ни было, его бездействие с тех пор, как все подкрепления к нему прибыли, должно объясняться причинами величайшей важности; он не потерял времени: с 70 тысячами он сразился бы, несомненно, и с 340 тысячами, если бы понадобилось. Бонапарт написал письмо, чтобы остановить кровопролитие и сблизиться. Бенигсен отвечал: «Я здесь для того, чтобы биться, а не вести переговоры, у меня нет полномочий». Данциг до 20 мая, по французским донесениям, отказывался сдаваться; мы на третьей линии, и французы угрожают начать приступ. Нейс, Грауденц, Кольбер по-прежнему сопротивляются. 20 тысяч русских сели на корабли в Пиллау; они идут в Шведскую Померанию, чтобы взять французов с тылу.

Передай милому Поццоди-Борго тысячу учтивостей от меня. Я повсюду разослал, чтобы найти его дядюшку и дать ему знать, что у него есть оказия в Тенедос, но не смогли его отыскать. Покамест скажи ему, что он чувствует себя весьма хорошо. Дмитрий Павлович заинтересовался его сыном, который будет помещен в главную квартиру. Не упускай никакой оказии писать мне и пиши побольше.

Кстати: вообрази, что один здешний офицер проткнул младшего камердинера министра, Василия, тремя ударами сабли, и знаешь почему? Василий на набережной вел за руку одну женщину, офицер своей тростью задрал ей юбку; Василий сказал: «Сударь, эта женщина не шлюха». Этому офицеру хватило, чтобы развернуть свою *доблесть* против безоружного. Экий народ! Бедный раненый мучается, но выживет. Офицер арестован и будет примерно наказан.

Кланяйся нашим хватам капитанам. Глаза Европы обращены на них, и я уверен, что, ежели турки осмелятся выйти, их поколотят свойски. Французы разглашают, что капитан-паша собирается выйти с нами драться и взять обратно Тенедос; одним словом, газеты наполнены всяким вздором.

Александр. Палермо, 5 ноября 1807 года

Мы имеем известие, что наши прошли Гибралтар 16 октября, направляя путь к океану. У нас была страшная письменная война с англичанами и с здешним двором. Баратынский пришел в Мессину с двумя кораблями. Английский генерал Мор отказал им вход в порт и другим трем судам, пришедшим на другой день под нашим флагом. Мы с сим посылаем курьера в Петербург, то есть до Триеста, препоручая Пелигрини доставить пакет Куракину. Его же сиятельство пошлет все к Будбергу с первой курьерскою оказией по просьбе нашей. Как бы охотно я пустился, да и Дмитрий Павлович охотно бы сам отпустил!

Какая славная школа была для меня все это время, что работал с Дмитрием Павловичем; ежели бы не потерял я два года с Италинским, а особливо два другие с Карповым, а тотчас бы попал в настоящие руки, теперь бы не поддался ни одному из моих коллег-секретарей. Но на что хвастать? Только и оправдания, что пишу тебе, а это у меня как разговор с самим собою. Что это за человек – Дмитрий Павлович! Я благословляю ту минуту, в которую назначили меня в Неаполь, поскольку события и судьба должны были и его привести туда.

Александр. Палермо, 11 декабря 1807 года

У нас здесь теперь фрегат «Венус»: сел бы на него и пустился бы в Триест! Этот фрегат отправлен к нам Сенявиным, который со всей своей эскадрою намерен зимовать в Лиссабоне и послал отыскивать остальные суда, предписывая им идти также в Лиссабон на зиму. Пришествие этого судна весьма встревожило здесь всех: думали, что он пришел нас отсюда увезти, но теперь успокоились.

Мы составляем теперь общество наподобие московского Благородного собрания, но в малом виде, и имеем большие проекты веселиться в этот карнавал: всякий день будет съезд, и раз в неделю танцевать; мы устроили маскарад, кадрили, светский театр и проч., будет весело; но для меня главное веселье будет приезд Радди и счастливейший день тот, в который пушусь в Москву через любезную Вену.

1808 год

Александр. С.-Петербург, 25 апреля 1808 года

По пятнадцатидневном путешествии достигнул я Петербурга, милый и любезный брат. Это пятое письмо с тех пор, что мы расстались: я тебе писал из Тешена, из Кракова, Коцка и Вильны.

Австрийский курьер, коего я встретил в Кракове, посоветовал мне ехать на Вильну. С великим трудом перебрался я через Вислу, Неман и Двину; но хорошо еще, что удалось, а то легко бы мог и эту поездку столь же несчастливо совершить, как первую до Вены. Нас раз пять вывалили, но все так счастливо, что один только раз мы несколько ушиблись, а то все более было смеху, нежели беды.

Меня тут никто не обвинял, что долго ехал; правду ты говорил: по ним, приезжай или нет, рано или поздно, скоро или тихо – все им равно. Граф [то есть министр иностранных дел граф Н.П.Румянцев] меня принял как будто старинного приятеля, поцеловал и велел мне паки к себе быть, когда поотдохну, что я и учинил. Он сушая фаля: никому добра не желает. За то все идет нельзя хуже, и никто его не терпит, даже государь над ним смеется. По всему кажется, ему недолго пировать. Боголюбов доставляет мне случай к тебе писать с фельдъегерем, в Вену отправляемым; он его выпросил в корпус сей, он ему предан и письмо тебе верно сам отдаст, следовательно, могу тебе писать с большой вольностью обо всем.

Будь не скот Румянцев министром, крест бы был уже на тебе. Вот твоя история. Он депешу Князеву [то есть депешу, посланную из Вены князем А.Б.Куракиным] о тебе утаил; Жерве ему заметил, что это могут узнать и будет худо, ибо князь часто в письмах своих прямо к государю ссылается на депеши, посылаемые к министру. Он поднес, следовательно, ту; государь сказал: «Надо дать ему крест»;

а он заметил, что это будет разбрасываться наградами и что ты только исполнил твой долг. Однако ж, несмотря на все это, император не велел отказывать и прибавил: «Я поговорю об этом с Поццо». Я был у сего, говорил с ним, обо всем его уведомил; он собирается в Вену и на днях должен быть призван к государю; он меня обнадежил, что все устроит к нашему удовольствию, и я не имею в том сомнения. Ты видишь, что, несмотря на худые слова Румянцева, государь расположен снизойти на представление князево.

Мое дело идет очень медленно; но я, правду сказать, и мало стараюсь. Я более часу был с Румянцевым наедине. Он мне предлагает первое место, мне приличное, которое представится; но я так боюсь попасться к какому-либо новому коронованному вшивику, что иной милости не прошу, как только возвратиться к моему любезному Татищеву. Гудович просит секретаря для трактования мира³⁶; граф мне это место предложил, но я поблагодарил, хотя оно и может принести великую пользу. Жил я два года далеко от тех, коих люблю, без способов с ними сообщаться, – будет с меня этого: теперь меня не заманишь никакими конфетами. Предложено мне будет мюнхенское секретарство, вряд ли решусь туда ехать, разве для того, чтоб быть в твоём соседстве; все от того зависит, какого министра туда пошлют: будет ли это Бибилов или Татищев? Впрочем, буду требовать батюшкинова совета. Дмитрию Павловичу не думают давать места. Граф, кажется, хочет меня оттянуть от него, не знаю – для чего; я дал ему очень почувствовать, что желаю разделить его участь. Так что я уезжаю, без какого-либо решения о будущей моей участи, в отпуск на год. Граф мне учтиво отказал и обещал оный на 4 месяца. Вчера подал я прошение: просился я к Венской миссии. «Зачем же вам быть сверх комплекта? – сказал мне граф. – Вы имеете право на место, соответствующее потерянным вами», – и проч.

³⁶ С Персией. Этот мир тогда не состоялся. Граф И.В.Гудович командовал войсками в ту войну с Персией.

Все мои происки к тому клонятся, чтобы с тобою как-нибудь пожить вместе. Внуши князю написать, что было бы хорошо, ежели б оставили Татищева в Риме без официального статуса, но как путешественник он мог бы, не давая ничего заподозрить французам, быть полезным, особенно в минуту, когда у нас нет служащих в Италии, которая теперь театр важных событий. Впрочем, как бы они ни ворочали, а я уж в Вену попаду каким-нибудь да манером.

Оставляю это на час: я к этому вернусь позднее. Стану говорить о матушке. Я у нее живу, само собою, но уж не там, где ты был. Мое появление произвело в ней волнование, от которого она насилу оправилась, несмотря на все взятые мною предосторожности, чтобы отвратить от нее всякое насильственное движение. Я послал сперва к ней Антонио, который очень хорошо привел в действие данный мною урок; со всем тем, как обнял я ее, сделался ей обморок; радость моя обратилась в беспокойствие. Теперь она, слава Богу, здорова. Не поверишь, как я ее нашел ослабевшею и переменившеюся: она чувствует живо нужду ехать в Москву и отправится туда в будущем месяце. Слава Богу, убедилась она пользою и выгодами сего перемещения. Я буду покоен, когда она прибудет туда; а между тем ничего не упущаю, чтобы всячески ее утешать и укреплять ее здоровье. С тех пор, что я приехал, вижу уже большую перемену в ней. Я дал ей от тебя 10 червонцев и устроил ее дела: теперь нет на ней ни копейки долгу; 430 рублей заплатил я за нее; кроме того, оставляю ей еще сотенки три, ежели Коллегия заплатит мне передержанные мною 156 червонцев в курьерство мое из Палермо в Вену. Вестман мне это обещал на верное и велел только счет подать. Нам надобно добавить каждому по 400 рублей в год, тогда будет она иметь по 2000 рублей, с коим доходом славно ей можно жить в Москве; она мне говорит, что это все, чего она желает. Но кто нам мешать будет посылать Extra-Einkunften? Надобно утешать старость ее; лучше мы потерпим, лишимся даже нужного, чтобы доставить ей лишнее. Я знаю твое сердце, милый брат; лишнее тебе это предлагать или, лучше сказать, лишнее было бы требовать согласия твоего на предлагаемое мною устройство. Так что я сказал матушке, что мы с тобою договорились в Вене о таком устройстве. Как обрадовало ее это!

Беда иметь сердце нежное, как ее: все его слишком поражает. Ты знаешь, как она любит цветы. Я сделал ей сюрприз, накупив розанов прекрасных, гвоздик, левкоев, гиацинтов на 20 рублей, и заставил все окна ее комнаты; все утро проплакала, столь была ей чувствительна память сия. А что трогает сердце, то вредит здоровью: ей нужен покой, но с ее чувствительностью как найти ей оный? Это, право, меня сокрушает.

Дети очень выросли, особенно старшая, которая с Генриеттой; Лизочка хороша собою. Знаешь ли, какой у меня проект в голове? Право, я оным часто забавляюсь: выдать ее замуж за Фавста; дело-то, право, сбыточное. Может ли он найти лучшую жену, а она мужа? Об этом подумаем посерьезнее в надлежащее время. Скажи мне, что ты думаешь об этом? Приступаю к Александру Васильевичу: есть чем потешить публику. Жалко смотреть на него: совсем пропадает молодой человек. Мы все делаем, чтоб привезти его в Москву; принудили его выпросить отпуск; князь Сергей³⁷ оставил мне деньги на уплату его долгов, и я везу его с собою в Москву; там дадим ему место. Надобно его иметь в глазах, а то здесь наносит он бесславие нашему дому: пьет безмилосердно. Намедни сидит в театре; актер, не знаю, что-то сказал, а мой Приклонский вздумал ему с кресел закричать ответ по своему вкусу. Эртель тут был и велел молодца вывести из театра. Весь театр потешался этой сценою, которая позабавила более, чем пьеса; говорят, что реплика Приклонского была весьма остроумна; не знаю я, что он сказал.

Анна Петровна все еще здесь; Николаша ее колотит, а она кричит с восторгом: «Как он мил!» Правду говорит батюшка ей: «Покуда хороша Наталья Алексеевна, процесс вам не выиграть; приезжайте в Москву ждать ее упадка». Она наконец тоже решилась ехать в Москву через две недели. Следовательно, все наши вон отсюда.

³⁷ Князь Сергей Иванович Голицын, женатый на сестре А.В.Приклонского Елизавете Васильевне, племяннице Я.И.Булгакова.

Мой отпуск выйдет на днях, я его только жду, чтобы поскакать; умираю от нетерпения обнять батюшку; а он, наш любезный, во всяком письме своем к князю Сергею Ивановичу все говорит: «Куда девался мой Александр? Старайтесь что-нибудь об нем узнать от Сергея Павловича или в канцелярии Министерства», – и проч. То-то обрадуется, как получит письма наши из Вены; я их отдал Прокофию Лукичу, коего не мог не видеть в Вильне. Я не забыл дело венской Белой Бабки³⁸. Она нашла в Боголюбове золотого стряпчего; такой фарисей! Рассуди, что он был у Литты и привел ее в слезы и с нею плакал, сделав ей картину княгинино положения. «Вы ведь потеряли уже одну дочь³⁹, – сказал он матери, – неужели и этой хотите лишиться? Войдите в ее состояние: она, бедная, больна. Кому же пещись об ней, ежели не вам?» – и проч. Только уж он до того наговорил, что та в слезы. Она приняла сторону своей дочери, повторяя с жаром: «Я прежде всего мать, Катенька дитя мое, уж поставлю на своем», – и проч. Я чаю, Боголюбов пишет сам обо всем; он отлично справился с ее поручением, и моей помощи не надобно было. Только знай, что Боголюбов препролаз-малый: он все, ну все знает, он оказался мне в высшей степени полезен и помог здесь, и любит нас обоих от всего сердца. Я им, право, не могу довольно нахвалиться: милый малый и преуслужливый, уж умеет в душу влезть хоть кому.

Мне здесь очень клеится: все меня очень ласкают; Якова Ивановича сыну всюду двери откроются. Как лестно и весело иметь такого отца, как наш! Румянцев в долгой беседе со мною (во время коей я успел заметить, что ему не только здравого суждения недостает, но даже и знания географии) говорил мне о высоком уважении, кое питает он к столь выдающемуся служителю отечества, как батюшка. «Что ж, – сказал я, с жаром его прерывая, – составьте счастье его старости, добившись от императора наград, кои начальники наши испрашивали для меня и брата». Я это произнес, кажется, с таким чувством, а он отвечал: «Будьте уверены, что я сделаю все, что в моей власти», – как будто бы не мог он словом все сделать; лучше было молчать, чем пустое молоть. Не подумай, что тут есть какая-либо личность к нам; он со всеми так, за то все от него бегает, никому добра не делает. Я не вытерпел и сказал ему, что Свиньину, который был почти у тебя под командою, дали крест. Весь ответ был – пошевелиться на стуле. Его скоро спихнут; дела делаются нельзя глупее и подлее.

Сегодня ходили по всем домам квартальные с запрещениями носить в столице впредь белые кокарды и кресты Св. Людовика; этого Алькье никогда не мог вынудить у генерала Актона в Неаполе, а Россия главу преклоняет. Ведем две войны, английскую и шведскую, бог знает зачем, объявляем Финляндию нашей областью тогда, как все крепости еще в могуществе шведского короля и, может быть, будем принуждены оставить постыдно сие завладение или сделать большие усилия и жертвования, чтобы удержать заклад; с турками не хотим ни драться, ни мириться; в государстве нет ни соли, ни сукна на армию; в Казани и Саратове чума; войско разбросано на севере и западе, а весь центр России открыт. Вздумай теперь Бонапарт идти прямо из Варшавы в Гродно, не найдет сопротивления, и проч. и проч. Вот в каком положении матушка-Россия, первое государство земного шара!

Но полно о сем, грустно говорить. Третьего дня был бал у княгини Долгоруковой, был великий князь. Было очень весело, и я как следует развлекся. Нашел пропасть московских, виленских и неапольских знакомых, Влодековы стали прекрасны, особливо меньшая, а старшая мала ростом. Обе тебе велели кланяться, и множество других, но не упомяну всех.

Александр. С.-Петербург, 29 апреля 1808 года

³⁸ То есть жившей в Вене княгини Екатерины Павловны Багратион (любовницы князя Меттерниха), мать которой (урожд. Скавронская, племянница князя Потемкина) была во втором браке замужем за графом Литтою, державшим ее богатства в руках.

³⁹ Графиню Марью Павловну Пален.

С Козенцем пишет Румянцев к князю. Отправляя его, граф сказал Жерве: «Кстати, надобно мне окончить венское дело Булгакова для отправки Боголюбова». Кажется, теперь должно ожидать нам успеха, тем более, что Поццо получил уже отпуск свой в чужие края и недели через две поедет; перед отъездом должен он видеть государя и обещал мне непременно выпросить крест твой; это точно, что ему в сем не откажут, и Боголюбов старается, чтоб быть доставщиком гостинца. Ему говорят, что он будет отправлен через десять дней.

Мое дело идет тихо. Тургенев все меня бранит, что я слишком равнодушен и не хлопочу; он думает, что дело могло бы легко устроиться. Завтра, так и быть, поеду к графу, поговорю еще и отдам ему маленькую записку службы моей со времени, что я в чужих краях; надеюсь, что это произведет что-нибудь. Шулепов уверяет меня, что граф очень ко мне хорошо расположен. Мне кажется, что он не хочет сделать угодное Татищеву, коего он не любит. Мне предлагали ехать к Гудовичу, я отказался. Как уехать так далеко от тебя и своих? Теперь посылается туда Кторнер. Вестман вчера мне внушал, что я могу тотчас получить место в Неаполе и что ждут только моего прошения. Я ему отвечал, что долго ждать будут. – «Но ежели бы вам его предложили?» – «Я поблагодарил бы, ибо неприлично мне туда возвращаться, бывши там и приехав с Сицилии». Для одной причины был бы мне Неаполь приятен: моя Испанка бы туда верно переселилась из Сицилии; но, будучи в Риме у Дмитрия Павловича, я легко могу ехать в Неаполь, коль скоро узнаю, что любезная там. Вот одна причина, могущая меня понудить быть при лазаронце Иосифе с такой умной головою, как Бибиков. Но положим все это на сторону: как расстаться с таким начальником, каков Татищев? Как оставить такого друга?

Вечера провожу у Орловой, Долгоруковых (князь, сын и все они тебе кланяются), у князя Алексея Борисовича [Куракина] и у Александра Львовича [Нарышкина], где всегда множество народу. Поццо много бывает в первых двух домах. Ну, брат, что здесь за стужа по сю пору! По утрам бегаю, гуляю по набережной, по бульвару и Летнему саду, бываю у князя Чарторыжского, у дюка Серра-Кап-риоли, который стал простым частным лицом, в лавках и проч. Разумеется, что во всех этих экспедициях Боголюбов всегда рядом со мною. Мы почти всегда вместе. Кстати, надобно мне сказать тебе нечто, что знаю от него; но обещай мне не говорить о сем княгине, ибо это только ее огорчит. Знай, что Анстет написал Рибопьеру, что нос у Багратион вот-вот отвалится и что он рядом, чтобы его подобрать, и полагает сделать себе из него реликвию. Рибопьер имел неосторожность повторить эту шутку, которая дошла до ушей матери и мужа; они успокоились только тогда, когда Жеребцова (кажется), приехавшая сюда недавно, поспешила опровергнуть эту неправду. Рибопьеру пришлось отрицать, что он когда-либо слышал подобное мнение. Ежели правда это, то не хвалю толстого: позволено шутить, но эта шутка пересолена. Скажи княгине, что ее дело совершенно кончено, то есть что с 1 мая начнут ей пересылать доходы ее в Вену через князя Александра Борисовича. Представь ей (ежели она того хочет) Козенца, который в курсе ее дел и знает мужа ее и Литтшу. Багратиону дана аренда в 18 000 рублей и 15 000 рублей на проезд к водам Кавказским.

Взятием Швевурга кончилась шведская война. Три дня назад были поднесены государю ключи крепости сей и знамена, взятые у шведов. Церемония происходила возле статуи Петра Великого с великою помпой: все были полки в параде и проч. Остров Готланд взят нами. Говорят, что турки согласны отдать нам Молдавию и Валахию, только бы Франция перестала вмешиваться в их дела. *Коленкоровому* человеку [то есть французскому послу при нашем дворе Коленкуру] дан титул герцога Висенского. Никогда герцог не делал столько визитов, как в день получения сего известия. Говорят также, что Аракчееву, который чрезвычайно всемогущ, будет дан титул князя Финского, а Румянцев будет пожалован первоклассным. Лобанов, скажут, будет военным губернатором в Москве, а Молчанов – министром коммерции.

Вот все наши городские вести. Не дожусь минуты отсюда убраться. Какая дороговизна! То ли еще будет? А рубль так в чести теперь, что мне за треть моего жалованья выдали здесь 1312 рублей; это за январскую, сентябрьская послана в Палермо; я хлопочу, чтобы мне ее

здесь выдали, а деньги бы взыскали с Татищева, коему пишу пользоваться моим сентябрьским доходом; Вестман согласился на это устройство.

Александр. С.-Петербург, 1 мая 1808 года

Вообрази, что по сю пору не могу добиться отпуска. Теперь новая остановка: императорская фамилия в печали по смерти великой княжны Елизаветы Александровны; государь никого не видит, следовательно, доклад об отпуске моем отсрочен по крайней мере на пару дней. Я умираю с тоски здесь, Петербург для меня несносен, несмотря на то, что всеми я очень обласкан. Батюшка у меня не выходит из ума.

Поццо сегодня должен был иметь прощальную аудиенцию у государя, но, вероятно, не состоится по случившейся в царской фамилии смерти. Он обещал непременно выходить тебе Владимира, и я уверен, что ему не будет отказано.

Тогда буду я совершенно счастлив, ибо мой крест меня не интересует; он у Румянцева пришит к кишкам; пусть себе там будет. Меня все оттирают от Татищева.

Вчера видел я министра Дании у князя Долгорукова; он приехал от Коленкура, который сказал ему, что получил из Берлина известие о том, что Анстет, человек очень умный, служащий в посольстве в Вене, внезапно умер, оставив безутешною молодую жену. Коленкур сообщил столько подробностей об этой смерти, что мы не решаемся в ней сомневаться. Ждем с мучительною тревогою от вас писем. Между тем многие молодцы вострят зубы на покойниково место. Ежели это так и есть, то надеюсь, что князь, объявив о понесенной им утрате, сам назначит того, кого желает, на место Анстета. Была бы Божья воля на то, чтобы все это оказалось неправдой! Но как верить после этого тому, что французы болтают?

Багратион здесь; он хотел ехать к Баденским водам. Вообрази себе, что Боголюбов подвел шутики, чтобы он не туда ехал, а на Кавказские воды, дабы избавить княгиню от милого ее супруга. Он не хотел соглашаться ни на какое условие с нею, но все устроилось без него, как я тебе написал, и княгиня будет с 1 мая получать деньги ее матери. За взятие Швобурга дали Буксгевдену Георгия 1-го класса против устава, ибо крепость не взята осадой. Было много других награждений. Остров Готланд занят нами.

Вообрази, что я и на гулянье 1 мая не ездил: ни к чему нет охоты; послал матушку с детьми; воротилась она очень слаба, от усталости легла, но увидала, что я пишу тебе, встала и сама стала тебе писать. «Без сего, – сказала она, – Константин решит, что я заболела, это его огорчит». Я думаю, такой души, как у матушки, не найти во всей Вселенной; ее чувствительный нрав – главная причина расстроенного ее здоровья; я всячески стараюсь восстанавливать силы ее.

Тургенев намерен меня разругал, что я о себе хлопотать не хочу; уверяет, что после раскаиваться буду. Взяло меня раздумье, написал маленькую промеморию подвигов моих со вступления в Неапольскую миссию; я читал ее князю Чарторыжскому, который сказал, что это отлично, что я должен представить ее графу Румянцеву и что он, со своей стороны, поддержит ее. Заинтересую также маленького Голицына⁴⁰, который со мною очень любезен и который по-прежнему в большом фаворе.

Вчера ужинали мы у Куракиных с Боголюбовым. Были тут Завадовская, Кутузова и проч. Заговорили о венской Белой Бабке. Кутузова, умилившись, сказала томным голосом: «Какая жалость! Багратион больна без надежды». Куракина начала ей противоречить, а она стала доказывать, что Багратион так больна, что ей жить нельзя. Нас позвали в судьи. Я сказал: «При хорошем лечении и упорядоченной жизни в умеренном климате она может поправиться». А Кутузова свое да свое: «Это невозможно! Я знаю это от графа Литты, который знает от Жеребцовой».

⁴⁰ То есть князя А.Н.Голицына, тогда уже обер-прокурора Св. Синода.

Я прошу батюшку, чтоб Поццо был у нас в доме. Надобно ему воздать за дружбу к тебе, да притом общество его очень приятно. Государь едет скоро в Финляндию. Коленкур собирается побывать тем временем в Москве.

Александр С.-Петербург, 9 мая 1808 года

Мой отпуск, наконец, вышел без жалованья, но с позволением без платежа четыре месяца дышать московским воздухом, и этой-то милости насилу добился.

Поццо, быв вчера у государя, очень настоял на твоём кресте. Государь изволил спросить: «Но заслужил ли он его по чести и совести?» На что отвечал Поццо: «Уверяю ваше величество по своей чести и совести, что сия награда полагается ему по всей справедливости». – «Что ж, – сказал государь, – хорошо, я согласен, устройте сие с графом Румянцевым». Кажется, дело конченное; но, зная графа, я все еще сомневаюсь: он какую-нибудь штуку да подведет, что все испортит, ибо он добро делать скуп, а кормит одними баснями ревностных служителей отечества.

Александр С.-Петербург, 11 мая 1808 года

Вчера заехали мы с Боголюбовым к *** после театра, застали ее с какою-то старою девицею гр. Головкиной, ужинают простоквашу; нас заставили есть. Боголюбов уверяет, что, чтобы сие не принесло вреда, надобно запить. Хозяйка этому обрадовалась (любит подпить). Спрашивает: чего? Старой мадеры, – отвечает Боголюбов. Приносят, и он обеих барынь подпоя, уговорил их ехать на вечер к Александру Львовичу [Нарышкину], где сел с ними играть в бостон и взял четвертым Реневаля, французского секретаря посольства. Надобно было видеть эту комедию: Боголюбов всем глазом мигает, а сам помирает со смеху. Эдакий ведь проказник! А пьяная *** так была в памяти, что французам говорила все по-русски, а когда плевать хотелось, не оборачиваясь и забывшись, часто плевала на свои карты. Скажи это княгине, ежели может ее это повеселить; кланяйся ей усердно от меня.

Посоветуй ей написать к мужу ласковое письмо; он хорошо расположен, даже хочет, чтобы окружающие княгиню были довольны, и шлет подарок мамзель Авроре – кажется, шаль славную турецкую. Очень я рад, что выпущенная французским послом весть о смерти Анстета неправда; он теперь запирается, что от него вышел слух о смерти сей. Поццо на будущей неделе едет, то есть несколько дней после меня. Я предупредил батюшку; прошу его, чтобы Поццо жил у нас в доме; надобно ему воздать за дружбу к тебе, да притом общество его столь приятно: батюшка верно его полюбит. Государь едет скоро в Финляндию. Коленкур собирается побывать этим временем в Москве у нас.

Молодая императрица в отчаянии от потери ребенка. Не могут добиться, чтобы она плакала: она как каменная. Очень опасаются, как бы не имело это пагубных последствий. Она поедет в Царское Село. Император едет в Финляндию, где нас только что помяли. Генерал Булатов был убит. Говорят, что Буксгевден будет сменен. На днях будет объявлена свадьба Бориса Куракина с дочерью князя Бориса Голицына. Ты их знал в Вене.

Александр С.-Петербург, 14 мая 1808 года

Поццо едет также в Москву; он будет жить у нас, хлопочет о деньгах своих и жалованье и смертельно боится, чтоб ничего не устроилось до отъезда государева в Финляндию, что имеет быть в пятницу. Оттуда плохие известия: шведы пришли с шестью кораблями и множеством войска и отняли у нас Готланд, которым мы завладели слишком легко. На суше имели мы также урон: убито и потеряно человек 1000, между первыми генерал Булатов; все дело произошло, говорят, от ненависти Буксгевдена к Тучкову, коего он хотел сакрифицировать, дав ему повеление с охапкою людей поворотить большой шведский корпус. Сказывают, что Буксгевден будет отозван.

Р.С. Коленкур теперь запирается, что от него вышла весть о смерти Анстета. Все очень рады, что это неправда; а многие, было, наострили зубы на место его, и между прочими, скажут, Рибопьер, которого государь терпеть не может.

Здесь такие морозы по сю пору, что способу нет выходить из дому. Талейранчик, которого ты знал в Вене, поехал отсюда вчера в Париж; прощаясь с государем, получил он Анну на шею с бриллиантами. За что? А наш брат, русский, служит и тужит. Бедному сыну Анны Любимовны прострелили французы шею, за то дали Аннинскую шпагу; а у других Георгий на шее – ни дай, ни вынеси за что.

Александр. Москва, 28 мая 1808 года

Выехал я из Петербурга 21-го с Приклонским; по случившейся ему на дороге болезни не могли мы сюда прибыть прежде 26-го ввечеру. Дорога вела нас мимо нового Князева дома, дядею ему⁴¹ отданного; заехали туда, спросили: дома ли? Говорят, что нет, но что тетушка тут и просит меня очень забежать. Как отказать в том, чего сам смертельно желаешь? Соскочил с брички, побежал. Вообрази себе: ее радость столь была велика, что она, увидев меня за сорок шагов, забыла старость свою и пустилась бежать мне навстречу; как стала меня целовать, то чуть не задохлась от усталости и сделанного ею усилия, так что я перепугался; сыну своему даже не столь она обрадовалась, как мне. Мы поплакали и поехали вместе к батюшке, она в своей коляске нам показала дорогу, ехала вперед и, я чаю, скакала в первый раз сроду.

Как поравнялись мы с Чевкиных домом, я не мог стерпеть: сердце так забилося, что я принужден был давить его обеими руками, чтоб себя облегчить, соскочил с облучка, побежал наперед. Первый человек, мною встречаемый,

Евсей, говорит, что батюшка ушел пешком в летний сад; думал было туда бежать, но, вспомнив глупую мою шутку с тобою, послал батюшке сказать, что я приехал; через четверть часа бежит ко мне Фавст. Ты можешь себе представить радость обоих нас! «Я, – говорит он, – гулял с батюшкою в летнем саду, как пришел мальчик сказать, что ты приехал; мы оба заплакали от радости». «Я вижу, – сказал Фавсту батюшка, – что тебе хочется очень бежать к Александру; ступай вперед, мне бегать невмочь, я приду за тобою вслед, пойду как можно скорее».

Я все стоял у окошка, ждавши батюшку. Тетушка первая, увидев его, закричала: «Вот и братец!» Ну, брат, как увидел я его, идущего большими скорыми шагами, утирающего пот, с него лившийся от усталости, как увидел я его, ищущего меня у всякого окна глазами, тут не могу тебе пересказать, что со мною произошло в душе: я завыл во весь голос, побежал вон из комнаты. Фавст меня, спасибо, удержал, а то бы дал себя в позорище всем прохожим на улице; в передней кинулся я на шею нашему земному богу-отцу и благодетелю.

Нет, брат, я кинул теперь перо, – нет сил, духу досказывать; это слишком терзает мое сердце, да и твоего растрогивать не хочу: оно у тебя нежно. Ты себе вообразить можешь блаженство мое, состояние мое, слыша сии батюшкины слова: «Вы, – сказал он, перебив мою речь, – вы благодетели мои, вы старость мою утешаете, вы продлите жизнь мою». Тут он так сильно заплакал, что не мог продолжать. Какая картина! Все люди, вокруг стоявшие, все плакали с нами. Вдруг батюшка возмужался, хлопнул в ладони. «Ну, кзездз, – сказал он, – сыграй нам на цимбалках!» И пошла радость. Подъехали потом князь с княгиней, сошли вниз Павлик, Александра Петровна. Батюшка велел ужин приготовить; ели и пили, покуда силы были. После ужина сам меня проводил в мою квартиру и положил спать. Живу я (покуда не окончится покрытие железом библиотеки) в покоях Анны Петровны.

Давай входить теперь в подробности. Батюшка истинно мало переменился, мало очень состарился; а так как он обрил пукли свои, отрезал косу и ходит а-ля Титус, то это его делает моложе и отнимает от него нажитые лета после нашего отъезда из России; он все весел, не

⁴¹ То есть князю Сергею Ивановичу Голицыну, женатому на сестре Приклонского. Их мать – сестра Я.И.Булгакова.

проходит пяти минут, чтоб не смеялся, дурачит Фавста, говорит тетушке небылицы, дразнит собак, подшучивает над князем Сергеем Ивановичем; ну, одним словом, он все тот же, только что со мною уж не как отец говорит и поступает, но как брат и друг. Вчера все утро пробыл я с ним в кабинете; он мне свои шашни рассказывал. «Дай Бог тебе, – прибавил он, – не только дожить до моих лет, но пережить оные; а пуще всего желаю тебе в 64 года приволачиваться, как я; а это оттого, что я себя в молодости не изнурял», – и проч.

Твой экранчик делает батюшке благополучие; он именно сии вымолвил слова: «Ведь у меня бог знает чего не перебывало из таких безделиц; но я ничего не видал подобного; эта вещь такая, что не стыдно императрице подарить: красиво, щеголевато, хорошо сделано; ай да Кастентин!» Не мог налюбоваться; да и скажу, брат, что подлинно прекрасно. Батюшка беспрестанно говорит о безделушках, тобою присылаемых; между прочими есть одна девчонка, очень мило приседающая и нагибающая голову, как подернешь внизу за кусочек бумажки; эту штучку так он любит, что носит ее всегда с собою в записной книжке, и часто ее вынимает и ею забавляется; но экран особенно его утешает: кто ни придет, всем показывает, посмотрит, похвалит, щелкнет одним пальцем по двум другим, вместе сжатым (ты помнишь это), и скажет: «Ай да Кастентин!»

Сад наш прелесть, ездят в нем гулять, как в дворцовый: как разросся, это непонятно! Дом – игрушка, все, все на своем месте, как было в старину. Я, говоря с батюшкой о безделках, зазывал его в Вену. Вот там уж найдете, что покупать. «И, да на что мне ехать? – отвечал он. – У меня там Кастентин караулит все эти милые безделушки, уж не прозеваает ничего; вот ты не видал ничего: у меня бездна всякой всячины, им присланной».

Александр. Москва, 31 мая 1808 года

Сегодня воскресенье; у батюшки по-старому обед. Нас было человек тридцать: все на свете Хованские, все на свете итальянцы, всякие музыканты, etc. Меня призывает батюшка, заговорил со мною, да вдруг: «Это что такое лежит там на полу?» – и подлинно, какой-то пакет. Я побежал поднимать. Что ж вышло? Пакет от тебя. Ах, брат, сегодняшний день радостный для меня: ты пишешь мне, мой дорогой Татищев и кто еще? Моя возлюбленная испанка. Ну, право, я вне себя от радости. Ай да сюрприз сделал мне батюшка! Он разложил сегодня перед глазами любопытных гостей все наши подарки: чашки наши, твой экранчик и карикатуры. С чашками славно все обошлось: я поставил их на стол, стоящий в большой гостиной против турецкого канапе; особенного стола не сделал, ибо негде поставить, так покои батюшкины завалены всякими мебельями. Как вошел батюшка, да увидел: «Ба-ба-ба! Да это что такое?» – и ну меня целовать; потом пошел пить в кабинет и нашел мои граненые венские карафины и кружку; там положил я записочку с сими словами: «Последняя, более сюрпризов не будет». Гляжу – батюшка идет ко мне, целует, говоря: «Ах ты, мой Алексаша!» Вчера подарил он мне 1000 рублей. «Ежели выйдут, скажи, я дам тебе еще», – прибавил он.

Александр Валуево, 1 июня 1808 года

Третьего дня отправились Сердобины в путь [в Вену, где послом был отец их, князь А.Б.Куракин]; они будут к вам дней в 40; у князя есть в доме здесь некто комиссионер его Петр Александрович, малый очень услужливый; батюшка его зовет к себе часто обедать; он всегда предупреждает его, когда бывают случаи в Вену, берет письма и даже посылки очень охотно. Я вручил ему для пересылки к тебе с Сердобиными две посылки: в одной две шали, одна темная с мушками, другая желтая, также с мушками; обе, кажется, хороши, моего выбора, по всем дамам были испробованы, одну чуть было не отняли, теперь уверились, что я даме, именуемой Константин, даю надо всеми преимущество. Пожалуй, напиши правду: будут ли по вкусу; буде есть какие-либо цвета предпочитаемые, скажи, я пришлю того цвета. Я взял одну скромного цвета и одну яркого, чтобы всем вкусам угодить. В другом свертке пара сапожков

красных сафьянных, золотом шитых, для ношения вместо туфель: это купил я в Торжке, где работа в роде сем доведена до большого совершенства. Отдай их от меня Дмитрию Павловичу, ибо его красные сапожки утренние давно просятся в отставку. Ежели он уже уехал из Вены (что очень невероятно), то возьми их себе, ибо пересылать такую безделицу в Рим не стоит труда: они папских туфель не затмят.

Третьего дня княгиня Урусова [сестра Д.П.Татищева] праздновала его рождение ужином; не было тут только родных, а из посторонних (ежели можно дать мне имя это, когда дело идет о Татищева семье) были я и Фавст. Елизавета Павловна много пела: голос удивительный; жалость, что она довольствоваться должна Маскати; в Италии у последнего носильщика метода лучше и более вкусу. Он ее мучит гаргулиадами; одним словом, русские запевалы делают те же пассажи, что Маскати.

Знаешь ли, что я на досуге хочу перебелить мой журнал порядочно, потому что все писано второпях и без всякого старания и внимания. Ежели ты прочел что-нибудь, то увидишь, что он делался, чтобы быть читанным только близкими моими. Из шести-семи тетрадей, что я тебе оставил, будет из чего наделать 20. Вот приеду в Вену, так стану, право, работать; батюшка также в сем настоит; а я ему столь же охотно бы оный вверил, как тебе. Он совсем стал не тот, и я с ним столь же вольно и откровенно обхожусь, как с тобою или Фавстом. А уж как любит нас, это нельзя изъяснить: всякое слово, всякой шаг его доказывает это. Он одно поет, что состарился; я это не нахожу, и все со мною согласны. Право, стал веселее прежнего: ну нет минуты, чтобы не подшучивал и не припевал: «А кто иде?» – любимый его дуэт. Он тебе послал несколько экземпляров с Сердобиными.

Александр. Москва, 8 июня 1808 года

Я сюда приехал. Выходя из коляски, узнали мы, что приехал сюда Поццо. Я к нему побежал и, к сожалению моему, нашел его в постели больным жабою: простудился в дороге, заболело горло, не хотел останавливаться, ну, его пуще растрясло: попался ему коновал, а не лекарь, дал ему полосканье, от которого ему стало еще хуже; теперь охрип, с трудом глотает и говорит. Я ему дал первого здесь доктора Уиллза и надеюсь, что теперь его вылечат в несколько дней. Батюшка у него был, и они уж друг друга полюбили.

Князь Федор Сергеевич Одоевский, промучась долго от каменной болезни, умер на сих днях; а наш родня Федор

Дмитриевич Колтовский женится. Наследники до того изъясняли радость свою получить его имение из-за лет его, не позволяющих ему жениться, что он, рассердясь, взял да и женился, не помню на ком. Стало, молодые Федоры умирают, а старые женятся. У старика 2000 душ с лишком и 300 000 рублей деньгами с лишком же.

Вообрази, что 30-го и 31 мая шел сильный снег в Петербурге; скажи это Дмитрию Павловичу: он огорчится, что в чужих краях, а не в России. Я люблю страстно отечество мое, но там невообразимо скучно, нельзя ни поесть, ни переварить.

Александр. Москва, 11 июня 1808 года

Сегодня везет батюшка меня на званый обед к Черткову; смерть не хочется: надобно пудриться и надевать мундир; там будут все матадоры: Марков, Ростопчин, Тутолмин, градоначальник и другие матадоры. На вечер едем мы к Хованским; вчера был у них. Княжны много мне говорили о тебе и помнят услугу, тобою всей семье оказанную; также велели тебе напомнить, как вы где-то перепились так, что тебя и князя Василья Наташа вела за руку. Они все такие же миленькие. Старшая поет как бог, – что за голос, так в сердце и лезет!

Поццо здесь, приехал больной; теперь ему час от часу становится лучше; батюшка у него бывает всякий день, часто и по два раза. Вчера дал ему наш приезжий в подарок план и рисунок Кампосантской баталии и рисунок карикатуры, представляющей Болонию, консула, идущего с

женою на гулянье 1 мая в Корфе. Батюшка очень смеялся фигурке коротенького и долговязой. Много говорил я с Поццо о тебе; он мне рассказывал в большой подробности странствование ваше, твою болезнь. О, милый брат, если бы я тогда знал, в какой ты был нужде, опасности, все, что ты терпел, – я думаю, не перенес бы печали этой. Ты мне десятой доли не писал и не рассказывал того, что я узнал от Поццо. Видно, Провидение надо мною бдит, ежели тебя сохранило. Натерпелся и я в странствование мое; но был, слава Богу, всегда здоров, и все это не послужило ни к выгодам, ни к награждениям. Терпение!

Александр. Москва, 18 июня 1808 года

Третьего дня возил батюшка Поццо, Приклонского и меня к Тутолмину [тогдашнему московскому главнокомандующему], который прислал вчера звать к себе первого обедать; нам нельзя было: мы ездили с Хованскими обедать в Очаково к Нарышкиным, то есть к Опочининой; у нее живут Петр Петрович с женой и Милашевич с женой; весело провели день: гуляли, прыгали, пели, танцевали; мне было ловко приволачиваться: мужа Соковниной не было; он боится, чтоб я не догадался, что он ревнив; а жену, шельма, бранит всякий день за меня потихоньку. Ты не поверишь, как Сонюша интересна. Мы большие друзья. Я ей открыл часть моих секретов, а она свои – мне. Нельзя ничего предвидеть, но, может быть, дружба и в другое превратится, хотя я очень далеко от того, чтоб быть влюбленным.

Вечер мы проводили у Хованских. Поццо был зван, но устал слишком от обеда своего и не приехал на вечер. Князь его очень полюбил. У Хованских есть немой, пресмешной; не знаю, помнишь ли ты его. Я ему дал зажечь одну из этих хлопушек, что ты мне дал, чтоб Фавста обмануть. Надобно было видеть, как он испугался, побежал за мною, хотел меня за волосы взять; я тем только избавился, что другую хлопушку ему показал со свечою в руках. А батюшка так и помирает со смеху; он всегда был весел, но теперь нет минуты, чтоб не шутил и не смеялся. И я, кажется, весел; чего мне недостает? А он все пеняет, что я не в духе, и спрашивает часто: что у тебя?

14-го я повел Поццо смотреть кремлевские славности; он был в восхищении от вида, открывающегося с Ивана Великого. В следующий понедельник он едет в Вену через Киев. Он говорит, что, когда увидишь московские чрезмерности: великий колокол, великую пушку, великого Ивана, значит, все увидишь. Поццо мне давал читать все те бумаги, которые ты ему в порядок привел и перебелил, будучи на корабле. Это очень интересно. Вечером был у моей кухни большой ужин; Поццо там был, и все были восхищены его обществом. 16-го мы обедали в павильоне в нашем саду, а кофей пили в беседке под дубами.

Ты не поверишь, с каким чувством батюшка представляет Поццо приятелям своим: «Вот, – говорит он, всегда со слезами на глазах, – человек, коему обязан я сохранением Константина». Мы сегодня обедали у Тутолмина: батюшка, Поццо, Алекс. Васильевич и я. Второй сидел рядом с князем Василием Хованским, который давал большой собаке, бывшей под столом, все, что было у него на тарелке. «Ах, князь, – сказал Поццо, – вы отправляете обед куда ему и следует». Мерзкий обед!

Александр. Москва, 23 июня 1808 года

Сегодня у нас много обедает; напросился также, бог знает зачем, Тутолмин; я боюсь, что он расстроит наше санфасонство. Впрочем, княжон не будет: Софья уехала с мужем и Полиною к Троице Богу молиться, а Наталья будет их, вероятно, оплакивать.

Наш сегодняшний обед удался; это было прелестно, и я сему удивляюсь, ибо Хованских не было. Вот кто были: Баранова с дочерью, Зиновьевы, Багратионы, Волковы, полицмейстер Александр Александрович, Мария Ивановна Корсакова с прекрасной своей дочерью, Белая Бабка [Белой Бабкой Булгаковы звали свою двоюродную сестру княгиню Елизавету Васильевну Голицыну] (тетушка Александра Петровна просидела весь день в своей норе), Иван

Иванович Демидов, Чертков, князь Урусов, но без жены, которая, едуци завтра в деревню, хотела провести день с родными. Князь дал мне письмо для Дмитрия Павловича, которое ему пришло с Поццо, завтра едушим. Было множество мужчин: обер-полицмейстер, полицмейстер Дурасов и проч. и проч., Амплюшка. Да! Были также шведские пленные: генерал и венский ваш Клерфильд, которые не могут нахвалиться Москвою, не успевают поспевать на все зовы. Обед был славный, на двух столах: один в галерее, а другой в клавикордной; хозяйничали я, Фавст и Косой [то есть А.В.Приклонский]; кофей пили в беседке под дубами, тут были цыгане, славные плясуны; потом мороженое ели за прудом в беседке, тут песельники нас утешали; наконец, в третьем месте подавали липец, восхищаясь фавстовыми музыкантами, в кустарниках спрятанными. Батюшка был очень весел, да и все так были довольны, что Тутолмин сам уехал почти последний. Время прекрасное всему способствовало.

Пришли под вечер гулять в сад какие-то три немецкие актрисы, батюшке знакомые; он их удержал ужинать в саду же. Это был подлинно галантный ужин: они только три, батюшка, я, Фавст, Поццо, поп-ксендз, Николай Богданович, Амплюша и Косой, который день со дня становится лучше. После ужина пустились в три пары танцевать, а батюшка прихлопывает руками и припевает фавстовым музыкантам. Новосильцев Николай Николаевич, быв здесь, уехал; он будет объезжать все школы, университеты и подобные заведения, в России находящиеся.

Александр. Москва, 29 июня 1808 года

Козодавлеву дали Александровскую ленту, Т.И.Тутолмина сыну – Анну на шею с бриллиантами, равно как и пяти другим по представлению отца за подвиги по милиции. Говорят, что Куракина дочь, Салтыкова, разводится с мужем ради конногвардейского полковника Чичерина [этот слух оправдался]. Не могу этому поверить и прошу это не говорить никому; это может не понравиться твоему начальнику [то есть князю А.Б.Куракину, послу в Вене; он был дядей Салтыковой] и к тому же оказаться неправдою, как я и думаю. Вашего Сологуба женят на какой-то – кажется, княжне Горчаковой. Старому Масальскому в сердцах на сына вздумалось жениться на какой-то девушке, которая с тем на то согласилась, чтоб он ей до брака тотчас укрепил хоть 500 душ.

Балашов, петербургский обер-полицмейстер, едет сюда и подцепляет какую-то купчиху с двумя миллионами. Орлова⁴² все неподвижна еще, а смотри, ежели не возьмет какого-нибудь горбуна или Лавалья⁴³. Говорят, она само совершенство, даже и без богатства. Я не видал ее еще по сию пору, а хочется на чудо это посмотреть.

Александр. Москва, 6 июля 1808 года

Хованские уехали в Горбово⁴⁴; сегодня едут также Соковнины; 8-го числа поеду я, а батюшка будет несколько дней позже меня и проживет там до 24-го. Я везу с собою Антонию; он сочинил маленькую итальянскую фарсу «Il Fanatico», которую будем там играть. Меня втащили в оперу русскую. Что делать, надобно петь; роль, спасибо, невелика, одна только ария, но много разговора. Музыка оперы «Ям» прекрасная, в русском вкусе; Боголюбов ее знает: мы часто в Петербурге с ним ее слушали. Намедни обедал у нас Репнин, а третьего дня мы у него обедали; он очень переменялся в свою пользу, живет чрезвычайно согласно с женою; она брюхата на сносе, не считая того, что у нее уже есть сын и дочь⁴⁵.

⁴² Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, за которую перед тем сватался князь А.Б.Куракин.

⁴³ Говорили, что известный впоследствии церемониймейстер граф Лаваль был некогда петербургским виноторговцем и при Павле женился на богачке Козицкой, мать которой была из простолюдыя.

⁴⁴ Некогда великолепное поместье князя В.А.Хованского под Рузою, с суконною фабрикой.

⁴⁵ Говорится про князя Н.Г.Репнина (Волконского) и его супругу, Варвару Алексеевну, урожд. графиню Разумовскую. Они жили тогда в прекрасной усадьбе своей в Москве, на Воронцовом поле. Вскоре родилась у них дочь, княжна Варвара.

Константин. Вена, 17 июля 1808 года

Поццо редкий человек и умом, и нравом, и сердцем. Этих, брат, немного. Милого батюшку за угощение, Поццо сделанное, благодарю сердечно. Это также доказывает, что он меня любит, а я подлинно Поццо многим обязан. Без него бы не перенести мне, может быть, болезни – одному посреди моряков и сражений, когда я двигаться не мог. Не поверишь, как я о нем беспокоился, когда он на шканцах командовал лагерем. Всякий раз, что приносили раненого, все думал, что он, а он поминутно присылал мне сказать, что он жив. Какая блаженная для меня минута была – его после сражения увидеть!

Константин. Вена, 27 июля 1808 года

Поццо не может нахвалиться всеми вами, а ты знаешь, что ежели он кого полюбит, то порядочно. Его любовь – как его ненависть. А в сей последней дал он доказательства. От батюшки он в восхищении. Хотел к вам сегодня писать; надеюсь, что придет письмо. Он вернулся к своим прежним привычкам, и видно, что счастлив, что попал в Вену, которую он любит и которую, как ты сам знаешь, нельзя не любить.

Александр. Москва, 4 августа 1808 года

Лубяновский⁴⁶ сюда приехал; он женится на дочери генерала Мерлина, коего знали мы в Гродно; тот дает ему 2000 душ в приданом. Здесь вышла жизнь Потемкина в трех томах. Автор часто говорит о батюшке как о просвещенном, искусном и весьма одаренном посланнике.

Александр. Москва, 6 августа 1808 года

В Риге умер Александр Андреевич Беклешов, всеми оплакиваемый; а в деревне, среди своих разоренных мужиков, изволила на тот свет отправиться графиня Буксгевден⁴⁷, жена того героя, которого шведы всякий день колотят. Генералу Витте дали алмазные знаки Александровские. Всех здешних театральных директоров отрешили, а будет один только камергер Всеволожский управлять театральной Московскою дирекцией.

Кстати. Много теперь шуму делает следующее: итальянец один возвращается из Макарьевской ярмарки с двумя гиенами, которых показывал там за деньги. Сорок верст от Москвы они у него как-то изломали клетки железные, вырвались, убежали и теперь причиняют великие опустошения. По полученным главнокомандующим рапортам, пожрали они уже 24 человека. Одну гиену мужики убили, другая еще существует, зима ее убьет: но до того времени может она наделать много вреда. В одной деревне мужики вздумали, что это-то Бонапарт: немногим ошиблись. Жестоко, что России приходится терпеть от чудищ, Африкою порожденных. Возвращаясь от князя Сергея Ивановича, который живет за городом, мы обыкновенно берем дорогу полем; тетушка [Мавра Ивановна Приклонская] велела сынку всегда городом ездить, несмотря на большой объезд; а на вопрос: «зачем?» отвечала, что «в поле может еще попасться стерва-то эта гиена». Весь город полон этим злосчастным приключением; можно подумать, что мы перенеслись во времена Пугачева: по крайней мере, о гиене говорят с тем же страхом, с каким о разбойнике говорили; может быть, и ее велят повесить, как покойного господина казацкого маркиза. Итальянец, сказывают, в отчаянии, бегаёт по лесам, ищет или смерти, или своих дезертиров.

Выписываю тебе статью из «Вестника Европы», журнала, печатаемого в России: «Посланник персидского шаха Фет-али, едущий во Францию, останавливался в Вене и обедал у французского посланника, у которого находился тогда весь дипломатический корпус. Он родствен-

⁴⁶ Федор Петрович Лубяновский, «Записки» которого напечатаны в «Русском Архиве» 1872 года.

⁴⁷ Графиня Наталья Алексеевна, в девицах Алексеева, дочь князя Г.Г.Орлова и сестра первого графа Бобринского. Ей принадлежало большое поместье Лигово под Петербургом и замок Лоде за Ревелем.

ник шаха и везет к Наполеону две Тамерлановы сабли. Пред обедом и после обеда курил он табак и пил кофей. Русский посол, князь Куракин, сидел за столом с ним рядом, и его персидское высочество в знак внимания положил своеручно на тарелку князя несколько макарон», – и проч. и проч. Правда ли это?

Александр. Москва, 7 августа 1808 года

Оливиери приехал; это рагузеец, бывший у батюшки в Константинополе, великий латинист; сочинения его напечатаны. Батюшка говорит, что местами он превосходит Овидия; он получил в университете кафедру латинского языка. Граф Алексей Разумовский [тогдашний попечитель Московского учебного округа] из уважения к батюшке дает ему 1000 рублей, квартирные, дрова и проч. и проч. Это очень приятный человек, занятый, просвещенный, он чрезвычайно батюшку развлекает: они очень часто говорят о Константинополе. Оливиери говорит, что при Обрескове в Константинополе был ад, при Стахиеве – чистилище, при Булгакове – рай, а при Кочубее – хаос.

Я вспомнил, что в последнем письме обещал тебе пересказать историю Николушки Салтыкова с женою. Вот она. Он с караулом во дворце; жена пользуется его отсутствием и едет на бал к Хитрову, где был великий князь и много людей и куда, как говорила мужу, она не была приглашена. Он узнает о том, но не верит; наконец, чтобы увериться в том, надевает лакейский сюртук и уезжает с караула на бал, который давали, кажется, на Каменном острове, велит сказать жене, что пришел от князя Ал. Борисовича человек и вызывает ее; она выходит, видит мужа, кричит, как испугавшаяся, вбегает в залу; все выходят и находят переодетого Салтыкова, вне себя от ярости. Его сажают под арест, он должен быть уволен, послан на Кавказ; маршал Салтыков добивается, чтобы он сохранил чин камергера и служил в нем. История эта сделала много шума и, по моему мнению, очень мало чести племяннице нашего начальника. Это гордая кокетка и ветреница. Я на месте мужа этих дурачеств не делал бы, а дома, ничего не говоря, выпорол бы ее славным манером. Экий дурак. Уверяют, будто она просила у великого князя карету, чтобы вернуться домой в безопасности. Вот история, как ее здесь рассказывают. Правда, нет ли – о том не знаю; всегда очень неприятно, что прилепляют эту басню (ежели это басня) на голову мадам Салтыковой.

Большой дворец, где были казармы, отдан Московскому университету. Где был Университет, будут присутственные места; а солдат куда-то за город переводят. Кочубей к вам придет; прошу тебя с ним подружиться. Кто знает? Он может снова стать твоим начальником.

Александр. Москва, 10 августа 1808 года

Сколько всего о нас должен был порассказать тебе Поццо! Батюшка сильно о нем сожалеет и твердит, что много где побывал, но мало встречал людей такого приятного обхождения. Он говорит также, что письмо его к рейс-эфенди это шедевр и что нельзя более вежливо сказать туркам, что они скоты. Батюшка написал ему на прошлой неделе.

Все, что ты говоришь мне о сражении Кампозанто, еще более привязывает меня к Поццо. Он говорил нам об опасностях, коим ты подвергался, о твоих страданиях, но не прибавлял, что был твоим ангелом-хранителем. Тем лучше: мы уж не в силах были бы для него сделать то, что он сделал для тебя.

Константин. Вена, 20 августа 1808 года

Дай Боже, чтобы Фавсту досталось что-нибудь от Павла Матвеевича⁴⁸; но сомневаюсь. Нестеровы не промахи.

⁴⁸ Нестерова. Друг Булгаковых Фавст Петрович Макеровский (впоследствии директор Горного правления в Москве) происходил от Петра Матвеевича Нестерова. Тончи и его супруга не оставили потомства.

А, чай, вся фамилия уже собралась к умирающему. Ему же счастья нет.

Александр. Москва, 29 августа 1808 года

Третьего дня был я на званом обеде у Бролио: молодой голыш, который женился на вдове князя Трубецкого (она, мне кажется, Левашова); ты ее видал в Марфине, она родня графу Ивану Петровичу [Салтыкову] покойному и бойкая особа. Видел я тут шведов, коих все здесь очень любят, угощают. Клерфельд велел тебе много очень кланяться и просил сказать мне что-либо о даме, коей имя написал на карточке своей, при сем прилагаемой. Была тут также толстая Гагарина [княжна Наталья Ивановна], что ушла с Тончи, живописцем. «Где узнали вы о моем замужестве?» – спросила она меня. «О, еще в Неаполе». – «От кого?» – «От брата и всех тех, кто писал мне из Москвы». – «Вас это удивило, не так ли?» – «Вовсе нет». – «Отчего же?» – «Нет, ибо в тот же день в Неаполе говорили, что князь Бутера, красавец, богатейший синьор двух Сицилий, испанский гранд и проч. и проч., собирается жениться на кухарке». – «Вот уж, однако, – сказала она в ярости, – довольно грубое сравнение». – «Почему же? Разве рисовать лакомства и готовить их не суть одно и то же? И ежели доходит до того, чтобы съесть запретный плод, – будь то дыня или яблоко, разве не одно и то же?» Видя, что она сердится в самом деле, я сменил тему разговора. «Впрочем, – прибавил я, – я неправ. Сравнение неверно: князь Бутера хотел жениться из щепетильности ради детей, коих имел, а вы вышли замуж, чтобы иметь их в будущем, вот и посмотрим, сколько их будет у вас?» Она улыбнулась и отвечала, что брюхата первым*. Отец давно простил; дает ей по 3000 рублей на год и говорит: «Да что и другие-то не уйдут с кем-нибудь?» Я неважное имею мнение о нравственности князя Ивана Сергеевича [Гагарина]. По Москве говорят, что он опекунством своим разорял Никулушку; а теперь, когда старший вышел из малолетства, принялся за меньшого. Мне приятно было говорить с Тончи об Италии, куда ему очень хочется ехать; спрашивал о брате, коего мы знали в Неаполе.

Поццо, конечно, более всего за то батюшка любил, что он тебя уберег. Представляя его тетушке, он сказал: «Вот, сестрица, командир Константинов; он ему на море жизнь спас». Выговорив эти слова, батюшка не мог слез удержать. Он всегда имел чувствительное сердце, но теперь сделался даже нежен. Как будем вместе, перетолкуем все, до него касающееся. Я не знаю, сказал ли я тебе, что батюшка отрезал свои прекрасные волосы; это сильно его омолодило. Он мне сказал, что коса ему в большую тягость была и что туалет его теперь сводится к пустякам, ибо он и пуклей уже не носит. Операция сия послужила сигналом к тому, чтобы то же сделали немногие лица в Москве, дорожившие еще косою как реликвией: Пушкин, Иван Иванович Демидов, все сенаторы и проч. и проч.

Александр. Москва, 3 сентября 1808 года

Румянцев, должно вам быть известно уже, поехал в Северную Германию на переговоры (говорят, с Наполеоном). Теперь едет и сам государь в Лейпциг, другие же говорят – в Эрфурт. Отсутствие его величества продолжится шесть недель. С ним князь Александр Николаевич Голицын и генерал-адъютанты Гагарин, Шувалов, Трубецкой и Ожаровский.

Должно быть у вас известно морское сражение наше со шведами и англичанами в Юнгфер-Зунде. У нас захватили корабль, который принуждены были мы сжечь; героическое сопротивление возбудило страх и восхищение неприятеля: контр-адмирал Хорд сказал капитану «Всеволода», отказываясь взять его саблю, что тот был достоин командовать самым прекрасным флотом в мире. Он дрался против двух шведских и двух английских кораблей; весь экипаж перебит, 37 попало в плен, все переранены и изувечены. Неприятель превосходил числом. Сказано, что русские всегда будут совершать чудеса храбрости, кои ни к чему не приведут, сражаясь всегда и на земле, и на море с превосходящими их силами; странно, что в закрытом

море, кое мы считаем нам принадлежащим, море, омывающем берега нашей империи, мы не имели ума собрать себе хотя бы равные силы с неприятелем, явившимся издалека.

Ханыков ушел в Балтийский Порт, где он, вероятно, будет то же делать, что Сенявин в Лиссабоне, ибо его тесно блокирует шведский флот, из тринадцати кораблей состоящий. Сказывают, что Ханыков нарушил все пункты своих инструкций. Вместо того чтобы атаковать шведов, которые в какую-то минуту оказались слабее, он забавлялся наблюдениями за ними, дал им время запросить помощи у англичан; вместо того чтобы избежать сражения с последними, как то было ему предписано, он в него ввязался. Чичагов поскакал в Балтийский Порт. Но как помочь этому? Вот что рассказал мне граф Григорий Чернышев, который только что приехал с женой из Петербурга и живет у Бутурлиной.

По четвергам, а особливо по воскресеньям, наезжают к нам приятели обедать. Сегодня накопилось человек десяток: Биянки, Бечи, Амплей Васильевич, шведы, Малиновский, Николай Богданович, Приклонский, Федоров, Оливиери, поп, Фавст и проч. Батюшка отозван на несчастье: он рекомендует мне всем оказать почет и передает мне список вин, кои будем пить, который я при сем прилагаю.

Александр. Москва, 28 сентября 1808 года

Вчера, в воскресенье, обедать наехало так много, что батюшка был жизни не рад: всякий шематон думает быть вправе на сии обеды приглашать как на свои. Чижик⁴⁹ устраивает себе партии, и ежели чуть только игроки знакомы батюшке, зовет их обедать: поить всех сих господ хорошими нашими винами невмочь. Чижик затеял банк, все перессорились. Батюшка положил, что не будет более у него обедов по воскресеньям, а будет звать сам по выбору, в какой день вздумается. Он думал иметь только Чернышева вчера и обыкновенных, то есть Биянки, ксендза, Оливиери и родных, – вместо того наехало человек с 20, сели за стол в три часа с половиною, а он привык обедать в два. Зачем ему в своем же доме женироваться? И для кого? Для... которые недостойны в передней его быть. Карнеев – мальчишка, не имеет ни кола ни двора, живет одной игрою; Чижик его протезирует. Я ему никогда чести не оказываю с ним говорить.

После обеда батюшка отвел Чернышева в свой кабинет, чтобы показать ему коллекцию визитных билетов венских, кои ты ему высылал постепенно и кои он вклеил в книгу; билеты с транспарантами, маленькие карикатуры и проч., словом, все там. Предупреждаю тебя, что он сказал Чернышеву: «Вот скоро будет новый год, Константин пришлет мне, я думаю, новых». Его эти безделицы чрезвычайно утешают; постарайся достать хороших, то есть смешных; да вот я подъеду, тебе помогу в выборе. Да полно, что выбирать! Пришли все, что найдешь. С нами был также Малиновский⁵⁰, которому он дал на время какой-то присланный тобою же Иллирический лексикон; и в сем роде, ежели попадется тебе что-нибудь хорошего исторического, присылай.

Князь Александр Николаевич Голицын промотавшийся поехал в чужие края. За несколько почт от Москвы должники его поймали и воротили. У него великолепная верховая лошадь; он ее оставил в уплату троим разным лицам: конюху, который ее вырастил, одному бухарцу и своему портному. Таким-то манером, по-видимому, уплатил он и все другие свои долги.

Это письмо кажется мне подлинной мозаикою; лишь бы целое было тебе приятно – вот все, что нужно. Тетушка поручила мне давеча передать князю Лопухину письмо, которым просит она его (ввиду старой дружбы его с Василием Андреевичем) дать аудиенцию Анне Пет-

⁴⁹ Так Булгаков звал князя С.И.Голицына, женатого на его двоюродной сестре Елизавете Васильевне Приклонской.

⁵⁰ Алексей Федорович, служивший тогда в Московском архиве Министерства иностранных дел под начальством Н.Н.Бантыш-Каменского, который был другом Я.И.Булгакова.

ровне. Лопухин ей отвечал очень вежливо, назначив для Анны Петровны час; на адресе значилось: «Ее превосходительству м. г. Мавре Ивановне» и проч. Мы чуть ее не уверили, что поскольку это министр юстиции к ней пишет, то адрес этот может ей служить вместо патента на чин. Только то ее амбарасировало [стесняло], что муж давно умер, а женских лиц в чины не жалуют. Анна Петровна ездила в Петербург, чтобы кончить дело свое против Натальи Алексеевны: прожила там три года, не могла поговорить даже с Лопухиным, сколь это ни искала. Здесь назначивает он ей час на переговоры. Что же бы ты думал? Перед тем, как ехать ей к Лопухину, приходит к батюшке да говорит: «Да об чем мне, дядюшка, Лопухина просить?» А ты думаешь, что она дело свое насквозь знает, как кажется. Неудивительно, что ничего она не сделала за три года в Петербурге.

Константин. Вена, 7 октября 1808 года

Батюшка был совершенно прав, заставив тебя пробыть с ним еще 18 дней. Что бы ты делал в Петербурге? Ведь и я тебе то же советовал.

Чарторыжский проехал тут, пробыл не более двух дней. Он постарел. Он поехал к отцу своему в Италию, а после возвратится в Россию, поскольку у него только шесть месяцев.

«Чем тебя я огорчила» – это моя любимая песенка. На корабле еще мы пели, и здесь ее все поют, а Лунина [позднее графиня Риччи, умершая в глубокой старости в селе Раменском под Москвою у приютившего ее князя Александра Федоровича Голицына-Прозоровского] как ангел – то есть поет ее. Между прочим она мне сказала, что ты никогда ее не слышал.

Невозможно писать, прерывают меня всякую минуту. Насчет Манзо: его секретарь Серво с ним поссорился и приехал сюда на него доносить, что в наследстве Скавронской [скончавшейся в Неаполе; она была по мужу теткою проживавшей в Вене княгини Багратион] утаил он от наследников множество вещей и денег. Он предложил княгине дать ему полномочие и обещал все выручить. Полномочие дано; увидим, что выйдет из этого. Что, однако же, еще сквернее от Манзо: Серво Дмитрию Павловичу доказал, что Манзо и у него утянул более 10 000 дукатов, вексель за него подписывал и множество подобных проказ делал. Татищев погубить его не хочет, но ежели Манзо не согласится добровольно ему возвратить деньги его, то худо ему будет. Каков молодец?

Дмитрий Павлович был болен лихорадкою, которая схватила его очень круто, и вот отчего. Ему присоветовали пить Эмские воды, но с ними ходить очень много надобно, чтобы они прошли, а он пил стакана по три в постели, без всякого моциона, а тогда это очень вредно. Нарышкина совсем собралась было отсюда в Париж, но обрезали у нее у кареты ремни, и она объявила, что надобно три месяца, чтобы это починить. Я уверен, что это лишь предлог, чтобы остаться. У нее уже и паспорта были. Какое сумасбродство!

Бедный Боголюбов навьючен, как верблюд, если не сказать хуже. Совестно просить его брать посылки, ибо имеет четыре серебряные вазы к Румянцеву, но для тебя согласился он взять баульчик, который уже уложен. Он, однако же, пустой; ибо купец не хотел никак, чтобы в нем что-нибудь было, уверяя, что как бы осторожно он ни уложил, все бы мог испортиться.

Константин. Вена, 8 октября 1808 года

Сегодня умерла Биллера, экс-министра, жена. Сегодня получили мы также известие, что на его место в Мюнхен назначен Барятинский. Татищев говорит, что он ему большой приятель и что ежели некуда будет тебе деваться, то можно с ним быть в Мюнхене; но мне кажется, что Дмитрию Павловичу самому скоро дадут место, как ни крепись. Сегодня ждут сюда графа Толстого, парижского посла бывшего. Он едет в Молдавию к армии. Жена его с ума сходит от радости.

Александр. Москва, 17 октября 1808 года

В среду был бал у бывшей княгини Прасковьи Юрьевны Гагариной, что теперь за Кологривовым. Бал кончился очень поздно; а как мне более часу езды в Слободу, лег я спать в седьмом часу и встал, вследствие того, во втором: надобно было как можно скорее одеться и ехать обедать с батюшкою к генералу Кнорингу. Меня в дом тот раз двадцать звали на вечер, – все не удавалось попасть; наконец хозяйка дает бал именин своих и зовет меня две недели наперед, чтобы я не успел получить другого приглашения, потому что Прасковий в Москве очень много.

Я приехал на бал в полночь. Ладно! Так как Кологривов очень тучен, то я тотчас его заметил и раскланялся с ним, но о существовании его жены я совершенно забыл: поставил мою шляпу, надел перчатки и пустился в пляс, а о хозяйке дома и не помышляю. Проходит с час времени. Я танцую польский с Софьей Пушкиной, переходя из комнаты в комнату, наступаю кому-то на ногу, при окончании танца оборачиваюсь и вижу... о Боже! Госпожа Кологривова! Что делать? С чего начать? «Добрый вечер, сударыня!» – или: «Прошу тысячу извинений»; но я был так смущен, что не сказал ни того, ни другого.

«Сударыня, – пробормотал я наконец, – желаю видеть вас в 1879 году в этот же день вполне здоровой, красивой и любезной, как сегодня, а себя более вежливым и менее рассеянным. Как видите, я назначаю весьма продолжительное время для моего воспитания, и потому надеюсь, что к назначенному сроку буду вполне приличным юношей». Эта шутка выручила меня из беды. Поставлено было условием перемирия, что я должен много танцевать и с бала уехать последним, что я в точности и исполнил; а хозяйка дома не преминула рассказать об этом приключении, и все общество много смеялось.

Александр. Москва, 26 октября 1808 года

Сегодня вечером я приглашен к Василию Львовичу Пушкину, где соберется много умных людей, а так как не надеюсь блистать там своим умом, то извинился, что, не имея такового, обладаю взамен его страшным кашлем. Не знаю, верно ли первое, но второе – грубейшая ложь, во избежание скучнейшего вечера. Для меня нет ничего противнее, как старание сделать такой-то день умнее обыкновенного или такой-то вечер любезнее обыкновенного. Я предпочитаю провести время в болтовне с тобой; это для меня гораздо забавнее.

Батюшка ищет повара. Отшедший от нас нашел очень хорошее место у Мерлина по 450 рублей в год.

Сегодня открылся Демидова театр; играли там какие-то поганые немцы. Я думаю, что Коцебу сошел бы с ума, ежели бы видел, как его несчастную пьесу отделали. Я был там с Реманом и Волковым, начальником полиции; мы смеялись как сумасшедшие; было очень холодно. Был между прочими один актер, постоянно согревавший дыханием свои руки, то ту, то другую. Антонио заломался в креслах также; ты можешь себе представить, с каким презрением смотрел мой Гарик на чудаков Слободских.

Константин. Вена, 27 октября 1808 года

Жить в Париже так, говорят, дорого, что смыслу нет. Вот еще пункт, меня беспокоящий, ибо здесь живу я славно тем, что имею, а ехать в Париж [то есть с князем Алексеем

Борисовичем Куракиным, послом в Вене, который перемещен был оттуда в Париж], чтобы всего себя лишать в городе, где общество не представляет никаких ресурсов, не стоит труда. Но со всем тем я решился, а Бог позаботится о прочем.

Жаль, что у вас дом Луниных отнят. Я часто к ним забегаю. Они очень меня трактуют хорошо, и нам дочь поет «Девуцу-красавицу». Я в восхищении от этой песни. Ты мне повторяешь, что князь может мне много добра сделать. Он может, но ты знаешь, что по сие время ничего мне не удавалось; но и то правда, что я никогда ничего не просил. Увидим, что при перемещении меня или оставлении здесь для меня сделают.

Разуверь, пожалуйста, батюшку (и непременно), что я, говоря о здешней дороговизне, не имел целью прибавки мне денег. Я чрезвычайно доволен тем, что имею, и более никак не желаю. Я не хочу, чтобы он счел меня нескромным. Я знаю, что и то давая, он себя лишает. Пожалуй, разуверь его непременно.

Манзо твой наделал пакости. Татищев мне тоже говорил, что это тебя удивит; ибо, говорит он, мы всегда полагали его честнейшим человеком в свете. Княгинины деньги и вещи согласился он тотчас отдать в консульскую канцелярию, пишет к ней, что сам сюда будет: видел, что ему ничего более не оставалось делать, как все вручить Серво тотчас и не доводить до суда.

Князь непременно дня через три-четыре собирается уехать. Тогда поотдохну. Вообрази, что по сие время не знаем, кто сюда будет. Я бы очень желал, чтобы то был граф Толстой, но этому не бывать. Я с ним познакомился немного покороче. Просидел вчерашнего утра часа с два с ним. Молодец и милый человек. Государь не очень расположен перемещать его в Парижскую миссию из нашей. Ты все это лучше меня узнаешь в Петербурге. Я же не говорил еще князю о том положительно, чтобы дела не испортить. Наперед посмотреть нужно в Петербурге, решит ли государь согласиться на его требование, в чем сомневаюсь, тем более, что Парижская миссия и так велика, и государь ею доволен. Впрочем, не будет ли сюда послом Татищев? Здесь сильно об этом говорят. Он же совсем собрался ехать и опять остался.

Весь город наполнен вестью о перемещении князя Александра Борисовича в Париж; полагают это верным, потому что Толстой назначен уже к армии князя Прозоровского, а за князя, говорят, государь император заплатил 200 000 рублей долгу. Буде то и другое правда, кажется, сомневаться нельзя, что последует перемещение князево.

Батюшка ждет с великим нетерпением писем от тебя, дабы знать правду, а паче всего, какая будет твоя и, следовательно, моя участь. Все у него спрашивают: поедешь ли ты в Париж? Первое твое письмо все разрешит. Сегодня приходит иностранная почта, но я отозван на целый день обедать к Пелли, одному англичанину, батюшкиному приятелю, а ужинать – к Хованским.

Петербург и Москва в великом огорчении по случаю смерти генерал-адъютанта князя Михаила Долгорукова, убитого под Индельсами шведским ядром. За несколько дней перед смертью был он за отличие пожалован генерал-лейтенантом. Боятся, что отец и мать, которые по сие время не могут успокоиться от смерти первого сына, не перенесут сего удара в престарелых своих летах. В день получения сего известия в Петербурге, по воле его императорского величества, был отменен театр. Я покойника знал очень коротко и был с ним дружен; в Неаполе были мы всякий день вместе, а потом переписывались. Если бы он был жив, то стал бы героем России⁵¹. Потеря эта всеми оплакиваема. С тех пор, что ваш Гагарин [князь Павел Павлович?] в Вене сделал штучку эту с Цызыревым, все Гагарины перебесились. Вообрази (пишут из Петербурга), что мой князь Павел, генерал-адъютант, женится на какой-то модистке, а другой Гагарин, что имел Балабину за собою, женится на актрисе Семеновой, – это Жорж русской сцены. Не желал бы я, чтобы тем же недугом заразился и Гриша.

Константин. Вена, 4 ноября 1808 года

Не первый уже раз батюшка уничтожает свои обеды по положенным дням, ибо всегда наедет народ, ему неприятный. На эти обеды надобно бы ему назначить, кого он раз навсегда иметь хочет, и никого не дожидаться, а не то, пожалуй, тотчас трактир из его дома сделают. Посол уехал второго сего месяца. Анстет остался поверенным в делах. Я, наконец, могу поотдохнуть. Я в этом весьма нуждался.

⁵¹ Двоюродный его брат, Владимир Сергеевич Толстой, неоднократно передавал нам, что этот князь Долгоруков влюблен был в Екатерину Павловну, что великая княжна отвечала ему взаимностью, что император Александр соглашался на этот брак и писал о том к матери молодого князя и что это письмо сохранилось в ее имении, Рязанской губернии.

При отъезде повторил он мне, что ненадолго расстанемся, и прибавил, что теперь надеется, что государь не откажет ему в последней просьбе, о коей он писал, как ты видел из копии с его реляции. Князь много плакал. А как вспомнил я, что, может быть, мне самому придется скоро выезжать отсюда, так стало грустно, что описать тебе не могу. Сам я смертельно бы желал в Москву съездить, но не вижу теперь возможности. Ежели меня переведут в Париж, то весною или летом оттуда выпрошусь курьером, а на год едучи, не миную Вены, хотя порожняком поеду. Но лучше наперед планов не делать, ибо они никогда мне не удавались.

О твоём отъезде из Москвы я и подумать боюсь, особливо для маменьки, при слабом ее положении. Но я только минуты боюсь; после, когда успокоишься, уверен, что Фавст ее не оставит. О Татищеве я тебе выше говорил. Не выедет он отсюда, разве что от досады. Кауниц запал, его нигде не видать. Сюда приехал из Парижа граф Меттерних на несколько дней. Теперь я сижу дома до одиннадцати часов всякое утро. Какое благополучие! Но не продлится. Кто сюда будет? Нам сулят и пугают нас многими. Я думаю, что до приезда Румянцева [канцлер граф Николай Петрович Румянцев ездил тогда в Париж для переговоров с Наполеоном] в Петербург никого не назначат.

На сих днях г-н Дегар, часовщик, выдумавший летать с крыльями, первый раз подымался в Пратере и очень удачно, не думаю, однако же, чтобы выдумка его была полезною. Управлять собою не может и летать, куда хочет, также не может. Мне любопытна показалась только механика его крыльев и как он их двигает посредством пружин. Я послал рисунок батюшке.

Александр. Москва, 20 ноября 1808 года

Наконец дан государю офицерский праздник в Петербурге. Уваров с женою принимали и угощали. Был смертельный холод: музыкантов заглушали все кашлем. Дамы в паутинных своих платьях перемерзли; наконец дошло до того, что фуриозо, соскакивая с веревки, сильно расшиб себе ногу.

Константин. Вена, 14 декабря 1808 года

Должен тебе рассказать, что со мною третьего дня случилось. Перед обедом сижу у княгини [Багратион]. Приезжает Дмитрий Павлович, говорит, что имеет нужду с нею наедине поговорить, пошел к ней в спальню; мы все сидели в гостиной; несколько минут спустя вызывают Малько, потом все они пришли назад. Сели обедать. После обеда, по моему обыкновению, сижу у камелька и думаю. Княгиня выходит с Уваровым, потом приходит назад, зовет меня к себе. «Любезный мой кавалер, поздравляю вас». Что такое? Надевает на меня Мальтийский крест и подает на ленте. Все это было сделано очень любезным образом со стороны мадам. Он получил патент утром и сумел найти подлинный способ сделать дело весьма для меня приятным, заставив мне уплатить это доказательство его дружбы руками женщины, которую я люблю больше всего в свете. Тут я догадался, что означали все их «поговорить» до обеда. Я поблагодарил Татищева как первого и единственного автора всего этого. Он мне сказал, что я могу носить крест, и что довольно, чтобы я тебе послал копию удостоверенного кинографа, чтобы меня признали в Петербурге. Вот она; делай с нею что угодно и скажи мне, что надобно делать, ибо, несмотря на то, что о сем говорят, я не буду носить креста, пока все окончательно не улажено.

Напиши мне, что батюшка скажет, и, пожалуй, устрой все с Мезоннефом или с кем нужно. Надобно, говорят, внести в календарь. Ты все это лучше знаешь, как давний кавалер.

Карнавал приближается, но в сем году неважен будет. Никто не собирается давать балы. Будет их несколько во дворце. Это не самое интересное, что здесь есть. Только празднества вознаградят меня за все это. Было одно вчера, но весьма неважное, и, однако, я там позабылся.

Я нашел маски, которые мною занимались. Я пообедал вчера у Сапеги. Мы славно пообедали и особливо очень весело. Женщин не было. Наелись, напились.

Наполеон вошел в Мадрид 4-го, но опять выехал на другой день в Париж, а без него его брата поколотят.

Князю Париж не нравится. Он нездоров и духом, и телом. Сожалеет о Вене. Князь поссорился с Румянцевым и никак не хочет в Париже остаться, но не говорит об этом.

1809 год

Александр. Москва, 1 января 1809 года

Я остаюсь в России, в Москве, с батюшкою. Знай это покуда про себя, а в свое время напишу я сам Дмитрию Павловичу: я почитаю для себя обязанностью подробно его известить о причинах, побуждающих меня разлучиться с ним. Одно только такое обстоятельство могло меня заставить не с ним разделять службу, время и проч. Ты его понемногу приготавливай к этому.

Возвращаюсь к себе; я скоро, то есть, может быть, на этой неделе, пушусь, с Богом, в Петербург. Полетика, Боголюбов воспевают мне любовь Салтыкова⁵² к справедливости и праведным требованиям. Я крепко надеюсь на его пособие; буду просить перейти в Архив с сохранением секретарского жалования без курса; что выслужено, то отнять не можно без какого-либо повода основательного негодования. Вот что буду я просить вместо награждения за мою ревностную службу, столь жарко Дмитрием Павловичем засвидетельствованную. Поспешу ехать до возвращения Румянцева, чтобы вернее достигнуть успеха: мои петербургские друзья ручаются мне за него (разумеется, они все говорят о кресте моем, не зная моих настоящих намерений). Итак, прощай, Париж, Константинополь и проч.

В Петербурге праздник за праздником для их прусских величеств; чудо будет, ежели им не отморозят носов. Были производства, но мало: нашему Салтыкову дали Александровскую. Князя Павла Гагарина дом на набережной сгорел со всеми сокровищами покойной жены и проч.; сгорел от него самого: зажег камин в кабинете, запер комнату ключом и сам уехал на весь вечер и ночь. Ничто ему, скупердяге! Никто об нем не жалеет. Шереметев умер как святой, оставив все имения малолетнему своему ребенку, а в случае его смерти – все казне; родня бесится. Пенсионов оставил тысяч на сто. Государь апробовал [признал действительной] духовную. Умер также Шувалов [граф Петр Андреевич], что на Щербатовой женат, оставив много детей, 600 000 долгу, а имения нет. Под конец пил с отчаяния.

Константин. Вена, 1 января 1809 года

По сие время не решена загадка, кто сюда будет послом. Здесь теперь целый собор послов и министров. Строганов также приехал умножить их число. Какое-то ему будет место? Графиня Самойлова также здесь, я ее не видал, но говорят, что она все еще прекрасна. Так вы находите, сударь, что ничто не может сравниться с пением княгини Натальи? Я согласен и вижу, что вы в умилении.

Ваш купец Симеон батюшке наврал о парижской дешевизне. Все пишут, что мочи нет. Карета (я тебе привожу это как статью, которую ваш купец считает одною из самых дешевых) стоит 25 луидоров в месяц. Князь сильно жалуется на дороговизну. Описывает нам иные статьи, кои с Веною сравнить нельзя. Я верю, что в Париже можно жить даром, но чтобы дешево было жить, это пустяки, кои всеми опровергаются, кои там и оттуда приезжают.

Карнавал начался. Балов немного будет в нынешнем году, редуты начались, а в Аполлоновой зале в последнее воскресенье было до 7000 человек. Я там пробыл только до 11 часов и поехал в редут, который меня гораздо более веселит.

Константин. Вена, 3 января 1809 года

Наконец представление князево произвело свое действие, и мои дарданелльские труды не остались без награждения. Теперь, чистосердечно тебе признаюсь, одна мысль портит мое

⁵² Князя Александра Николаевича, который был товарищем министра иностранных дел, графа Румянцева.

удовольствие, а именно: что для тебя ничего не сделали, хотя ты гораздо более меня заслужил. Непременно надобно, чтобы Татищев вновь представил прямо государю. Я с ним поговорю и счастлив буду, ежели тебя поздравлю скоро кавалером. Мы все шли вместе; больно бы мне было иметь знак, которого бы ты не имел.

Константин. Вена, 11 января 1809 года

Мы сами теперь, хотя и не по уши в веселии, как вы, но поздно очень ложимся: то редуты, то маленькие балики, то вечеринки, но никогда прежде двух часов домой не приходишь. Балов, кажется, немного будет. Эстергази, Лихтенштейн не собираются веселить публику. Надобно, стало быть, утешаться редутами, и я там развлекаюсь по-королевски.

Всегда находили во мне с тобою много сходства. Недавно еще Лизакевич хотел меня уверить, что я проезжал чрез Кальяри. Я всегда с этим соглашаюсь с признательностью. Я неоднократно тебя просил от меня Урусовым кланяться. Он человек весьма добрый, а она премилая женщина [сестра Дмитрия Павловича Татищева, с которым Александр Яковлевич Булгаков служил в Неаполе]. Надеюсь, она питает ко мне дружеские чувства; что до меня, то я к ней искренне привязан.

Дмитрий Павлович опять вдруг собрался отсюда вон. Хотел через неделю непременно ехать, застать Карповых в Венеции и Милане. Говорил о паспортах. Я предоставил ему говорить и делать, догадываясь о причине. Кажется, тучи рассеялись, и хотя он продолжает говорить об отъезде, но уже мало. У меня состоялся долгий разговор с ним насчет тебя. Вот результаты. «Я думаю, – сказал мне он, – что ваш брат напрасно покинул бы Россию, пока ничего не решено касательно меня самого. Напротив, надобно ему оставаться, чтобы быть там в минуту, когда меня назначат на какое-нибудь место. Тогда он сможет тотчас просить о помещении своем при мне. Сие не замедлит случиться, и я опасаюсь, что, ежели его не окажется в это время в России, как бы не назначили кого другого. Вы знаете, как я люблю Александра и вас. Вы можете легко себе представить, как я был бы этим расстроен!» Потом много мне говорил о дружбе его к тебе и кончил, как обыкновенно, рассказывая несколько анекдотов о вашем житье в Палермо. Я все надеюсь, что он отсюда не уедет; мне кажется, хотя нахожу примечание его весьма справедливым, что ежели бы ты имел обещание, но положительное, что тебя с ним пошлют, где бы он ни был, то мог бы сюда съездить. Он сам уверен, что ты в Москве влюблен, но знаешь ли что? Я сам начинаю ему верить. И я его одобряю, лишь бы это не зашло слишком далеко.

Послушай, но это опять только для тебя одного: Стакельберг сюда назначен; это верно, ибо сам о сем пишет. Ежели чуть мое парижское дело замешкается, то я весною или летом хочу приехать к вам месяца на два. Ежели ты еще в Петербурге будешь, то вместе поедем в Москву и утешим наших любезных, собравшись все вместе к ним. Этот проект трудно осуществить, но желание мое столь сильно, что я сумею сгладить все трудности. С Божьею помощью все устрою; но прошу тебя о сем не говорить никому – не для того, чтобы желал я им сделать сюрприз, но чтобы не подать пустой надежды. Из Парижа пишут, напротив, что граф Румянцев не собирается еще в Петербург. Я получил от князя преддружеское письмо, на которое также сегодня отвечать должен.

Генерал-майор [Глазенап], у которого Гагарин отбил невесту, дает бал, который (говорят) должен ему стоить 3000 рублей, что невероятно. Граф Разумовский также хочет дать бал в своем новом доме. Этот будет великолепен. Пикники редутские очень красивы. Поскольку балов нет, все туда ходят и там танцуют. Стакельберг писал Анстету, чтобы ему дом найти, но не назначил еще времени своего приезда. Посмотрим, что это такое. Мне его жаль, что он преемник Князев. Вечером я познакомился с графиней Самойловой. Ну, брат, как она переменялась! Но я не удивляюсь, когда думаю о празднике в греческом кадетском корпусе, где она была во всей своей красе, а мы были только мальчиками. Она, кажется, прекрасная жен-

щина; но кто меня совершенно покорил, это барон Строганов [Григорий Александрович, впоследствии граф]. Невозможно иметь лучшего обхождения и быть любезнее.

Александр. Москва, 14 января 1809 года

Такая стужа! Все термометры лопаются. Третьего дня, вообрази, было 35 градусов замерзания. Со вчерашнего дня только 22 градуса, и все радуются. Сегодня пошел снег, – это делает перелом стуже. Нет почти лакея в доме, у которого что-нибудь не было бы отморожено, а у твоего Яшки заморожена верхняя губа.

Говорят, что после славного праздника, данного их прусским величествам в Таврическом, дворец сей на другой день сторел почти весь.

Константин. Вена, 21 января 1809 года

Ты жалуешься на балы, и у нас, брат, не лучше: всякий день танцуем до упаду. Балы начинаются поздно, продолжаются до 6–8 часов, а иногда еще 2–3 бала в день, так что мочи нет, а отказать нельзя; к тому же редуты, пикники, а мне, по моим обстоятельствам, везде быть должно. Как успеваю – не могу сам понять, а еще удивительнее – как сношу все это. О несчастьях Вены повторять тебе не буду, писал о сем подробно батюшке, с тобой же поговорю о веселиях. Граф Разумовский дает славный бал на этих днях. Другой – у княгини Любомирской, у графини Пальфи, у Балша и проч., и проч. Во дворце всякую неделю преславный бал. Всякий раз собираюсь не танцевать, но никак нельзя. Я ангажирован на все тампеты с графиней Траутмансдорф, а во дворце всегда их танцуют.

Мы завеселились и напугались: Дунай так распутился, что стал мосты срывать и топить город. Сейчас получили мы от Штакельберга письмо. Он пишет, что еще официального назначения не получил, но уже заказывает здесь ливреи. Василий Долгоруков проехал здесь по дороге в Жасси. Он похудел и стал очень хорош. Он славно развлекался в Париже. Я получил письма от Григория, который все тот же добрый мальчик, каким и был. Князь мне тоже пишет очень дружеские письма и полные доброты. Он превосходный человек и лучший начальник в свете. Княгиня, слава Богу, здорова. Была на последнем придворном балу всех лучше, и всегда, где бывает, первая. Она очень похудела, и к ней это пристало. Теперь походит она на пятнадцатилетнюю девушку.

Вообрази, что на днях был я на балу у графа Коловрата, который кончился завтраком в 9½ часов утра. Готов парировать, что такого в Москве не случается.

Княгиня с Манзо еще не кончила. Все еще есть крючки. Сегодня должен ко мне быть Серво, чтобы окончить разбирательство реестра, присланного от Карпова, и который не согласен с запискою Манзо.

Александр. С.-Петербург, 1 февраля 1809 года

Я выехал из Москвы 24-го с флигель-адъютантом Бальменом и с Логиновым⁵³, служившим при Лондонской миссии: милые ребята, сделавшие мне дорогу чрезвычайно приятно. Она совершилась благополучно: я только нос отморозил, но теперь все прошло. Крайне для меня было приятно застать здесь милого Боголюбова. Я у него стал сначала; но так как он живет с сестрами, чтобы их не беспокоить, переехал я возле него в *Северный* отель. Мы всякий день и беспрестанно вместе.

Прибыл я сюда 28-го, а на другой день был уж допущен к Салтыкову, благодарил его за то, что мне дал преимущество пред прочими просителями, хотя я был за глазами, и представил

⁵³ То есть с Николаем Михайловичем Лонгиновым, сыном харьковского сельского священника, поступившим на гражданскую службу из причта Лондонской посольской церкви и благодаря высоким качествам ума и сердца поднявшимся высоко в службе и в обществе.

причины, не позволяющие мне продолжать службу в чужих краях и удерживающие меня возле батюшки, коему под старость нужна подпора. Граф очень одобрил меня; я ему в двух словах рассказал мою службу, подал ему записочку об ней; он читал ее со вниманием и положил в карман, сказав: «Мне не нужно было и читать эту записку для того, чтобы отдать должную справедливость как вашим способностям, так и вашему усердию; я знаю, как вы и ваш брат относитесь к службе. Но разве вы хотите совсем бросить службу?» – «Нет, граф, я никогда не брошу того поприща, к которому чувствую влечение; но отец мой желает, чтобы я перешел в Московский архив с жалованьем, какое получаю в Коллегии». – «А как оно велико?» – «Тысяча рублей». – «Что ж? Это очень легко устроить; желание ваше и справедливо, и умеренно». – «Все лица, оставшиеся на службе, – прибавил я, – всегда находили доступ к вашему сиятельству, вашему правосудию и покровительству, и я смею надеяться, что и мне не будет отказано в поддержке; а так как я имею счастье быть принятым вашим сиятельством, то покорнейше прошу прочесть отзыв обо мне г-на Татищева. Мне очень неловко восхвалять самого себя, но я могу сослаться на свидетельство как всех моих начальников, так и лиц, коих имею честь знать».

Граф не обещал мне хлопотать о кресте и сказал, что он не может представить государю отзыв Дмитрия Павловича, написанный более года тому назад. Я сказал ему, что могу написать г-ну Татищеву, который охотно согласится вновь написать столь справедливый отзыв. Граф заметил мне на это, что, когда придет депеша, Румянцев уже возвратится. «И если бы граф, – прибавил он, – расположен был сделать для вас то, что я сделал для вашего брата, он не имел бы более подходящего для того случая, как ваш приезд из Палермо».

Хотя этот разговор и не обещает мне ничего, кроме места в Москве с сохранением моего жалованья, но я тем не менее очень доволен тем, что Салтыков говорил со мной так ласково и откровенно. Боголюбов уверяет меня, что он никогда ничего не обещает, так как его обещание бывает несомненно; но он часто без обещания делает одолжения. Да благословит их всех Господь! Что до меня касается, то мне так надоела служба, что я совсем бы ее бросил и без воли батюшки, потому что все честные люди, служащие добросовестно и с усердием, всячески притесняются, а проныры возвышаются во вред людей способных. Бородавицын, не имеющий понятия даже о географии, едва знающий русскую грамоту, один послан в Персию для дипломатических сношений; он сделан коллежским советником, а другие 54 статских советника, которые старше его, остались назади. Кресты, чины и пенсии так дождем и сыпятся, но всегда находится какой-нибудь дождевой зонт, который меня предохраняет. Будь я честолюбив, меня давно задушила бы желчь.

Эти пять дней, что я нахожусь здесь, всеобщее внимание, похвалы, расточаемые мне, и уважение ото всех вознаграждают меня вполне. Ни кресты, ни почести не дают этого. Я в восхищении от того, что иду, хотя в миниатюре, в паре с Дмитрием Павловичем. Кто легкомысленнее его? А между тем его более, чем кого другого, признают за человека достойного. Единственно, о чем я жалею, удаляясь с поприща (которое, признаюсь тебе, страстно люблю), – это то, что не придется мне, быть может, разделять трудов Дмитрия Павловича, которого люблю сердечно. Коль скоро доложено будет о перемещении меня в Архив (ибо и для эдакой бездельницы надобен доклад), и что будет сообщено Коллегией в Москву, тотчас уеду из пропасти этой. Мне грустно по Москве; а здесь тоска, как ни ласкают меня всюду. Искать, право, не умею, язык не ворочается, а здесь надобно бронзовый лоб представлять, а не заслуги. Александру Пинию дали Аннинский крест за претерпленные в морской переезд неприятности. Я тебе из любопытства пришлю с первым случаем мою послужную записочку.

Не могу нахвалиться Боголюбовым: этот малый сущий демон, везде поспевает и всем умеет услужить. Он остается здесь до возвращения знаменитого Румянцева, который пишет, что Струве сделан секретарем посольства в Касселе. Это какой-то роковой человек для всех нас, даже помимо его старания и желания. Того и жду, что он воспротивится и отымет у меня место,

данное мне Салтыковым. Все дураки дивятся, что я отказал кассельское место, а до приезда моего сюда благомыслящие готовы были биться об заклад, что я места не приму, и теперь хвалят меня. Никогда бы и ни в каком случае не принял я этого места. Репман жалеет, что я не еду с ним; теперь Струве будет, я думаю, назначен; князь его в глаза не знает.

Здесь часто бываю я вот где: у Ивана Алексеевича, у Орловых, которые тебе кланяются очень; у них живет граф Чернышев, приехавший на малое время за делом и с коим я ворочусь, вероятно, в Москву; у княгини К.Ф.Долгоруковой, у Александра Львовича Нарышкина; вечера часто провожу у графа Воронцова молодого; у него живут Бальмен и Логинов; мы занимаемся музыкой, поем и проч. Кстати, Александр Бальмен послан к вам; кланяйся ему от меня, а от здешнего княгине Багратион. Я в восхищении от Дюпора, он чудесен; Жорж я еще не видал. Вот острота Александра Львовича: мы приезжаем к нему с Боголюбовым, которому он делает упрек за то, что тот не был у него накануне, когда был концерт, в котором участвовал знаменитый виолончелист. Боголюбов извиняется и говорит: «Я не осмелился прийти, узнав, что это был ангажированный вечер». – «Как ангажированный!» – отвечал Александр Львович. – Я ангажирую только свои бриллианты и свои имения».

Последнее мое странствование по Корсике, Сардинии и проч. довольно интересно; но мой дневник ты окончил как раз на том, где путешествие мое только начинается. Ты говоришь, что до Испании еще не дошел и что теперь читаешь все еще про Евангелистку; это меня насмешило⁵⁴.

Егорка, паж батюшкин, теперь в заточении, прогнан к дворникам батюшкою за поступок, заслуживающий поистине медаль. Вообрази себе, что он умел вытащить из кармана у Оливьеры-рагузейца кошелек, взять из него два целковых и опять в карман положить кошелек. Когда же это сделал? В глазах десяти человек, покуда мы играли в вист. Каков хватик! Вот блестящие способности! Его драли в продолжение двух недель чуть не ежедневно. Оливьеры настаивает, что его следует повесить, так как он обещает многое.

Вчера ужинал я у графини Головкиной; тут был Салтыков наш. Жена его со мною тотчас познакомилась, выучила меня вальсу, ею сочиненному, а я ее своему вальсу выучил; заставляли меня, несчастного, петь «Когда ты меня любил», «Per una volta solta» и проч., что так любит Дмитрий Павлович; эта ария произвела восторг. Салтыкова пригласила меня бывать у нее и для начала позвала меня завтра обедать к себе. Головкина говорила графу о моем деле и сказала ему, что я ужасно боюсь возвращения графа Румянцева. Салтыков на это улыбнулся и поручил Боголюбову сказать завтра Вестману, чтобы он приготовил к четвергу доклад, так как это день, когда он работает с государем. Быть может, одна итальянская ариетта сделает то, чего не могли сделать целые пергаменты о моей службе. Позже приехала также Марья Антоновна Нарышкина; я был ей представлен. Почему она тебя знает? Так как она, узнав, кто я такой, сказала, обращаясь к графине Головкиной: «Я бы узнала сама, потому что он очень похож на своего брата». Играли в лото, смеялись, еще заставляли меня петь и играть на клавинодах. Нарышкина звала меня к себе, и я уж был с визитом у нее. Это, ей-ей, находка, которой я пренебрегать не стану, а напротив того, приложу все старание, потому что счастье такое привалило: можно стать камер-юнкером! Но Бога ради, чтоб это осталось между нами; даже здесь я никому этого не поверяю, потому что объявить такую вещь, и она потом не состоится, – это стать всеобщим посмешищем.

Кочубей мысли свои переменял, перебрался на французскую сторону и интригует в Париже: хочет княжое место*; князь это видит и радехонек. Румянцева оставил уже Париж и едет сюда; очень сердит на себя, на Александровскую ленту графа Салтыкова и вообще на

⁵⁴ После неаполитанки (Евангелистки) ему вскружила голову одна испанка. Александр Яковлевич неоднократно упоминает о своем дневнике. Где он, нам неизвестно. От одной из внучек А.Я.Булгакова слышали мы, что этого дневника было несколько томов. То есть место посла в Париже, которое занимал князь А.Б.Куракин.

всех; везет с собою стыд и раскаяние напрасной езды. Салтыков так дела устроил, что Стальберг не будет послан в Вену; он к Татищеву хорошо очень расположен. Мезоннеф, которого мы всегда почитали шельмою, страшно и явно интригует против грессмейстера: того и гляди, что сам себе шею сломит. Лобанов дуется, что прусский король не дал ему Черного Орла; он хочет мстить за это государю и выходит в отставку. Этим он только оказывает всем услугу. Военная часть места его отдана военному министру, гражданская – губернатору, а по полицейской велено иметь попечение Балашову со званием генерал-адъютанта. Черные Орлы даны были королем: Белосельскому, Александру Львовичу Нарышкину, Толстому, Аракчееву, Ливену, в Берлин министром назначенному; Красного Орла – почти всем генерал-адъютантам, синодскому Голицыну и проч.

Холод нестерпимый, а каждый вечер идут спектакли, хотя афиши и объявляют о их закрытии при 14 градусах мороза. Всем, кто говорит об этом, Александр Львович отвечает, что он ручался только за превосходство спектакля, но отнюдь не за непогрешимость его термометра. Актеры все до одного тоже пришли с замечанием, что их заставляют играть, несмотря на объявления в афишах. «Господа, – отвечает им Нарышкин, – старайтесь избегать холода в ваших пьесах; но что холодно в России – какое до того дело?»

Молчанов именем князя Александра Борисовича паки просил камер-юнкерство Дивову; государь отказал очень сухо, прибавив, что уважает княжое представление, но камер-юнкерство дает или за отцовские, или за собственные услуги, а Дивов не может ни того, ни другого представить; кроме того, поведение матери его делает его того недостойным⁵⁵.

Константин. Вена, 10 февраля 1809 года

Ну, брат, ты меня обрадовал, прослезил, от восхищения видеть батюшку довольного, спокойного, а тебя счастливого. Можем ли мы менее для него сделать, как посвятить дни наши на его спокойствие; можем ли чем-нибудь в свете заплатить ему за все его милости, за его любовь, ежели не старательствами о его благополучии? Может ли для него быть что-нибудь утешительнейшего, как видеть одного из нас при себе? И эту-то часть долга ты, милый друг, уплачиваешь? Ежели бы я мог тебе в чем завидовать, то в этом; но надеюсь, что вы недолго без меня будете и что хоть на время присоединюсь я к вам, милые моему сердцу, без счастья коих я не могу быть счастлив.

Но теперь поговорим о деле не столь важном, но которое меня сильно занимает. Я совершенно с батюшкою согласен, что службу покидать не надобно, но не вижу, чтобы в Архиве для тебя была малейшая польза служить. Занимавшись важнейшими делами, мудрено посвящать себя развертыванию столбцов. Неужели не найдется в Москве места выгоднейшего? В сем может тебе мой благодетельный князь [Алексей Борисович Куракин] быть полезным. Его покровительство много значит, а исходатайствовать оное я беру на себя. Он так часто мне повторял и повторяет, что желает мне быть полезным, чтобы рассчитывал я на его дружбу, и столько мне давал опытов своего милостивого расположения, что я не сомневаюсь в его содействии.

Третьего дня, выходя из театра, нашел я в сенях на скамейке сидящую старуху. Казалось, что она была нездорова. Мы подошли к ней. Она попросила чаю. Буфет был уже заперт; пока побежали в кофейный дом за чаем, пока нашли лекаря, умерла она на наших руках. Ее человек тут был, мы велели принести носилки и отнесли ее, совсем уже мертвую, домой. Ей было 76 лет, имеет прекрасный дом и оставила более нежели на два миллиона имения.

Всегда была здорова, весь тот день была весела, поехала в театр, выслушала всю пьесу; по выходе оттуда сделалось ей дурно, и умерла от удара. Нельзя веселее на тот свет отправиться.

⁵⁵ Елизавета Петровна, урожд. графиня Бутурлина. Она жила в Париже приятельницею Жозефины.

Александр. С.-Петербург, 14 февраля 1809 года

Дивизиям Суворова, Горчакова и Дохтурова послан приказ подвинуться на границы Галиции. Пусть говорят что хотят, но я не могу помириться с мыслию о войне с Австрией, нашей союзницей во всех европейских войнах. Это будет не более как предостережение. Бонапарт уверил здесь, что стоит прикрикнуть на Австрию, как она испугается и воинственный жар ее потухнет. Государь нерешителен в своих действиях. Уверяют, будто Сперанский дал ему совет подражать в политике своим союзникам, оставить прямоу действий и думать только о своих собственных интересах, с Францией держаться политики выжидательной, не досаждасть ей и втихомолку войти в соглашение с Австрией, чтобы перейти потом на сторону того, кто окажется победителем в борьбе. Если это возможно, то, конечно, это лучшее, что можно выбрать.

Положение Бонапарта очень критическое, если не удастся ему опустошить всю Испанию и Италию. Где возьмет он войско? Нам совершенно нечем воевать, денег нет; ни англичан, ни денег! Коленкур говорит, что не надобно ни денег, ни магазинов: надобно воевать на счет неприятеля и войти тотчас в Галицию. Но кто пустит туда? Надобно прежде раза два подраться и два раза победить, а не то умрет с голоду армия, ежели не подумать заранее о корме. Все в унынии от одной мысли войны этой; цель ее еще фатальнее шведской: она нас поведет совершенно к гибели нашей. Говорят, что пишут к Толстому, к вам, чтобы предложить ему мириться с эрцгерцогом Карлом; предвидя, что он откажется, предложат Кутузову, князю Сергею Федоровичу⁵⁶; а другие уверяют, что Бенигсену. Желаю, чтобы Шварценбергу удалось что-нибудь сделать здесь в пользу своего двора; но порабощение воле Бонапарта здесь очень велико, а Коленкур стоит на карауле с железным прутком.

Ежели подъедет свинья Румянцев, не надобно ожидать ничего хорошего. Бог знает, чем все это кончится. Видя все это вблизи, я не могу нахвалиться, что удаляюсь некоторым образом от службы, которая, право, мне огадилась: теперь не может быть цели служить, а приятства службы совсем исчезли.

Батюшка препоручил мне взыскать некоторые долги здесь; коль скоро это кончу, тотчас уеду. Граф сказал мне, что вчера был наконец подписан указ мой государем. Я переведен наконец в Архив с 1000 рублями жалованья. Салтыков, ничего не говоря мне, хотел сделать приятный сюрприз и сохранить мне секретарское жалованье, и для того велел написать указ глухо, то есть: такому-то, перемещенному в Архив, выдавать жалованье, пред сим им получаемое, и велел было мне производить секретарское жалованье. Надобно быть несчастью моему: государь это заметил и сказал, что это жалованье мне не по чину, что даст другим повод тоже просить, что вследствие указа надобно мне дать по чину 1000 рублей. Салтыков жалеет, во-первых, что не удалось сделать мне приятное, а во-вторых, что не воспользовался случаем представить меня в чин за отличие; это пришло ему в голову, как не время уже было. Со всем тем надеюсь, что, ежели Румянцев замедлит быть, граф что-нибудь для меня сделает. Государь у него спросил: тот ли я Булгаков, коего Куракин к себе требует? Граф отвечал, что нет, а что это ты был в Вене. Граф нас обоих хвалил государю. Это нам пригодится на будущее время: государь будет о нас хорошего мнения. Меня очень ласкают у Головкиной, которая отрекомендовала меня Нарышкиной с лучшей стороны. Я тебе признаюсь, что мне хочется камерюнкерства: это было бы хорошо перед свадьбою. Я еще не сделал предложения, но Боголюбов ручается мне за успех. Начну действовать. К свадьбе великой княжны будут разные милости; авось-либо удастся.

Я в восхищении, что Татищев опять на ногах; государь очень к нему смягчился. Придет и его царство. Лишь бы ваши немцы поколотили французов, здесь все вмиг переменится: куда денется славный Румянцев, его и собаками тогда не отыщешь. Граф умел так славно сработать,

⁵⁶ Князю Голицыну, который и командовал русскими войсками в этой невольной войне нашей с Австрией.

что Стакельберг будет век свой *in vista*. Только и это сделано из предпочтения, которое граф дает моему любезному

начальнику. Нельзя предвидеть, что будет; статья может, что Куракин воротится в Вену и Дмитрий Павлович будет при нем, как Разумовский был при Голицыне. Хотелось бы мне, чтобы Татищев имел это в виду; при первом случае я в разговоре скажу об этом графу и увижу, что он мне ответит; хорошо, коли промолчит, так как у него это всегда означает благоприятный ответ. Кажется, Кочубей домогается места в Париже; Талейран пишет Коленкуру, что это один из просвещеннейших министров России и что он смотрит на вещи с их настоящей точки зрения. Куракин, вместо того чтобы воспротивиться, даст ему, я думаю, все возможные преимущества к достижению его цели, потому что сам князь желает возвратиться в Вену, судя по тому, что он пишет Боголюбову, а именно: «Я здесь скучаю, а по Вене не перестаю тосковать».

Очень кланяюсь Бальмену; я очень дружен с его братом: прелестный юноша. Он живет у молодого Воронцова, тоже прекрасного юноши. Смерть Салтанова меня очень тронула; это большая потеря!

Константин. Вена, 26 февраля 1809 года

Только и говорят о войне. Все идут сражаться. Князья (а ты знаешь, что это здесь значит), у которых по полумиллиону дохода, оставляют семьи свои, детей и идут служить поручиками и командовать батальонами. Сверх армии, которая теперь ужасна, сверх милиции, состоящей из 80 тысяч человек, из коих 24 конницы, поминутно слышишь, что тот дает 1000, тот 500 человек вооруженных. В Вене даже ремесленники оставаться не хотят, все идут служить. Из милиции в одной роте служат четыре брата, а поскольку тем, коих обстоятельства требуют, чтобы они остались, сие позволено – например, отцам семейств, – то капитан и объявил четверем братьям, что ежели один из них захочет остаться, то сие он устроит, и велел им спроситься у отца и принести ответ на другой день. Вместо ответа приходит отец с пятым сыном и говорит, что, вместо того чтобы взять из службы защитника отечества, пришел он предложить пятого своего сына, а как он сам вдовец, то просит, чтобы и его взяли. Отца сделали унтер-офицером, и он сам поведет к неприятелю всех своих детей. Другой себя продал канонику в солдаты, дабы брату своему, который в инсуреции и не имел лошади, доставить способ оную купить. Энтузиазм превеликий. Из всего дворянства двое только молодых людей не служат, потому что отец не хочет; они же в отчаянии. Здесь теперь ходит подписка, по коей женщины складываются, дабы доставить женам милиционных пропитание, пока мужья их в поле; в сей подписке только женщины, между прочим и императрица. Дамас хотел подписаться, но как сие одни могут женщины, то и написал он: «графиня Роже де Дамас – 25 франков в месяц».

Константин. Вена, 5 марта 1809 года

Ежели удастся тебе попасть в камер-юнкеры, очень будет хорошо. Я надеюсь, что удастся, а это сладить – дело женское, так ты хорошо делаешь, что взял эту дорогу. Видно, нашему доброму князю в Париже не заживаться. Я очень рад, что мое перемещение не сбылось. Оставить хорошее и верное место на столь неосновательное была бы совершенная глупость. У меня одно желание, чтобы князя опять сюда послом назначили; тогда все будут довольны. Ему не хочется там оставаться. Вчера получил и от него письмо, где он то же мне повторяет, и поскольку это всех устраивает, я не удивлюсь, если увижу его здесь через два-три месяца.

Александр С.-Петербург, 7 марта 1809 года

Прежде всего переговорил я с Головкиною, которая подала мне великую надежду к успеху, но не взялась за обоих просить, прибавив: «На очереди сто человек, и государь не делает этого, чтобы не раздражать всех; к тому же М.А., не зная вашего брата, едва ли захочет просить за двоих вместо одного. Что касается до вас, то я ручаюсь, что она возьмется за ваше

дело». В сем случае сделал я то, что и ты бы сделал, то есть не велел и говорить о тебе, дабы не испортить моего дела. Я уверен, милый брат, что ты меня одобришь, зная, сколь все радости у нас общи. Головкина говорила уже с М.А., а сия очень охотно взялась выпросить, велела мне сделать записочку, которую я вмиг у графини же и написал. Я тебе перепишу ее здесь, благо она коротка. Я особенно указываю на заслуги моего отца, как ты увидишь.

«Действительный тайный советник Булгаков служил 42 года. Услуги, оказанные им России в царствование императрицы Екатерины II, в бытность его в Варшаве, и особенно во время пребывания его в Константинополе, известны всей Европе. Заключение его в течение двух лет в Семибашенном замке тоже всем известно, равно как и переговоры, порученные ему вести в то время и приведшие к ускорению сдачи Крыма России. Его сын Александр, надворный советник Департамента иностранных дел, состоит на действительной службе в продолжение 13 лет, из коих 7 лет в чужих краях, служил всегда с таким усердием, за которое несколько раз был представляем к наградам, но никогда не имел счастья их получить, хотя все его сослуживцы сделаны статскими советниками и получили ордена. Он может сослаться на свидетельства: князя Чарторыжского, барона Будберга, графа Татищева и других своих начальников.

Вышеозначенные услуги его отца и его собственное усердие, не прекращавшееся до сего времени в его службе, не делают его недостойным милости быть принятым ко двору в звании камер-юнкера. Милость эта будет утешением преклонных дней старого и верного слуги отечества, который и сам бы приехал просить о ней августейшего внука Великой Екатерины, его благодетельницы, если бы годы и болезни ему это позволили».

Я старательно переписал эту маленькую записочку, и графиня в тот же день передала ее своей невестке, которая весьма ее одобрила и обещала заняться этим делом. Батюшку она называет достойным и уважаемым старцем, а меня прелестным молодым человеком. Третьего дня была она вечером у графини, играли в лото; она позвала ее к себе обедать на следующий день и, оборотясь ко мне, меня также пригласила, на что графиня вскричала: «Я в восторге, что вы приглашаете Булгакова, потому что я начинаю убеждаться, что жить не могу без него». Уезжая, М.А. напомнила мне об обеде и прибавила: «А о деле, о котором говорила мне невестка, будьте покойны». Кажется, лучше ничего желать не можно. И так вчера я обедал у нее. Графиня спросила: как идет дело ее протеже? «Предоставьте его мне», – отвечала М.А. Ты можешь себе представить, в каких я ажитациях, и выйдет, что ариетка «Цветочки» то сделает, чего не произвела служба, рекомендации и проч. Так и все на свете! Это грустно.

За столом говорили много о Вене; Дмитрий Львович сказал Шварценбергу: «По милости его брата (указывая на меня) я видел в Вене все, достойное внимания». Нарышкин часто мне говорит о тебе, хвалит тебя, любит.

Нет никакого затруднения получить позволение государя. Это все Мезоннеф упорствует в календарных сведениях. Белосельский никак не может добиться, чтобы занести туда свою жену. Мезоннеф интриган; я не понимаю, какая цель у этого человека. Досадно, что Литта принимает в этом участие и направляет Мезоннефа вследствие старинной вражды своей к Караччиола. Наш Салтыков смеется над их происками; но следовало бы ему положить этому предел. Он написал сдержанное письмо Мезоннефу; по поводу Боголюбова он сказал: «Государь, позволя надворному советнику Булгакову надеть крест, который великий мастер и проч. прислал ему, выразил желание, чтобы вы занесли его имя в число кавалеров ордена». Мезоннеф не замедлил это исполнить. Какой милый человек Салтыков! Я очень часто у него бываю с Боголюбовым; жена его подарила мне шаль на жилет. «Per una volta» производит восхищение. Вчера я дал ее Марье Антоновне. Не имею времени переписывать ее: со всех сторон просят копии. Итак, Боголюбов написал Дмитрию Павловичу, чтобы меня заместить! Экий плут, а мне ничего не говорит. Я буду в восторге, если он будет у Татищева, так как он славный малый, но слишком болтлив. Марья Антоновна спасла его от большого несчастья: государь был сердит и хотел велеть ему голову вымыть за то, что язык длинен. Я сто раз предостерегал его быть

осторожнее. Пусть это будет между нами. Боюсь, чтобы на будущее время он не был на дурном счету у его величества.

В театре давали «Сотворение мира». Нарышкину приносят афишу, где вместо *Мира* напечатано *Сотворение мира*. «Велите, – сказал он Шаховскому, – перепечатать афишку; каждый должен делать свое дело, я не хочу мешаться в дела г-на Румянцева». Про одного генерала нашего, у которого изо рта воняет, он говорит: «О, этот генерал с духом!» Этот Александр Львович неисчерпаем. Поехал в Москву.

Министр внутренних дел представил в Совет записку, в которой доказывает невозможность снабжения провиантом новой армии в случае войны с Австриею. Он предвидит такие препятствия, что готов выйти из министерства, если его мнение не одержит верха. Государь 13-го едет в Финляндию, Сперанский его препровождает, о прочих не слышно еще. Отсутствие продолжится две недели. Финляндии дана будет конституция. Румянцев приехал 28-го; уверяют, что ему худо; не очень верю этому: говорят всегда о том, чему желают исполнения. Негодование против него растет со дня на день вместе со страшной дороговизной: мука поднялась в цене с 7 рублей до 26 рублей – неслыханная доселе вещь.

Вчера я обедал у Марьи Антоновны; сам с нею говорил; она меня обласкала, обнадежила. Милая женщина дала славную причину, отчего еще не говорила государю: она доказывает, что будет говорить только наверняка, чтобы дело непременно состоялось. Можешь себе представить, в каком я волнении. Держи все это в секрете. Я в отчаянии, что не могу дать тебе ответа по поводу Мальтийского ордена. Бог знает, сколько раз был я у Салтыкова, и все не могу его застать, все нахожу жену, а его никогда; я не сомневаюсь, что он тебе устроит это дело; во всяком случае, так или иначе, а это не уйдет от тебя; носи свой крест там, а я здесь буду хлопотать.

У нас будут шитые мундиры. Румянцев привез рисунки из Парижа; государь их опробовал, скоро выйдут.

Александр. Москва, 29 марта 1809 года

Я приехал сюда третьего дня. В Клину бросил Антонио с Гришкою и кибиткою, а сам поскакал на перекладных; в восемь часов был в Москве, несмотря на дьявольскую дорогу; но зато и теперь бока еще болят. Батюшка очень обрадовался: боялся, что я пропущу зимнюю дорогу и заживусь в Петербурге. Долго мы очень болтали, пришли Фавст, Чернышев и Жанно, узнав, что я приехал; пили все вместе чай. Батюшка в свое время лег спать, а я – к Фавсту, у которого ночевал.

На другой день опять долго поутру говорил с батюшкою. Он говорил мне об известном письме, о котором я писал тебе подробно из Петербурга и в котором я говорил ему об N. Вот его слова: «Ну, братец, я получил письмо, в котором ты мне говоришь о княжне, думал много об этом; ты знаешь чванство князя Василия, знаешь также состояние моего кошелька. Княжна, конечно, ангел, но я вижу много затруднений. Прежде всего, на ваше устройство нужно 50 000 рублей, нужен дом, затем платья, шали. Я хотя и не ханжа, но думаю, что если тут Божья воля, то мы не должны ей противиться». Я его прервал, сказав: «Все, что у вас прошу, это не отымать у меня надежду счастья, коим себя ласкаю». Батюшка отвечал: «Ну, увидим; Божья воля исполнится. Не доверяйся никому, будь скромн; ты веришь Фавсту как Евангелию, а он не что иное, как шалун». Княгиня Куракина (Воронцовская)⁵⁷, сестра П.П.Нарышкина, – наша поверенная; это очень достойная женщина и любит нас с нежностью, и N., и меня. У князя Василия я думал, что меня удушат от целований.

⁵⁷ Княгиня Наталья Петровна жила тогда в разводе с князем Степаном Борисовичем Куракиным. По матери своей она была родная племянница князя Н.В.Репнина, и Булгаков называет ее *Воронцовскою* по пригородной московской даче князя Репнина *Воронцову*.

Александр. Москва, 15 апреля 1809 года

Женитьба моя почти решена. У меня было несколько совещаний с батюшкой. Мне казалось, я замечал в нем холодность; вместо того оказывается, что после моего знаменитого письма из Петербурга он не переставал заниматься сглаживанием препятствий. Он мне сказал, что возьмет на себя расходы по моему обзаведению. Ты знаешь, что батюшка нам оставил по 1000 душ каждому, свободных от всяких долгов⁵⁸. Князь Василий сказал мне: «Мне плевать на то, что в городе болтают. Ты не простолюдин. Что мне до того, что Москва полна слухов об этой женитьбе».

Батюшка дал намеренно большой обед Волкову из Петербурга и Муромцевым. Катерина Матвеевна, новобрачная, там была. Батюшка был очень весел. Был тут Иванушка, дурачок Хованских. Папа заставил его плясать и бросил под ноги хлопушки. Он пошел по ним; как хлопок раздается, дурачок наземь кидается, начинает креститься и кричать, будто ему горло режут. Папа не выезжает со двора, не имея коробочку хлопушек.

Константин. Вена, 18 апреля 1809 года

Ты, я чаю, знал генерала Линденау, который всегда гулял по Пратеру в мундире и примечателен был по своей странной фигуре. Он был с эрцгерцогом Людвигом, и ему приписывают оплошное его поведение. Говорят, что эрцгерцог, когда его поколотили, спросил у Линденау: «Что же будут говорить о нас в Вене?» Линденау отвечал: «Скажут, что один из нас молодой принц, а другой – старый осел».

Ежеминутно ожидают новых известий, кои я вам тотчас напишу. Впрочем, император не только не робеет, но будет воевать до последнего человека. А для того, что генералиссимус потерял несколько тысяч человек и свою позицию оставил, неужели Австрия погибла, Австрия, у которой 26 миллионов подданных? Неприятно только то, что, может быть, война будет производиться не в империи, а у самых границ, а может, и в границах здешних; но и сие еще не решено, ибо эрцгерцог в Каме с более нежели 100 тысячами войска, Тиллер в окрестностях Браунау с 60 тысячами. Сегодня выходят батальоны милиции 30 тысяч человек, а французы, бесспорно, сильно ослаблены потерями в Италии, Тироле, победою Тиллера, да и самим сражением с эрцгерцогом.

Ежели, паче чаяния, французы разобьют совершенно армию австрийскую и придут сюда, то наперед всем иностранцам, а стало, и дипломатическому корпусу, придется оставить Вену; вот что мне бы весьма неприятно было, не имея теперь денег; но и сие может поправиться, когда ты, милый друг, будешь в Москве: ибо батюшка мне пишет, что тебя только ждет, чтобы мне их прислать. Ну, брат, здесь все становится дороже, а мне еще труднее жить тем, что теперь имею; но о сем я тебе уже довольно говорил. Поговорим-ка о твоих делах. Мое нетерпение узнать, как ты в Петербурге все кончил и как главное твое дело идет, – чрезвычайно. Не могу дожидаться твоих писем, но надеюсь всякий день не лечь без них спать, ибо ты, верно, из Петербурга еще писал ко мне по почте, ежели не имел курьерской оказии.

7 июля 1809 года скончался в Москве отец братьев Булгаковых Яков Иванович, товарищ князя Потемкина по Московскому университету и деятельный его сотрудник по служению родине. До конца долгой жизни сохранял он равновесие общительного своего нрава и еще в июне того года был в театре и ездил в Валуево (подмосковную графа А.И.Мусина-Пушкина). Летом же 1809 года скончалась и Екатерина Любимовна Шумлянская, мать его двух сыновей.

Перешедший на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел А.Я.Булгаков 27 августа 1809 года женился на княжне Наталье Васильевне Хованской и с

⁵⁸ Братья Булгаковы не получили вполне наследства после отца своего; Анна Петровна Колтовская (двоюродная их сестра) завела с ними тяжбу об имении, продолжавшуюся много лет, доходившую до государя и проигранную ими.

той поры жил в Москве, в течение с лишком полувека почти без перерыва. Брат его Константин, приезжавший перед тем из Вены в Россию и бывший (кажется) при кончине своих родителей, поехал в Петербург хлопотать о наследстве после отца. У Я. И. Булгакова, кроме известной нам сестры Мавры Ивановны Приклонской (дочь которой Елизавета Васильевна была замужем за князем Сергеем Ивановичем Голицыным), была еще сестра, и у нее остались три дочери: Александра, Вера и Анна Петровны: сия последняя была за Колтовским, и она-то предъявила права малолетнего племянника своего Николая (фамильное имя его нам неизвестно), состоявшего под ее опекою, на имения своего знаменитого дяди. Тяжба эта в Государственном совете была решена в пользу Булгаковых, но противная сторона подала жалобу государю. Приказано было пересмотреть дело, и чтобы оно шло обычным порядком. Ради этого в ноябре 1809 года А.Я.Булгаков ездил в Петербург, где долго оставался младший брат его, следя за ходом тяжбы.

Александр Яковлевич с молодой женою и малолетними двумя сестрами своими по матери, Шумлянскими, продолжал жить и проживаться в Немецкой слободе, в богатом доме покойного отца своего, и думал уже хлопотать о получении места с обеспечивающим жалованьем, теряя надежду выиграть тяжбу. Между тем Константин Яковлевич назначен был в Молдавию правителем канцелярии нашего главнокомандующего в войне с Турцией графа Н.М.Каменского. Таким образом, братья снова были в продолжительной разлуке, и от них осталась за это время переписка, из которой извлекаем черты биографические, бытовые и имеющие общую занимательность, опуская мелкие частности и то, что неудобно для печати.

Александр. Москва, 5 августа 1809 года

Я надеюсь, что молитвами тебя любящих ты благополучно приближаешься к Петербургу, милый и любезный брат. С великим нетерпением ожидаю первое твое письмо, дабы успокоиться, узнав, что ты путь совершил без всяких припадков, здоров и приступил к делу, столь много влияния на будущее наше благоденствие имеющему. Весь город теперь оным наполнен. Утешительно мне видеть, что генерально все одно говорят: наши неприятели покрыли себя омерзением всеобщим и бесславием; все берут нашу сторону и не сомневаются в успехе.

Князь Сергей Иванович, едва о сем узнал, как написал мне записочку, прося тотчас к нему быть на переговоры; все то, что он мне сообщил, было уже мне известно. Он чрезвычайное, кажется, принимает участие в нас, а княгиня от желчи на Анну Петровну занемогла опять. Несмотря на все это, я ничего не открыл им о наших поступках, а только просил их быть покойными: ибо, прибавил я, есть духовная, и она уже у Ивана Алексеевича Алексева, его душеприказчика, и вместо сего одного документа имеем мы двадцать для обезоружения наших неприятелей. Князь и княгиня успокоились, но заклинали, чтобы один из нас, не мешкая, поехал в Петербург. Я отвечал, что дело без того обойдется. О твоей поездке никому в голову не входит, а любящие нас обвиняют тебя, что разъезжаешь по дачам, вместо того чтобы заняться делом и ехать в Петербург.

Тетушка не хочет более видеть этих фурий, все их избегают и оставляют. Анна Петровна исповедуется и завтра идет к причастию. В каком состоянии решается она предстать перед Вселенским Судией! Она в плачевном положении и мелет вздор; теперь говорит, что уступает свою долю мне, сестра ее свою долю – тебе, лишь бы Николай получил свою. Все это делается, впрочем, только для того, чтобы втянуть нас в дело. Кому-то она сказала, что большой дом достается мне, а другой – тебе, что они мечтают лишь о части имений, которая достается Николаю, и проч. Эта женщина, по всей вероятности, станет добычей своих угрызений, ежели, однако же, есть у нее совесть. Все спрятано в надежном месте частью у князя Василия⁵⁹, частью

⁵⁹ То есть у князя В.А.Хованского, на дочери которого вскоре женился А.Я. Булгаков.

у Волкова и Фавста⁶⁰. Князь говорил вчера о деле Петру Петровичу Нарышкину; он ужаснулся и обнадежил меня быть покойным, прибавив: «Я беру на себя дать вам подписку под присягою всего Сената московского, что воля и желание Якова Ивановича были именно вам все имение свое оставить, и что иные, кроме вас, наследники быть не могут». Он предложил себя к нашим услугам и в таких выражениях, что у меня слезы выступили. Одоевский готовит донос на нас и нам говорит именно, что мы завладели неправильно, что имения на 400 тысяч, вещей на 300 тысяч, денег в ломбарде на 200 тысяч и что мы из дому выгнали племянниц бесчинным образом палкою.

Тем лучше. Чем более будет нелепостей в их поступках, тем лучше для нас. Войти в кабинет я никак не позволю, а пусть онный запечатается общими печатами; кому будет присуждено имение, тот первый туда и войдет. Впрочем, не видно, чтобы намерение их было нагло с нами поступить и опечатывать все имущество; а буде сие бы и воспоследовало, нужнейшее сохранено уже. А буде спросят, каким правом владею, скажу, что правом сына наследовать отцу; что, впрочем, есть духовная батюшкина, повезенная тобою в Петербург к душеприкащику Ивану Алексеевичу Алексею, и что, впрочем, без тебя я один не имею ни власти, ни желания им ни на что отвечать. Мое решение было всеми одобрено. Вообрази себе, что три дня после кончины батюшки дело начало у них стряпаться, — это узнал я от Баранова; и змеи сии имели дух нас видеть и ласкать, имели дух отдавать телу батюшкину долг, питая столь незаконный умысел против родных его детей!

Константин. Петербург, 9 августа 1809 года

Милый, любезный, бесценный брат. Не хочу пропустить первой почты, не описав тебе всего, что со мною было с несчастной той минуты, когда я с тобою расстался. Я уехал, как тебе известно, после полуночи и был чрезмерно скор, но это было тяжелейшее путешествие в моей жизни. Какая цель! И потом мысль, что я тебя покинул, может быть, для временных неприятностей, кои я не разделил с тобою, чрезвычайно меня мучила. Наконец я приехал сюда 8-го, к вечеру.

Тургенева не было дома. Я послал за ним и еще раз убедился, что ежели есть злые в этом свете, то есть и добрые, и у нас есть друзья. Тургенев принял дружеское участие в нашем несчастье и неприятности, которая тотчас за ним последовала. Я оделся и послал П. к Алексею, чтобы предупредить его о моем приезде и попросить о недолгой беседе. Алексей был чрезвычайно удивлен причиною, заставившею меня предпринять сие путешествие. У него было много народу, он играл, но все это захотел оставить, чтобы со мною увидеться, на что П. не согласился, но просил его уделить мне час времени на следующий день. Алексей отвечал ему, что останется ради меня все утро дома, чтобы мы могли хорошенько все обговорить. В восемь часов я был у него. Нет нужды говорить тебе, как мы оба были растроганы нашею встречею. После многих слез и объятий он усадил меня и, когда оба мы перевели дух, стал меня спрашивать, как все произошло, какие шаги предприняла Анна Петровна⁶¹, и проч. Он долго этому не хотел верить. Не могло втиснуться в его сердце такое черное дело. После он мне сказал: «Будьте покойны, это предприятие гнусное и дерзкое, которое им, кроме стыда, ничего нанести не может. Доказательства ваши так явны; впрочем, кому не известно, что батюшка для вас только и жил, всегда вами был доволен и вами восхищался. Все его письма ко мне сим наполнены. Указ был написан весьма деликатно, как государыня обыкновенно делала. Мне все кажется, что должна быть духовная батюшкина где-нибудь, тогда тотчас бы можно остудить

⁶⁰ Александр Александрович Волков, друг Булгаковых, служивший тогда одним из московских полицмейстеров. Другим другом их был Фавст Петрович Макеровский, богатый человек, по происхождению близкий к Нарышкиным.

⁶¹ У братьев Булгаковых был дядя Петр Иванович, в это время уже покойный. Он имел трех дочерей: девицу Александру, бездетную вдову Анну Колтовскую и княгиню Щербатову, после которой остался сын, князь Николай. В пользу свою, своей сестры и малолетнего племянника Колтовская и предъявила права на имения Якова Ивановича.

бессовестную Анну Петровну. Впрочем, и эта духовная хотя недописанная, но вся писана его рукою, всему свету известною, следовательно, и воля его несомнительна; а что вы его дети, кто может это оспорить и кто знает это лучше Анны Петровны? Может ли она не признаться, что это не рука ее батюшки? Следовательно, чего она может надеяться? Ничего, кроме стыда. Надобно попытаться тотчас прекратить зло в его начале, а для сего просить государя. В случае же, ежели он сего и не сделает, то для вас только может быть, признаться, весьма неприятный процесс, но который кончится в вашу пользу. Неприятен, потому что пойдет с малых судов, а там всякий толковать будет по-своему; а когда дойдет сюда, то неоспоримые вы имеете права».

Я ему говорил об указе о Стрекаловых. За ним послали, но это совсем другое. Стрекалов сделал завещание. Мы и положили писать к государю. После обеда я к нему приезжал; он мне сказал, что он еще обдумал дело, спрашивал, сделала ли Анна Петровна какой-нибудь шаг, кроме разговора с нами. Я ему отвечал, что не думаю. А в сем случае нельзя подавать письма, ибо в сих делах нельзя поступать легкомысленно. Государь может спросить, что соперники за подвиг сделали, а она может отпереться, ибо только еще с нами говорила. «А мы, – прибавил он, – будучи здесь, – мне только ваш братец напишет, что она что-нибудь сделала, – тотчас можем за дело приняться; а между тем надобно приготовить тех, кои действовать будут и помогать могут». Против столь справедливого рассуждения нечего было говорить, тем более что я совершенно с ним согласен.

Потом он мне сказал: «Анна Петровна ко мне писала, я ей, признаться, и отвечать не хотел; вот ее письмо». Она, говоря Ивану Алексеевичу о *ее* позоре и *ее* огорчении, просит у него продолжения дружбы его к батюшке и на нее с сестрою, просит позволения к нему писать и просит его совета, как ей поступать! Иван Алексеевич на сие сказал мне: «Я ей буду отвечать», – и написал тотчас письмо, которое может служить правилом и ее отвести от ее намерения. Иван Алексеевич ожидает от сего письма, что она образумится. Начиная весьма учтивым образом, говоря о дружбе к батюшке, о сожалении о его кончине, благодаря за ее к нему доверенность, говорит ей: «А как вы требуете от меня советов, то я себе долгом поставлю следующее вам сказать. Дошло до меня, будто бы вы имеете намерение оспаривать права у детей вашего дяди и благодетеля на имение, от него им оставленное. Я сему не могу верить; но ежели вы его и имеете, то сие предприятие, которое не может иметь для вас никакого успеха, покроет вас только стыдом и отвратит от вас участие всех честных людей. Кто лучше вас знает, что они его дети; кто может это оспорить? Это всему свету известно. Известно также, что его намерение было никому, кроме их, всего своего имения не отдавать. Сие доказано духовною, которая хотя и не подписана, написана вся его рукою и будет иметь неоспоримую силу, и сверх того, должен я вам сказать, что у меня в руках множество тому доказательств, против которых ничего устоять не может. Итак, я вам советую оставить в покое прах почтенного вашего дядюшки и не делать никакого подвига, о коем вы только сожалеть будете, ибо не получите никакой от него пользы; вы только отвратите от себя участие Александра Яковлевича и Константина Яковлевича, которое вам нужно». Это большое письмо было все в таком смысле. Алексеев полагает, что это ей помешает предпринять шаги в отношении суда.

Покамест, не имея возможности самому вчера отправиться на поиски Левушки [то есть Льва Александровича Нарышкина, племянника многосильной тогда Марии Антоновны] и проведя почти весь день у Алексеева, я послал Тургенева, который его вытянул. Этот добряк принял наше дело к сердцу с такой горячностью, на какую способна только чувствительная и благородная душа. Он поговорит со своей тетюшкой и вернется сообщить мне ее ответ касательно того, надобно ли мне самому принести ей письмо или же передать его ей в том случае, ежели не смогу видеть ее наедине.

Кстати, пошли мне копию грамоты императора Павла батюшке в Вильну, где он ему говорит: *да узрят сыны сынов ваших*, – и проч. Чем больше документов, тем лучше. Левушка обе-

щал в первые дни говорить своей тетке и все употребить, чтобы она взялась за наше дело, он убежден, что она, со своей стороны, все сделает.

Константин. Петербург, 16 августа 1809 года

Вчера поутру Иван Алексеевич писал ко мне, чтобы приехал я к нему для переговоров по причине свидания его с князем Лопухиным. Я явился; он сказал мне, что ездил нарочно к князю, дабы объясниться с ним. Князь, несмотря, что был занят, принял его и говорил более часа о нашем деле. Что нужно сие прекратить в начале, что он, со своей стороны, все сделает, что от него зависит. «Надобно подать письмо. Государь, вы знаете, сам не решится утвердить по оному прав их, а надобно упросить его, чтобы отдал дело в Совет. Там же, по моему суждению, не может справедливость дела подлежать сомнению. Вы знаете, – прибавил он, – что просьбы подаются чрез Молчанова, но я охотно беру на себя эту поднести *сам* государю и при сем случае сказать все, что для них может быть полезно. Я Якова Ивановича знал, вместе с ним учился. Впоследствии мы только расстались служением нашим, он – будучи в чужих краях».

Алексеев весьма доволен сим расположением князя, который нраву холодного, но за сие дело берется, кажется, охотно, а что всего лучше, берется подать сам просьбу, чего он никогда не делает и что великое сделает влияние и на прочих членов Совета, когда узнают, что он столько старался; он же будет и по сему ходатаем нашим в Совете, чтобы доказать государю, что он в справедливом деле интересовался. Не надобно давать простыть в нем сему расположению. Алексеев велел мне тотчас изготовить прошение, привезти его к нему для поправки, а потом отправить к тебе для подписания. Эх, ежели бы у меня был от тебя бланкет, тотчас бы это свихляли, пока нет здесь Румянцева, который один, может быть, будет иначе рассуждать.

Алексеев поговорит с Завадовским, с коим он очень хорош и который с батюшкой короток был. Я съезжу к князю Куракину, и всех будем к сему делу готовить, дабы оно им было известно и прежде собрания в Совете.

Все предложения Анны Петровны вздорны, и мне кажется, одни козни, а что она подерживаема священником, то сие неудивительно: во всяком звании есть изверги. Им же будет стыднее.

Пересмотри еще раз все бумаги и все, что найдется касательно до сего дела, или какие брүльоны их писем о нас, или что в журнале не сказано ли о нас, то, списав все, а брүльоны в подлиннике, пришли ко мне.

За какого Миллера выходит Волкова? Уж не за приятеля ли моего егерского генерала Ивана Ивановича, что был ранен пулею в шею, и который был в Вене? Я бы очень этому рад был. Он весельчак и очень добрый человек.

Константин. Петербург, 20 августа 1809 года

Я был вечером у Новосильцева, с которым долго говорил. Он также уверен, что все делается, как мы сего желаем, и велел мне к себе ездить.

Не поверишь, какая помощь для меня милый Тургенев.

Константин. Петербург, 24 августа 1809 года

Алексеев велел тебе написать, чтобы ты постарался как можно, чтобы в суде проволокли, чтобы позже о деле dokonчили и позже к тебе было требование. Сие легко сделать можно, и я уверен, что ты уже и сам о сем подумал. Ежели же ты получишь требование, то отвечай на вопрос, по какому праву вступил во владение? По праву детей, в силу указа от такого-то года (тот же, на который столь мерзким образом Анна Петровна ссылается), что мы были введены им в свет, ознакомлены, введены в службу как его дети и всему свету детьми его известны; что, сверх всего сего, есть духовная, которая послана в Петербург и представлена на высочайшее утверждение.

Константин. Петербург, 26 августа 1809 года

Письмо переменено в одном только месте, по причине приложения свидетельства. Вместо «сверх сего, мы совершенно удостоверены» и проч. Иван Алексеевич написал: «Сверх сего, все прочие родственники наши, в том числе родная сестра нашего родителя с детьми своими, и некоторые его друзья, ведавшие истинное и всегдашнее его о нас намерение, письменно волю его подтверждают в свидетельстве, всеподданнейше у сего подносимом. Одна только из дочерей дяди нашего, вдова надворного советника Колтовская, облагодетельствованная милостями отца нашего, забыв благодарность и совесть, обнаружила желание завладеть правами, нам одним принадлежащими».

Присланные тобою два письма, из Эдикуля писанные, в случае могут быть полезны. Спасибо тетушке, что она хотела писать к государю в пользу нашу.

На сих днях пойдем мы с Алексеевым к князю Лопухину – отнести ему письмо, кое уже написано. Он, верно, не замедлит, как обещал Алексею, представить его императору со своими соображениями. Сверх того, надобно тебе сказать, что его величество несколько осведомлен уже об этом деле и что я нашел средство заинтересовать многих лиц. Посмотрим, что из сего станется. Решающая минута недалека.

Графу Строганову говорил И.Н.Новосильцев. Они оба находят наше дело справедливым, и Новосильцев мне сказал: «Будьте покойны, все исключительно за вас... Император может решить дело, это его прекраснейшая привилегия. Я ничуть не сомневаюсь в успехе».

Константин. Петербург, 31 августа 1809 года

Решение тетушки [Мавры Ивановны Приклонской] оставить свет меня сильно огорчает. Батюшка всегда сему противился; хоть этим ее склоните остаться, по крайней мере не исполнить своего намерения до моего приезда. Постарайтесь об этом и моим именем ее попросите. Надобно ей там совершенно быть спокойной, следовательно, надобно, чтобы и дела ее были в порядке; мы постараемся их устроить. Надеюсь, что семья наша, отдалив от себя фурию и получив вместо нее *ангела*, будет теперь жить подлинно родственнически.

Константин. Петербург, 10 сентября 1809 года

Фавст писал мне о новом мерзком поступке Анны Петровны, которая не устыдилась напечатать в газетах, чтобы должники батюшкины являлись к ней. Хороши они будут, ежели только от нее имеют надежду в уплате. Она, право, с ума сошла. Я бы желал знать, что она им скажет, ежели действительно явятся? Иван Алексеевич, однако ж, советует напечатать и с нашей стороны в газетах примерно в том смысле, что с крайним удивлением усмотрели из такого-то номера «Московских Ведомостей» вызов, учиненный такою-то, имеющим претензию на покойного нашего родителя; для отвлечения, однако же, всякого недоразумения и неудовольствия от тех особ объявляем мы, что она в имении покойного не наследница, и чтобы являлись к нам. Попроси устроить такую статью кого-нибудь, кто в сем разумеет, чтобы нельзя было к ней прицепиться.

Александр. Москва, 13 сентября 1809 года

По батюшкиному завещанию отдал я в приход наш крест с частью Животворящего Креста Господня; вчера была там большая служба по сему случаю. Поп говорил приличную службу сему проповедь и уведомил прихожан, как древо это найдено, прочитав грамоту, батюшке данную, и сказал, что дети его, по повелению отца своего, доставили древо сие в приход. Это произвело революцию в квартале; есть купцы, кои уже дали драгоценные камни для украшения сей реликвии, которая будет выставлена для поклонения. Что свеч ставят уже, это страх!

Константин. Петербург, 14 сентября 1809 года

Дела не скоро делаются. Наше, признаться, идет препорядочно, но еще в Совете, потом должно идти на рассмотрение к государю; у всякого свой докладной день, следовательно, и Вейдемейер, который по Совету докладывает раз в неделю, должен дожидаться своей очереди и докладывать по порядку. Оттуда, ежели апробуется [будет утверждено], Вейдемейер сообщает волю государеву министру юстиции, который изготавляет указ, представляет его государю, а от него уже идет в Сенат. Вот ход дела; поэтому ты можешь посудить, скоро ли я его окончу; но этим огорчаться нечего: надобно иметь терпение, лишь бы кончить все порядочно, а сверх терпения надобно большую деятельность и стараться выигрывать сколь возможно времени. Ты можешь быть уверен, что я здесь не зеваю.

Константин. Петербург, 21 сентября 1809 года

Ты мне советуешь сказать Сперанскому. Благодарю тебя за совет, но не приписываю его предположению твоему, будто я что-нибудь упускаю. С самого моего приезда он был осведомлен о деле, нашел его совершенно справедливым и премного заинтересован скорейшим его ходом.

Сперанский занят в части законов, и даже в этом отношении он истолковал наше дело в нашу пользу.

Александр. Москва, 10 октября 1809 года

Я третий день как здесь: поехал наперед, дабы все в доме приготовить для приема твоей сестрицы Наташи. Я ее жду сегодня ввечеру; завтра идет почта, я заготовляю письмо это накануне. Вчера ужинал я у Пушкиных; едва вошел я в комнату, как все кинулись мне на шею, как к брату: А.И.Волкова, Афросимова, князь Федор Ник. Голицын; одним словом, все меня стали обнимать с радостными восклицаниями, поздравляя меня то с женою, то с решением в нашу пользу. Весь город только этим и наполнен. Признаюсь тебе, что я был в чрезвычайном недоумении, что мне делать и говорить; всякий говорит, от кого это слышал, кто это пишет из Петербурга; ну, я всем сказал, что ты обещаешь скоро меня обрадовать своим возвращением и просишь взять только терпение. Иные говорят, что я секретничаю; а другие, что довольно того, что ты пишешь, чтоб радоваться. Что это будет, как ты приедешь! Теперь весь город радуется, все крестятся, говоря: «Слава Богу, молитвы наши дошли до Неба!» Мне невозможно более сомневаться, милый мой, поскольку этот негодяй Одоевский сам был у полицмейстера Волкова, чтобы сказать ему, что дело окончилось в нашу пользу. «Ну, видишь, – заметил ему тот, – что ты взял на себя вещь невозможную и себя только обесславил». «О, я, – прибавил Александр, – знаю, что делать теперь! Не знаю хорошенько, что он сделает, разве что нас отравит, ибо не вижу власти превыше императора».

Волков, подлинно редкий человек, тянул дело пять недель. Доведенный до крайности, он приказал Акиму составить письменный рапорт частному приставу, что мы в отсутствии, один в Петербурге, а другой в деревне, и что он не знает, когда вернемся; а покамест написал мне не уезжать никуда из Горбова. Прошло более одной недели. Некоторое время тому назад Анна Петровна, разгадав наше намерение выиграть время, представила второе прошение в уездный суд, сильнее первого, жалуюсь, что дело затягивается и что мы продолжаем править именем, кое нам не принадлежит. Она потребовала, чтобы сделали сообщение в Рузу (поскольку Горбово к сему уезду относится), чтобы Рузский уездный суд потребовал у меня объяснений, по какому праву пользуюсь я чужим именем. Едва успел я уехать из Горбова, как судья, который почти всякий день бывает у князя Василия (добрый малый и влюбленный даже в Наташу), сообщил ему полученную из Москвы бумагу. Он будет отвечать, что меня там нет, что я в Москве; опять на дом пришлют, но бесценный этот Волков опять так все устроил, что проволочат еще неделю и более. Будет бумага в управу: Волков, который все должен приводить в исполнение, протянет, сколько будет от него зависеть, а в самой же крайности дам я отзыв, как

мы уже давно и с тобою согласились, что, кроме того, что мы наследники яко сыновья (в чем не может она спорить, ибо предъявим письма ее собственной руки, где называет нас братьями), есть духовная, которую младший сын представил государю императору на высочайшую конфирмацию. Этим заткнем рот.

Впрочем, будь покоен: мы не допустим ни до чего неприятного здесь; только, пожалуй, старайся как можно скорее доканчивать там. Я насилу мог уговорить Наташу ко мне переезжать. Она говорит, что без слез быть в доме этом не может: тебя нет, батюшки, родственников, и, кроме того, еще боязнь, ежели слишком замедлятся в Петербурге, быть выгнанными из дому. Я ставлю себя на ее место и признаюсь, что положение незавидное; но Бог милостив. Ради Бога старайся, чтобы указ чрезвычайно был ясен и не подлежал никакому истолкованию. Одоевский всем твердит: «Я сим не удовольствуюсь, не остановлюсь на решении сем». Сии слова должно презирать, конечно; решение Совета, государем всемилостивейше подтвержденное, высшей власти, никакому истолкованию подлежать не может; но мы должны быть удостоверены, что Одоевский не упустит ни единой возможности нас тревожить и огорчать.

Константин. Петербург, 22 октября 1809 года

Вейдемейер шесть недель затягивал представление императору решения Совета, а после, вероятно, чтобы поухаживать за графом Румянцевым, в коем он нуждается, он предложил его величеству спросить также мнения Румянцева. Тот же, исходя из своего принципа никогда ни в чем не соглашаться с Советом, написал мнение, кое для нас неблагоприятно. Но это не значит, что его величество более к нему прислушается, нежели к мнению целого Совета. Покамест я написал очень сильное письмо г-же Нарышкиной и, не сообщая ей о мнении Румянцева, убедил ее; я сказал о промедлении, для нас разорительном, и описал ей наше положение отчаянным образом. Я надеюсь, что письмо это будет читано его величеством и произведет свое действие. Понимаешь, хотя и нет еще ничего, что отняло бы надежду, но твое присутствие, может быть, будет здесь необходимо; так что постарайся быть готовым к отъезду, когда я тебе напишу, но, ради Бога, никому ничего между тем не говори, даже жене твоей или друзьям нашим, проболтаться можно в одну минуту. Скажи о сем, однако же, Волкову, ибо тебя это облегчит. Не отчаивайся, мой милый друг, возложи все упование на Бога, на справедливость нашего дела и на мои заботы отвратить бурю.

Константин. Петербург, 22 октября 1809 года

Алексеев, его жена и князь Голицын, который горячо интересуется нашим делом, считают, что ты хорошо сделаешь, ежели приедешь сюда. Не думай, милый мой, что произошло что-нибудь новое; даю тебе честное слово, что ничего от тебя не скрыл. Даже Сперанский того мнения, что голос Румянцева не произведет никакого действия; ибо он всегда пишет против Совета, и обыкновенно это так, будто он ничего и не говорил.

Далее переписка ненадолго обрывается, поскольку А.Я.Булгаков ездил в Петербург по той же тяжбе, решение которой было государем предоставлено общему ходу делопроизводства.

1810 год

Константин. Петербург, 6 апреля 1810 года

Я смеялся над твоей скрибоманией, любезный и милый брат, а теперь сам пришел ранее домой, чтобы начать к тебе писать. Смертельно без тебя мне грустно, а особенно мучительно мне подумать, в каких ты обстоятельствах возвращаешься, сколько неприятностей тебя ожидают, которых я и разделить не могу! Что делать? Мы уже привыкли терпеть, и, видно, для того только и рождены, но, авось, не всегда так дурно будет, авось, и мы оттерпимся.

Итак, отложим размышления, кои только усугубляют печаль, и поговорим о деле. Больно мне было расставаться с тобою; от этой печали, кажется, судьба могла бы меня избавить, но, видно, не хотела. Слава Богу, что Нарышкин с тобою поехал, по крайней мере не дает он тебе раздумываться, а не то было с чего с ума сойти. Расставшись с тобою, был я у Волковой; сидел за столом, но не обедал. После обеда ездил прощаться с Бутурлиной, которая сегодня к вам поплыла. Как-то вы, мои милые, доедете? Потом был у Пушкиных; нашел всех в величайшей грусти по нас. Добрая графиня и ее дочери плакали, и мне же приходилось их утешать. Спрашивали много о тебе. Уезжая оттуда, принужден я был обещать им, что опять к ним возвращусь ужинать; я было обещал Екатерине Даниловне, но не мог и от Пушкиных отговориться, и так часть вечера провел у почтенной Волковой, где я весьма тронут был участием доброй ее дочери, а ужинал у Пушкиных. Граф меня три часа держал, так что я домой приехал в величайшей усталости, от горести, от езды, от разговоров. Тургенев уже спал на твоей постели. Право, как взошел в комнату, как ножом в сердце кольнуло от мысли, что тебя нет. Вот как кончился вчерашний печальный день.

Сегодня поутру говорят мне, что Екатерина Даниловна у ворот и желает меня видеть. Что за добрая женщина; видно, что она мать Александра. У нее кто-то был из деловых людей и дал ей для нас совет, и для того она трудилась ко мне приехать. Право, брат, есть добрые люди на свете. Совет был не пустой. Я ездил обедать с милым Тургеневым к нашему благодетелю. Я говорил с ним о совете Екатерины Даниловны, и они совершенно одобрили, а именно – препоручить Николаю Дмитриевичу Волкову ввести нас во владение деревней.

По сие время ни Михаил Михайлович, ни другой кто мне ничего не говорил. Он не был вчера в Совете, у Ивана Алексеевича его не видел.

Я был в концерте Ромберга. Народу было множество, и я на несколько времени забыл свои горести. Играет он бесподобно; все были от него в восхищении, а он, я думаю, доволен приходом. Оттуда пил я чай с Боголюбовым и пришел домой рано, чтобы и тебе написать. Пришел, ибо тотчас отпустил карету, чтобы избавиться от лишних издержек. Никто, по крайней мере, не попрекает мне, чтобы я что-нибудь сделал против совести и рассудка, а бессовестно тратил более, нежели имел. Ничто для меня не имеет силы лишения. Море приучило меня без всего обходиться, даже без необходимого. Я не мог не сделать размышления, как непременно должно родителям детей своих определять в такую службу, где бы они могли узнать нужду. Это на всю жизнь их научает все переносить и всем обходиться.

Константин. Петербург, 11 апреля 1810 года

Вчера я в первый раз ужинал у милого Оленина. Сожалею искренно, что давно того не сделал. Провел преприятный вечер.

Государь был несколько дней нездоров. У него болела щека; не слышно и по вчерашний день, чтобы он выходил. Говорят, что князь Алексей Борисович сделан обер-камергером. Не знаю, правда ли, но я думаю, этот слух произошел оттого, что ему послали мундир придворный, шитый по всем швам, – как обер-камергерский. Вот все наши новости.

Мой Тургенев собирается говеть; говорит, что говеет, но вспоминает о сем только ввечеру, когда целый день ел скоромное. Сегодня мы обедали у Уварова.

Константин. Петербург, 14 апреля 1810 года

Наконец, вчерашнего утра, назначил мне граф [Николай Петрович Румянцев] свидание. Я был у него, и вот содержание нашего разговора.

Я описал ему наше положение, невозможность иметь до окончания дела других доходов, кроме жалованья, а оно слишком мало для содержания себя, сказал, что он давал мне слово свое нас защищать и что я явился сего требовать. «Я не могу поехать в какую-нибудь миссию за границу, пока дело не окончено. Вы знаете, что там все дорого, и мне будет невозможно жить пристойно с моим жалованьем. Я могу жить в нищете в своем отечестве, ибо здесь буду смешан с толпою; но в миссии надобно жить согласно моему чину и месту и достойно моей нации. И потом, сверх всех этих рассуждений, я не могу слишком удаляться от брата моего; дело наше может потребовать моего присутствия с минуты на минуту, и надобно, чтобы я был осведомлен о всяком шаге, предпринимаемом братом моим, и тех, кои наши противники противу нас сделают, а сообщения с заграницею медленны и дорого стоят. Стало, принужден я искать места, кое соединило бы в себе оба преимущества: не слишком удаляться мне от брата моего и иметь жалованье вместе с должностью. Так что я прошу вас поместить меня в Молдавии при главном командующем и, ежели возможно, с увеличением жалованья. В неделю я смог бы быть при брате всякий раз, как присутствие мое будет необходимо. Но прежде нежели отправляться мне на это место, я прошу вашего дозволения провести месяц – два в Москве, чтобы ускорить процесс».

Он мне отвечал: «Вы можете быть уверены, что мне хотелось бы быть полезным вам обоим и что я о сем хлопочу беспрестанно. Вам известно, что при графе Каменском есть некто Блудов, младше вас должностью?» – «Господин граф, я ставлю необходимое условие, чтобы г-н Блудов остался и чтобы мое присутствие не принесло ему ни малейшего ущерба. Я дружен с ним, и потом, в жизни своей не совершал я и малейшего дела против моей совести. Она не позволит мне причинить вред кому бы то ни было. Стало, я не хочу иметь его места, а хочу просто состоять при генерале, коему могу быть полезен, будучи хорошо осведомлен о молдавских делах из корреспонденции с нашими начальниками, которую я продолжал все время, пока находился в Вене».

«Единственная трудность, – сказал он мне, – какая может иметь место при таком назначении, это ваше старшинство в чине, но ежели возможно устроить дело так, чтобы Блудов сохранил свое место, а вы будете зависеть только от главного начальника канцелярии, я это сделаю. Дайте мне время все обдумать, завтра я иду к императору и буду с ним об этом говорить, я выдвину ваши услуги, ваше положение и постараюсь устроить все по вашему желанию. Что же до двух месяцев, кои вы желаете провести в Москве, тут возможна иная трудность: дело в том, что турецкие дела, верно, долго не протянутся, – мы надеемся, что генерал Каменский проявит достаточно активности, чтобы скоро привести дело к миру. У турок очень мало войск. Приходите, прошу вас, послезавтра, я смогу сказать вам что-нибудь более положительное, у меня будет время все обдумать и устроить к лучшему». Еще одно заверение в его нужде быть нам полезным.

«А мой брат, что вы сделаете для него?» – «Какие у него планы?» – «Будучи женат и основавшись в Москве, он едва ли может покидать сей город, где его присутствие необходимо для нашего дела. К тому же денежные ресурсы не позволят ему жить в другом месте». – «Что до дела, то у вас есть в Москве друзья, и ему надобно только оставаться в России, чтобы вести дело. Я подумал о нем, ибо надобно вам сказать, что я беспрестанно беспокоюсь об вашей участи. Г-н Львов, который при мне состоит, потерял жену, он упрашивает меня разрешить ему оставить службу, и я дам это место вашему брату, ежели он изволит согласиться. Это место, я

полагаю, на 2500 рублей. Как вы думаете, согласится ли он его принять? Справьтесь об этом месте». – «Господин граф, я не знаю, обладает ли мой брат познаниями, коих может потребовать столь важное место». – «Я его направлю, я положу на сие полгода и более, ежели понадобится; единственное, в чем я не сумею быть ему полезным, это в знании внутреннего хода дел, кое приобретается рутиною и практикою». – «Господин граф, позвольте мне не отвечать вам, прежде нежели не напишу моему брату». – «Разумеется, спросите его мнение, я сохраню это место за ним».

После сего мы говорили о некоторой сумме дукатов, кои мне должна Коллегия, и он мне сказал просить Жерве напомнить ему о сем прежде его визита к императору. – «Вы знаете, – сказал он, – что его величество вначале отказал, но я поговорю с ним снова и постараюсь их получить. Возвращайтесь в пятницу и рассчитывайте на мое усердие», – и проч. и проч.

Я не могу вспомнить все уверения, которыми наполнил он промежутки нашего разговора. Тургенев в восхищении от места, которое тебе предлагает граф, да и подлинно оно весьма важно, ежели оставят его на том же положении, на котором имел его Львов. Советовать трудно, принять ли тебе его. Место Львова – правитель канцелярии по министерству коммерции, и жалованья он, кажется, 3000, ежели не более, получает. Тургенев и Уваров думают, что его никак упускать не должно. Подумай о сем хорошенько. Не будет ли и для дела полезно, ежели ты будешь здесь? Не будет ли тебе приятнее на несколько времени удалиться от Москвы? Завтра я еще спрошу у графа, писать ли к тебе об этом, а пишу для того, чтобы ты более имел времени перед собою порядочно все обдумать. Тургенев обещался подробнее тебе писать о сем месте и его выгодах. Ежели же ты его не захочешь, то не имеешь ли другого какого в виду? Надобно о сем подумать, посоветоваться с друзьями. Я ходил теперь к Ивану Алексеевичу, чтобы с ним посоветоваться, но никого не нашел дома. Жаль очень! О всем, что я тебе писал, не надобно разглашать.

Я просился в Молдавию по всем вышеупомянутым причинам. Ежели подлинно дела там идут к окончанию, то при мире могу и я себе получить какую-нибудь выгоду, а между тем жалованье там дается серебром, следственно, и я бы имел, вместо одной, три тысячи. Не вбивай себе в голову, чтобы тут были какие-нибудь другие причины, зная мою страсть к военной службе. Это все хорошо бы было в счастливое время, а не тогда, когда я должен стараться всячески облегчать твою участь.

Константин. Петербург, 18 апреля 1810 года

Я к тебе писал с прошедшею почтою о свидании моем с графом; в другом письме прибавил тебе, что он с государем говорил и все устроил так, как я сего желал, то есть, чтобы ни канцелярия графа Каменского от меня не зависела, ни я от нее, я был бы просто при главнокомандующем при особенных препоручениях. Так оно и сделано.

Молдавские дела, вероятно, скоро кончатся, а тогда и я свободен буду, сделав свой долг. Между тем не брани меня, милый брат, что я решился с тобою не посоветоваться: это сделалось так скоро, что я не успел.

У меня есть до самой Молдавии товарищ, доктор Мазарович, который также туда определен. Мы и в Москву с ним едем; я думаю, что ему можно будет у нас прожить то время, что я с вами буду.

Константин. Петербург, 21 апреля 1810 года

Кстати сказать, нам весьма полезна может быть грамота покойного государя к батюшке; даже мы можем на ней упереться. Там сказано: *сыны сынов* ваших. Не написал бы государь сего, ежели бы у батюшки нас не было, это стоит признания; сказанное государем святым и ненарушимым почитается, а также грамоту должно всегда толковать благодетельным образом для того, кто такие услуги оказал отечеству, как батюшка, и для детей его. Все здесь этой

мысли. Я препоручил графу Алексею Ивановичу поговорить о сем с Кошелевым и дал ему копию с грамоты.

Генерал-адъютант Уваров едет в Молдавию. Князю Александру Борисовичу сделалось так дурно на церемонии бракосочетания [то есть в Париже, где Наполеон венчался с Марией-Луизой], что его вынесли. Он, несмотря на свою подагру, хотел присутствовать и очень от этого занемог. Марья Алексеевна, говорят, едет в половине мая в чужие края.

Александр. Москва, 21 апреля 1810 года

Насчет твоей посылки в Молдавию я тебе скажу, что, сколь ни огорчительно будет для меня не пожить с тобою, сколько бы того желал, я тебя не удерживаю принять предлагаемое место. Каменский благородный человек; Милашевич, глава молдавского Сената, был друг батюшкин; это недалеко от Москвы, по словам канцлера, война скоро прекратится. Все это хорошо, но ужели не легче тебе будет управиться с турками, нежели мне с Колтовскою? Обоим дадим подзатыльника. Уговор лучше денег, смотри заезжай к нам сюда, на сколь бы ни было короткое время; а я уверен наконец, что имя Булгакова принесет счастье турецким делам.

Константин. Петербург, 25 апреля 1810 года

Я намерен в пятницу поутру оставить несносный для меня Петербург и скоро после того быть в объятиях ваших. Вели приготовить две кровати, для меня и моего товарища. Сегодня был в канцелярии и взял записку к государственному казначею для получения дорожных денег; послезавтра поутру возьму от графа письмо к Каменскому и с благодетелем своим, с вторым отцом прошусь, а там уже меня ничто здесь не будет держать, и ежели не в четверг, то в пятницу верно выеду.

Вчера получил я от Оленина наши бумаги без всякого другого ответа. Я их отдал на бережение Ивану Алексеевичу до дня моего отъезда, а он мне показывал письмо графа Завадовского к графу Гудовичу. Иван Алексеевич говорил, что он не мог бы более интересоваться о своих делах, и мы ожидаем великую от этого письма пользу. Я его с собою привезу. Я ужинал вчера у Оленина с Реманом, который скучает по Москве. После обеда заезжал я к Екатерине Даниловне, а обедал у Гриши Гагарина. Этот добрый, милый малый ежедневно дает мне доказательства искренней дружбы.

У бедного Уварова украли два перстня бриллиантовые в 2500 рублей, что его чрезвычайно расстраивает.

Константин. Петербург, 28 апреля 1810 года

А Нева еще не прошла!

А я еще здесь!

Я бы еще вчера или сегодня отсюда выехал, милый и любезный брат, но по сие время не могу добиться моих дорожных денег. Канцлер сообщил министру финансов 22-го числа, чтобы мне выдать на проезд 300 рублей; с тех пор я все за ними бегаю и получить не могу, ибо надобен подписной указ государя, а Гурьев сегодня только с докладом ездил.

Ты забыл, что я получаю 1000 франков с курсом, то есть по 50 штиверов, а рубль теперь не более двенадцати штиверов, следовательно, и мало класть, так мне 4000 франков, да 20 франков на месяц столовых, составят с лишком 2000. Куда мне их девать, ежели не разделить с тобою? Да захочу ли я их на что иное употребить?

Константин. Знаменское⁶², май 1810 года

⁶² Знаменское под Тарусою – имение Ивана Васильевича Нарышкина (нижеупоминаемый Жанно).

До сих пор путешествуем⁶³ мы не очень скоро, мой милый, любезнейший брат, и я только теперь начинаю дышать свободно. Надобен мне был такой прием, какой оказал нам добрый Жанно, чтобы прогнать от меня непонятную или, скорее, очень понятную грусть, в которой пребывал я весь день. Мы с тобою часто расставались, но никогда мне не было так больно, – да и не может быть иначе: никогда не оставлял я тебя в таких обстоятельствах. Дай Боже, чтобы ты скоро из них был выведен. Я тебя заклинаю стараться все кончить, несмотря на жертвования, кои я все на себя беру, как, кажется, тебе сказано.

Поговорим о нашем путешествии. Приехав на Драгомиловский мост, мы нашли его разведенным: первое препятствие. Пришлось долго переговариваться с унтер-офицером, который хотел вначале пропустить 200 лодок, а нам предлагал подождать до завтрашнего вечера. Имя Волкова [московский комендант, друг Булгаковых] нас спасло, и мы с этим покончили, прождав только час, сколько надобно было обязательно для наведения моста. Отъехав оттуда, мы прибыли к первым воротам только к шести часам. Покамест я спал, одна лошадь проезжавшего мимо обоза своею тяжелою телегою поломала несколько спиц в одном из колес моей брички: вторая беда, задержавшая меня на два часа. Затем переправа через речку в Подольске.

Целая куча карет и телег стояли в ожидании, мне пришлось пошуметь, поспорить с одним московским барином, что было забавно, угрожать доброму офицеру, и однако же я потярял целый час. Так что мы прибыли в Знаменское только к девяти часам вечера. Жанно был на дворе; он услышал колокольчик и не поверил, что это мы. Он был очень рад видеть нас, и нас принимали как самых любимых родных.

Константин. Нежин, 28 мая 1810 года

Мы только что плотно поели, а уже и лошади готовы. Ежели же отсюда не писать, то бог знает откуда удастся: ибо до Киева нет городов, а может быть, Киев ночью проедем. Дороги так дурны, что вообразить себе нельзя. Третью уже ночь как нас валяют, милый и любезный брат. В первую ночь Клим удержал лошадей, во вторую лежали мы во рву, а в эту ночь совсем нас опрокинули. Мазарович⁶⁴ повалился на меня и лежа вздумал толковать, отчего нас опрокинули. Кое-как вылезли без всякого вреда для нас и для коляски. Бричка также очень хорошо себя ведет; по сию пору ничего не изломано. Дай Бог не сглазить.

Константин. Киев, 29 мая 1810 года

Насилу мы сюда доехали, милый и любезный брат; но я не сожалею, что приехали мы ночью, а то бы лишился я прекрасного вида, который Киев представляет при восхождении солнца. Мы переехали в самое это время Днепр. Я со своею трубкою все время о вас думал. Этот вид, эта тишина, шум вёсел, мысль, что я с вами разлучен, так меня растрогали, что полились слезы, хотя я и не Карамзин; но право, со всем тем провел я приятную минуту. Мы остановились в Подоле возле почты. Пещеры в Пещерском три версты отсюда, да многие из них и обрушились в прошлом году, так что мы и отложили попечение их видеть. Тороплюсь чрезвычайно. Чувствую, что пора приехать на место. Я было хотел от имени Наташи сам сходить спеть панихиду по ее матери⁶⁵, но некогда, а препоручил здесь хозяину, человеку доброму, который сам едет в Бухарест и ищет моего *покровительства*. Прошу не шутить!

Константин. Могилев-на-Днестре, 31 мая 1810 года

⁶³ К.Я.Булгаков ехал на службу в Турцию, занять место Д.Н.Блудова в управлении дипломатической канцелярией главного командующего русскими войсками графа Н.М.Каменского.

⁶⁴ Известный позднее дипломатический чиновник.

⁶⁵ Племянница фельдмаршала князя Репнина, мать Натальи Васильевны Булгаковой.

Нам, видно, положено было в России всякую ночь иметь приключение. В эту ночь бричка моя вдребезги разбилась, и я принужден был, простояв 12 часов на станции, променять ее или, лучше сказать, купить другую за 15 рублей, что совсем неприятно мне было. Через несколько минут мы будем в Молдавии, которая отделена одним Днестром. Могилев уже похож на бестолковый город. Здесь мне сказывали на почте, что майор Хрущов проехал курьером в Петербург с семьюдесятью пятью знаменами, взятыми у турок с городом Базарджиком. Он отправлен был из-под Силистрии, и мне туда ехать, а как он сюда проехал за два дня, то, может, и я дня в три поспею в свое место.

Константин. Яссы, 2 июня 1810 года

Вчера прибыли мы сюда, мой милый и любезный брат. Я тотчас пошел к Василию Ивановичу [Миласевичу], который очень мне обрадовался и так милостиво со мною обходился, что я не знаю, как его благодарить. Мазаровича он обласкал; я надеюсь, что они поладят. Здесь мы с Мазаровичем расстаемся, но и я не на Бухарест еду, а, по совету Василия Ивановича, прямо к Силистрии, где главная квартира. Прежде всего скажу тебе славную весточку, о которой мы сегодня и молебен спели. Во-первых, что я тебе писал о взятии Рушук или Тыртова (не помню) – неправда, а Пеливан точно взят в плен. Мы забрали несколько городов по Дунаю к Шумле, между прочим Туртукай. Сегодня поутру Василий Иванович прислал ко мне своего секретаря спросить о здоровье и поздравить с победой, со взятием Силистрии 30 мая. Я тотчас пошел к Василию Ивановичу его поздравить и с ним ездил к молебну, который служил митрополит. После молебна были мы у него, где видел я здешних, и несколько изрядных, женщин. Василий Иванович завез меня домой и непременно хотел войти ко мне в премерзкий трактир; насилие его удержал. Какой он добрый человек! С каким живым участием говорил о нашем деле! В два часа у него обедаю, а там пускаюсь далее. Теперь мой путь гораздо сократился: можно ехать прямо на Силистрию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.